

Вестник Московского университета

ISSN 2074–6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1946 году*

Серия 22

теория перевода

4/2016

Содержание

Общая теория перевода

- Костикова О.И.* Междисциплинарная интеграция как вектор развития науки о переводе 3
Чайковский Р.Р. Свет и тени современного российского переводоведения 5

Перевод и языковая политика

- Martin Forstner.* Der wettlauf zur spitze. Chinas projekt eines wirtschaftsgürtels namens seidenstraße / *Мартин Форстнер.* Китайская стратегия «один пояс — один путь» и услуги в сфере многоязычной коммуникации: вперёд к успеху 26

История перевода и переводческих учений

- Валуицева И.И., Хухуни Г.Т.* О лингвистических и лингвокультурных аспектах перевода Библии (к 140-летней годовщине выхода в свет синодального перевода) 39

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Манерко Л.А.* Социокультурные особенности схематизации пространственного опыта в переводе с английского на русский язык 49

Методология перевода

- Горикова В.Е., Лиханова В.В.* Перевод семиотически осложнённого текста: «Цветы для Элджернона» Дэниела Киза в романе и на экране 67
Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н. Акцентологические нормы в речи устных переводчиков. 81

Вопросы терминологии

- Рамунчо Гардер, Владимир Микулинский.* Двужызычный военный словарь: русско-французский/французско-русский / Dictionnaire militaire bilingue: russe — français/français — russe 93

Хроника научной жизни

- Костикова О.И.* «Наука о переводе сегодня». V Международная конференция . . . 106

Обзоры и рецензии

- Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Костикова О.И.* Н.К. Гарбовский. «О переводе» . . . 113
Кульпина В.Г., Татаринев В.А. О самоучителе чешского языка для русскоговорящих в общих чертах и в деталях 118
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» за 2016 год 123

Contents

General Translation Theory

- Kostikova, O.I.* Translation Studies Today: Interdisciplinary Integration as a Vector for Development 3
- Chaykovskiy, R.R.* Light and Shadows of Modern Translation Studies in Russia 5

Translation and Language Policies

- Martin Forstner.* China's 'one road, one belt' initiative and its demand for multilingual communication services 26

History of Translation and Translation Schools

- Valuytseva, I.I. Khukhuni, G.T.* Linguistic and Linguocultural Aspects of Bible Translation: Celebrating the 140th Anniversary of Synodal Translation 39

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Manerko, L.A.* Sociocultural Peculiarities of Spatial Experience Schematization in Interpretation from English into Russian 49

Methodology of Translation

- Gorshkova, V.E., Likhanova, V.V.* Translating Semiotically Complicated Texts: "Flowers for Algernon" by Daniel Keyes as the Novel and Screen Adaptations 67
- Yesakova, M.N., Koltsova, Yu.N.* Accentual Standards of Interpreters' Speech . . 81

Terminology

- Ramunxo Gardères, Vladimir Mikoulinisky.* Dictionnaire militaire bilingue Russe — français / Français — Russe 93

Chronicles of Scientific Life

- Kostikova O.I.* Science of Translation. Today: the 5th International Scientific Conference 106

Reviews

- Yesakova M.N., Koltsova Yu.N., Kostikova O.I.* N.K. Garbovskij "Of Translation" 113
- Kulpina, V.G., Tatarinov, V.A.* On the Czech for Russian Speaking self-taught in General Outline and in Details 118

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

О.И. Костикова,

кандидат филологических наук, заместитель декана Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; *e-mail*: garok@list.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ

Olga I. Kostikova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Deputy Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; *e-mail*: garok@list.ru

TRANSLATION STUDIES TODAY: INTERDISCIPLINARY INTEGRATION AS A VECTOR FOR DEVELOPMENT

Перевод... один из самых трудных и социально значимых видов интеллектуальной деятельности человека — деятельности умственной, мыслительной, познавательной и творческой, характеризующейся множественностью форм и сфер бытования, чему способствует непрерывное общественное развитие и научно-технический прогресс. Отсюда сложность и противоречивость этого объекта познания в гносеологическом, онтологическом и аксиологическом плане, представляющего как многообразное явление, изучение которого требует комплексного подхода.

Редко кому приходит в голову сравнивать изображенные художником (в широком смысле слова) явления и предметы окружающего мира с их прототипами для оценки сходств и различий. Напротив, чем индивидуальнее авторское восприятие действительности, чем своеобразнее его отражение в произведении искусства, тем интереснее представляется автор.

Иное дело перевод. Переводы, по возможности, сравнивают с оригиналами, и мера творческого своеобразия здесь совершенно иначе происходит. Никто не отрицает уже, что переводчик — это творческая личность, но и права на самореализацию в переводе у неё значительно меньше, чем у автора оригинального произведения. Более двух тысяч лет перевод находится в поле зрения философов и политиков, историков и критиков, богословов, литераторов, филологов и, конечно, самих переводчиков. Размышляя о сущности этого явления, описывая его в статике и динамике, в синхронии и диахронии, одни пытаются установить критерии переводческой верности и объяснить причины переводческих неудач, другие — оценить перевод, отыскать рецепты «хорошего» перевода и сформулировать правила, которым должен следовать переводчик, третьи —

обосновать переводческие решения и определить задачи переводчика. Кто-то вопреки реальности не допускает саму возможность перевода, мотивируя свой скепсис неприкосновенностью (сакральными) текстов, отсутствием у языков конгениальности, или асимметрией культур, и обвиняя переводчиков в предательстве в прямом и переносном смысле слова («traduttore — traditore», «малинчизм»). Оптимисты же, напротив, признают перевод единственной и основной способностью человеческого ума, видят в переводческой деятельности эффективный инструмент для развития национальной словесности и науки, осознают роль переводчиков в политической, экономической и культурной жизни государств.

Накопленный веками опыт и его осмысление привели к становлению научной дисциплины, прошедшей в своём развитии, как и всякое научное знание, разные этапы. Современная наука о переводе, формировавшаяся с середины XX века в лоне лингвистики, сегодня представляет собой целый комплекс взглядов, представлений и идей, направленных на истолкование разных сторон своего объекта — перевода.

В последние десятилетия наблюдается развитие науки о переводе как самостоятельной фундаментальной комплексной дисциплины, где есть место теоретическим и экспериментальным научным исследованиям, призванным найти и описать закономерности одного из самых сложных явлений. Наука о переводе имеет собственную понятийно-терминологическую систему и использует данные и методы разных научных дисциплин: культурологии, антропологии, этнографии, психологии, социологии, философии, логики, семиотики, герменевтики, теории коммуникации, кибернетики, информатики, нейрофизиологии и других, что, несомненно, указывает на её междисциплинарный статус, отвечающий характеру современного этапа научного познания в целом.

Доминирующим в современной науке процессам интеграции знания была посвящена международная юбилейная конференция, организованная Высшей школой перевода и проходившая 19–20 февраля 2016 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова¹.

В этом номере редакция серии «Теория перевода» Вестника Московского университета предлагает читателям статьи некоторых участников конференции, подготовленные по материалам их выступлений, публикуемые на языке оригинала. Редакция предполагает продолжить публикацию выступлений других участников конференции в последующих выпусках нашего журнала.

¹ Информация о конференции размещена в разделе «Хроника научной жизни» данного выпуска журнала. В этом номере публикуются статьи некоторых участников конференции, подготовленные по материалам их выступлений. Мы продолжим публикацию выступлений других участников конференции в последующих выпусках нашего журнала (от редакции).

Р.Р. Чайковский,

доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии
Северо-Восточного государственного университета, г. Магадан;
e-mail: romantch@magadan.ru

СВЕТ И ТЕНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена рассмотрению в исторической перспективе и с современной точки зрения некоторых проблем российской науки о переводе. В ней анализируются как те достижения, которыми может гордиться отечественная теория перевода, так и те отрицательные моменты, которые характерны для российского переводоведения последних лет. В статье в сопоставительном плане рассматриваются особенности лингвистического и литературоведческого направлений в развитии российского переводоведения. В работе анализируются некоторые контрпродуктивные идеи и факторы, которые проявляются в ряде переводоведческих публикаций. Среди них — некоторые положения скопос-теории, использование квазинаучного словосочетания «переводящий язык», случаи плагиата.

Ключевые слова: достижения российского переводоведения, история, лингвистическое переводоведение, литературоведческое направление в теории перевода, наука о переводе, отрицательные моменты в современном переводоведении, тенденции в развитии теории перевода, терминология.

Roman R. Chaykovskiy,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Foreign Languages
and Literatures, North-Eastern State University, Magadan, Russia;
e-mail: romantch@magadan.ru

LIGHT AND SHADOWS OF MODERN TRANSLATION STUDIES IN RUSSIA

The article discusses some issues of translation studies in Russia from both the historical perspective and today's point of view. It analyzes achievements the Russian theory of translation can be proud of, as well as those negative aspects that have been characteristic of the theory in recent years. It also deals with the features of the linguistic and literary trends in the development of Russian translation studies in comparative terms. The paper further analyzes several counterproductive ideas and factors manifested in a number of publications on translation: some of the tenets of the skopos theory, quasi-scientific use of the phrase “переводческий язык”, and cases of plagiarism.

Key words: achievements of Russian theory of translation, history, trends in the development of the theory of translation, linguistics orientated translations studies, literature orientated translations studies, negative factors in the modern theory and practice of translation, terminology.

Наука о переводе и, прежде всего, теория художественного перевода, о которой в основном пойдёт речь в данной статье, прибли-

жаются к важной дате — к столетию со времени зарождения отечественной теории перевода, поскольку её отправной точкой можно считать март 1919 года, когда в Петрограде по инициативе А.М. Горького вышла в свет брошюра «Принципы художественного перевода», предназначенная для переводчиков издательства «Всемирная литература» [Принципы художественного перевода, 1919]. Она содержала, как известно, две статьи — статью К.И. Чуковского «Переводы прозаические» и статью Н.С. Гумилёва «Переводы поэтические». Её авторами были люди, до этого много и плодотворно занимавшиеся как переводческой практикой, так и осмыслением перевода как такового.

Первыми переводами К.И. Чуковского были переводы поэзии У. Уитмена. Работая с 1903 г. корреспондентом газеты «Одесские вести» в Лондоне, Чуковский продолжает переводить поэзию Уитмена, затем обращается к творчеству английских поэтов — Браунинга, Суинберга, Россетти. После возвращения в Россию он приступает к переводам произведений Дж. Байрона, Т. Мура, Г. Лонгфелло, Р. Эмерсона, Р. Киплинга [Чуковский, 1991: 24, 33, 34, 476–477].

В 1906 году в редактируемом В.Я. Брюсовым журнале «Весы» была опубликована статья Чуковского «Русская Whitmaniana» [Чуковский, 1906: 43–46]. Затем там же появляется его статья «В защиту Шелли» [Чуковский, 1907: 61–68]. Её материалы были позже включены Чуковским в его книгу «Высокое искусство» 1941 г. и сохранены во всех её последующих изданиях [Чуковский, 1941: 13–15]. В этих работах К. Чуковский критиковал принципы переводческой манеры К. Бальмонта.

К тому времени, когда К. Чуковский и Н. Гумилёв стали сотрудничать во «Всемирной литературе», Гумилёв также был уже признанным поэтом, критиком и переводчиком. С начала 10-х годов прошлого века в печати появляются переводы Н. Гумилёва с французского языка. В 1912 году К. Чуковский сделал для Гумилёва подстрочник некоторых стихотворений О. Уайльда с предложением перевести их. (В это время Гумилёв знал английский язык ещё слабо. Впоследствии он овладеет им лучше, изучит итальянский, вспомнит свой немецкий, который он изучал в гимназии.) Как подчёркивает биограф Гумилёва В.Л. Полушин, Гумилёв выполнил работу быстро и квалифицированно [Полушин, 2015: 413; 1991: 45]. Кроме О. Уайльда, Н. Гумилёв перевёл эпос о Гильгамеше, французские народные песни, поэмы Браунинга; в его переводах печатались стихи Байрона, Лонгфелло, Р. Саути, Вийона, Бодлера, Леконта де Лиля, Эредиа, Г. Гейне и др. О том, что литературные вкусы Чуковского и Гумилёва в области перевода во многом совпадали, говорит следующий факт. В дневнике Чуковского в записи

от 4 февраля 1906 года читаем: «переводил... стихи Браунинга. Перевёл песню Пиппы из «Pippa passes», которую давно уже и тщетно хочу перевести всю [Чуковский, 1991: 26]. В том же 1906 г. переведённый Чуковским отрывок появился в журнале «Сигналы» (см. об этом: [Чуковский, 1991: 477]). В 1914 году полный перевод поэмы Браунинга «Пиппа проходит» был напечатан в журнале «Северные записки» и в переводе Н. Гумилёва [Полушин, 1991: 45; Чайковский, 2011, passim]. Главной поэтической работой Гумилёва-переводчика можно считать книгу Т. Готье «Эмали и камеи», вышедшую в свет в 1914 г. В течение ряда лет Н. Гумилёв читал также лекции и проводил занятия по поэтическому переводу для переводчиков, сотрудничавших с издательством «Всемирная литература», и для молодых переводчиков в различных петербургских литературных студиях. По словам В.Л. Полушина, к 1918 году «Гумилёв был признанным мастером перевода» [Полушин, 1991: 45].

Небольшая статья Н. Гумилёва «Переводы стихотворные», написанная для первого издания «Принципов художественного перевода», состоит из пяти пронумерованных римскими цифрами частей, которые носят характер сжатых тезисов. В первой из них Н. Гумилёв описывает три наиболее распространённых в те годы способа перевода стихов: первый представляет собой бесцеремонное обращение с текстом подлинника, второй характеризуется русификацией переводимых поэтов, а третий способ, как можно судить по тексту Гумилёва, представляет собой некий конгломерат приёмов перевода без всякой системы. Вторая часть посвящена сохранению в переводе образов оригинала и воссозданию важных поэтических приёмов и тем. В третьей части автор статьи рассматривает природу поэтических строф в разных типах стихов (сонет, газель, октава, четверостишие, двустишие) и требует от переводчика их строгого соблюдения, поскольку каждая из них «создаёт особый, непохожий на другие ход мысли» [Принципы художественного перевода, 1919: 26]. Четвёртая часть отведена проблемам поэтики (поэтический словарь, поэтические сравнения, рифма). Кроме того, Гумилёв предупреждает переводчиков от злоупотребления такими словами, как *уже*, *лишь*, *ведь*, и рекомендует избегать их за счёт использования в строке слов с большим количеством слогов (*путь — дорога*, *страсть — любовь*). Пятая часть, на наш взгляд, представляет собой развёрнутое переводческое кредо Н. Гумилёва. В ней он впервые в русской поэтике перевода даёт краткие, но очень точные и ёмкие характеристики стихотворных метров — ямба, хоря, анапеста, амфибрахия и дактиля. Сегодня это называют поэтическим ореолом метра. Здесь же он говорит и о рифме, и о стиховых переносах (enjambement). Заканчивается

эта часть, как и вся статья, девятью знаменитыми заповедями переводчика поэзии, которые он обязан соблюдать при переводе: 1) число строк; 2) метр и размер; 3) чередование рифм; 4) характер enjambement; 5) характер рифм; 6) особые приёмы; 7) переходы тона [там же: 30].

Важно отметить, что и К. Чуковский и Н. Гумилёв считали себя учениками В.Я. Брюсова, выдающегося русского поэта, переводчика, автора ставшей классической статьи о поэтическом переводе «Фиалки в тигеле» [Брюсов, 1960: 534–539].

Через полгода, в мае 1920 г., брошюра была переиздана с добавлением статей профессора Ф.Д. Батюшкова «Задачи художественных переводов» и «Язык и стиль». Ф.Д. Батюшков — известный в своё время теоретик и историк языка и литературы, литературный и театральный критик, редактор ряда газет и журналов. Он закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, учился также в Германии, Франции, Англии и Испании. Батюшков был блестящим знатоком европейских языков и литератур (под его редакцией в 1912–1914 гг. вышла трёхтомная «История западной литературы») [Чайковский, 2011: 62–63].

В первой статье Батюшков предпринимает попытку выявить основные требования к переводчику художественной литературы. К ним он относит точную передачу смысла, максимально близкое воспроизведение стиля, сохранение особенностей языка автора, а также передачу эмоциональности художественной речи [Принципы художественного перевода, 1920: 11–12].

В статье «Язык и стиль» Батюшков развивает положения, выдвинутые в своё время Бюффеном, в соответствии с которыми стиль — это порядок и движение, вносимые писателем в выражаемые им мысли, и дополняет их такими приёмами и категориями, как выбор слов и выражений, эпитеты, тональность фразы, конструкция фразы, образность [там же: 21].

Есть все основания предполагать, что все четыре статьи совместно обсуждались авторами, и в результате был определён единый подход к художественному переводу, поскольку «тезисы К. Чуковского, правила Н. Гумилёва, представляя собой итог размышлений авторов, и отражая их собственные взгляды на природу художественного перевода, тем не менее, в целом согласуются как друг с другом, так и с положениями Ф. Батюшкова. Суть этого объединённого подхода заключается во взгляде на художественный перевод как на синтез науки и искусства, как на познание уже познанного и в требованиях достижения высокой степени адекватности перевода путём полного раскрытия смысла и воссоздания всех аспектов стиля оригинала, а также безусловного подчинения индивидуаль-

ности переводчика личности переводимого автора» [Чайковский, 2011: 63–64].

Сегодня мы можем с полным правом утверждать, что два издания «Принципов художественного перевода» стали блестящим прологом к отечественной науке о переводе. В них были сформулированы многие идеи и положения, которые не потеряли своего значения и сегодня, т.е. почти через сто лет, хотя попытки ревизовать их продолжают и в наши дни (см. о таких попытках, например: [Чайковский, Лысенкова, 2003: 94–99]).

Нельзя не подчеркнуть и тот факт, что из трёх авторов этой книги лишь одному К.И. Чуковскому (1882–1969) была суждена долгая жизнь, в течение которой он не прекращал работать над теоретическими и практическими вопросами теории художественного перевода. Судьба двух других авторов сложилась трагически: Ф.Д. Батюшков (1857–1920) ко времени выхода второго издания книги «Принципы художественного перевода» в свет скончался в Петрограде от голода. Н.С. Гумилёв был расстрелян большевиками 25 августа 1921 г.

Биограф Н.С. Гумилёва В.Л. Полушин пишет: «Можно представить, каких бы вершин достигла школа переводчиков в России, если бы она унаследовала заветы великого мастера!..» [Полушин, 2015: 588]. Сегодня трудно сказать, было ли бы всё так, как предполагает В.Л. Полушин, однако с уверенностью можно говорить о том, что если бы Н. Гумилёв был жив и продолжал переводить зарубежную поэзию в соответствии с его принципами, то при его авторитете как поэта и переводчика его переводческая работа могла бы оказаться действенным противовесом переводной продукции тех поэтов-переводчиков, которые в 20–60 гг. прошлого века исповедовали преимущественно принципы вольного перевода (С. Маршак, Б. Пастернак, П. Антокольский, В. Левик, С. Петров и др.). Не исключено также, что Н. Гумилёв продолжал бы и разработку теории поэтического перевода, что также могло бы сказаться на качестве переводов.

Отличительной особенностью книги «Принципы художественного перевода» 1920 г. явилось органическое сочетание в статьях достаточно разных по своим теоретическим установкам авторов литературоведческого и лингвистического подходов к переводу. Впоследствии, как мы знаем, эти две линии переводоведческих исследований разошлись, и с начала 1950-х годов в российской теории перевода относительно мирно сосуществовали два направления — лингвистическое и литературоведческое.

Небезынтересно посмотреть, к чему пришло отечественное переводоведение через век после первых основополагающих работ

К.И. Чуковского, Н.С. Гумилёва и Ф.Д. Батюшкова. Разумеется, для того чтобы сделать обзор даже части достижений и слабостей российской теории перевода, потребовался бы целый коллектив авторов. Задача этой статьи намного скромнее. В ней предпринимается попытка показать те стороны отечественной теории перевода (преимущественно на материале переводов художественной литературы), которые можно отнести к её достижениям, а также те, которые нельзя занести в её актив.

Начнём с тех очевидных плюсов, которые заметны при объективной, непредвзятой оценке ситуации в сфере теории перевода в России. Многочисленные труды и, прежде всего, монографические издания выдающихся отечественных переводоведов как лингвистического, так и литературоведческого направлений составили уже золотую библиотеку российской истории, теории и критики перевода. Книги и другие публикации К.И. Чуковского, А.В. Федорова, М.П. Алексеева, Е.Г. Эткинда, И.А. Кашкина, В.М. Россельса, Ю.Д. Левина, П.М. Топера, Р.К. Миньяра-Белоручева, И.И. Ревзина, В.Ю. Розецвейга, А.Д. Швейцера, В.Н. Комиссарова, Я.И. Рецкера, В.С. Виноградова, С.Ф. Гончаренко, Н.К. Гарбовского, Л.К. Латышева, Л.Л. Нелюбина, Г.Т. Хухуни, Ю.А. Сорокина, И.С. Алексеевой, Т.А. Казаковой, В.С. Модестова, Ю.П. Солодуба, Л.С. Макаровой, З.Г. Прошиной, Е.Л. Лысенковой, В.А. Митягиной, Н.М. Нестеровой. В.В. Сдобникова и О.В. Петровой, О.И. Костиковой и десятков других авторов заняли каждая своё место в складывающейся мозаике российского переводоведения.

Но можем ли мы сказать, что перед нами цельный мозаичный узор или законченная мозаичная картина? Думается, что говорить так мы пока, к сожалению, не можем. Поэтому на теперешнем этапе развития теории перевода мы должны рассматривать составляющие эту аморфную мозаику камушки по отдельности и думать над тем, какой с каким должны лечь рядом, чтобы в итоге получилось богатое, многокрасочное панно.

Если литературоведческое направление было по преимуществу относительно однородным, цельным течением, то лингвистическая школа распушилась как веер. Думается, что одна из причин такого развития заключается в различиях исходных баз, на которых строились и строятся исследования в рамках этих двух направлений (хотя, разумеется, нельзя говорить о чистоте каждого из течений, поскольку и в литературоведческом направлении не чурались касаться языковых вопросов перевода, и в лингвистическом авторы понимали, что при переводе художественной литературы не обойти вопросы эпохи создания оригинала, его жанра, индивидуального стиля писателя и т.п.).

Однако вернёмся к отечественной школе художественного перевода. Как уже упоминалось выше, деление переводоведения на литературоведческое и лингвистическое никогда не было абсолютным. Если мы откроем любое из многочисленных изданий знаменитой книги К.И. Чуковского «Высокое искусство», то увидим, что даже после того, как из издания 1936 года из неё автором были изъяты некоторые лингвистические пассажи (см. об этом: [Чайковский, 2008 (а): 58]), лингвистика из книги никуда не ушла. Об этом красноречиво свидетельствуют названия некоторых глав: «Словарные ошибки», «Бедный словарь — и богатый», «Слух переводчика. — Ритмика. — Звукопись», «Синтаксис. Интонация. К методике переводов Шекспира» [Чуковский, 1968]. Возможно, и поэтому книга К.И. Чуковского стала самым авторитетным российским изданием в области теории и практики художественного перевода и первым и, если мы не ошибаемся, единственным трудом отечественных переводоведов, переведённым на английский язык [The Art of Translation..., 1984]. (В скобках объективности ради следует заметить, что в зарубежном переводоведении работа Чуковского удостаивалась как очень высоких оценок, так и сдержанных отзывов. См. об этом: [Friedberg, 1997: 71]).

Тем не менее, книга К.И. Чуковского «Высокое искусство» по праву приобрела статус канона и заслуженно пользуется непрекращаемым авторитетом. Но все ли положения этого труда, все ли методы анализа, использованные в нём, мы можем рекомендовать начинающим переводчикам и переводоведам? Вероятно, что не все. Вряд ли можно, например, рекомендовать студентам-переводоведам прибегать к приёму сопоставления переведённых слов оригинала с их соответствиями в переводе, который мы находим в книге Чуковского, поскольку мы должны сопоставлять исходные слова (на исходном языке) со словами языка перевода. У Чуковского же мы читаем: «У Шелли написано: *лютня*, Бальмонт переводит *рокот лютни чаровницы*. ...У Шелли написано: *лепестки*, он переводит: *пышные букеты*» и т.д. [Чуковский, 1968: 25]. Разумеется, что ни о какой *лютне*, ни о каких *лепестках* Шелли никогда не писал, так как русского языка он не знал, а писал на своём родном языке. Читатель книги Чуковского так и не узнает, какие же слова употребил в оригинале Шелли, и почему нельзя было заменить *лепестки букетом*.

Испепеляющую критику Чуковским переводов Федора Сологуба из Шевченко также следовало бы воспринимать с некоторой осторожностью [там же: 349–357]. Бесспорно, в своей оценке Чуковский во многом прав, но то, что он не заметил или не захотел заметить удачных переводов этого переводчика, вызывает озадаченность (см.

об этом также: [Чайковский, 1997: 77; Чайковский, Лысенкова, 2013: 50]).

Однако по сравнению с другой представительницей литературоведческого направления, Норой Галь, автором неоднократно переиздававшейся книги «Слово живое и мёртвое» (недавно вышло очередное издание), К.И. Чуковский предстаёт действительно Айболитом российской словесности, о котором Евг. Евтушенко писал так:

*Но он юно, изящно и весело
фехтовал до конца своих дней, —
Айболит нашей русской словесности —
с бармалействующими в ней* [Евтушенко, 1980: 175].

И если искать ему антипода в виде Бармалея, то Н. Галь, на наш взгляд, хорошо под этот образ подходит. В её книге есть многое, кроме, пожалуй, доказательств. Вот только некоторые тезисы Норы Галь: переводчик начинается тогда, когда перестаёт быть рабом иноязычной фразы, когда превыше всего для него «не буква подлинника, но его дух» [Галь, 2007: 210]. Разумеется, что такое «буква подлинника» и что такое «дух подлинника» автор не разъясняет — все это должны, видимо, понимать без разъяснений. Один из приёмов критики Галь заключается в конструировании одних предложений на русском языке (возможно, они взяты из каких-либо переводов, но никаких ссылок автор не даёт) и придумывании вместо них других, более, с её точки зрения, подходящих. Оригиналы, повторяюсь, не приводятся. Ср.: «Можно сказать: «Да, судьба любит *подшучивать над людьми*». Но короче, образней: “Да, все мы *игрушки судьбы*”. Можно: “выпил чай *одним глотком*”, а не лучше ли: *залпом*? И об охоте лучше не *убил*, а *уложил* зверя, и поднялась не *стрельба*, а *пальба*» [там же: 214]. Об оригинале ни слова — нужна ли в данном конкретном случае краткость при переводе, уместна ли здесь образность, мы так и не узнаем. И кто скажет, что лучше выпить чай *залпом*, а не *одним глотком*. Но, думаю, большинство носителей русского языка определённо скажут, что *убил* зверя — это одно, а *уложил* зверя — нечто другое. Из приведённых примеров мы узнаём лишь, что Н. Галь больше по душе каждый раз её второй вариант. А как там, у автора — это для Галь дело второе.

Как здесь не вспомнить афоризм Хорхе Луиса Борхеса: «Оригинал неверен по отношению к переводу» [Душенко, 2005: 376].

О переводчиках прозы Э. Хемингуэя Нора Галь пишет как о «достойных соперниках мастерству автора» [Галь, 2007: 269]. Галь в своей книге всех поучает, всех научает русскому языку, но и её порой чувство языка подводит: можно быть соперником кого-то,

но не чего-то. Да и тезис о соперничестве переводчика с автором — это один из отголосков широко известного тезиса В.А. Жуковского, в соответствии с которым переводчик в прозе есть раб, а в стихах соперник [Русские писатели..., 1960: 86] и общей нацеленности бывшего советского социума на борьбу, на бой, на битву, на любые виды соперничества. Все помнят о том, что в СССР не убирали урожай, а вели за него битву, все шли на борьбу с сорняками и т.п. И, оказывается, соперничали с иноязычными авторами. Н. Галь решила к тому же развить мысль Жуковского и пришла к выводу, что соперничать с автором должны не только переводчики поэзии, но и прозы.

Знаменитая фраза В.А. Жуковского о рабе и сопернике, на наш взгляд, не более чем эпатажная характеристика его особого (в какой-то мере исторически обусловленного) метода переложения зарубежной поэзии, плодотворность которого в собственно переводческом смысле весьма сомнительна. Пытаться соперничать с великими — пустая затея. Тому, кто не осознаёт этой истины, лучше за перевод не браться. Смирение и скромность — более надёжные помощники в переводе высокой поэзии и блистательной прозы. Соперничать переводчик может только с другими переводчиками, ибо в переводческой работе изначально все равны — и мэтры перевода и люди, только пробующие себя в этой сфере. И ответ на вопрос — чей перевод лучше? — далеко не predetermined. Нередко признанные переводчики вынуждены уступать именам менее известным. Сегодня уже многие признают, что переводы Пастернака из Рильке и из Гёте, сонеты Шекспира в переводе Маршака — далеко не всегда вершинные достижения практики художественного перевода. Так что с переводимыми авторами нужно было и во времена Жуковского, и во времена Галь не соперничать, а сотрудничать. Этот же подход необходим переводчикам и сегодня.

О нелюбви Н. Галь к причастиям и деепричастиям и том негативном влиянии, которые многие её рекомендации могут оказать на молодых переводчиков, автор этой статьи писал в своей книге «Основы художественного перевода» [Чайковский, 2008 (а): 109–112].

Осталось добавить, что Н. Галь принадлежала к так называемой кашкинской школе художественного перевода, глава которой, И.А. Кашкин, был создателем теории реалистического перевода. В стране социалистического реализма другого перевода быть не могло, поэтому не будем пенять этому переводчику и переводоведу, равным образом как с высоты сегодняшнего времени мы не станем вспоминать о том, что когда-то К.И. Чуковский писал о советском стиле перевода. А вот цена и уважая действительные

достижения литературоведческого направления в художественном переводе, следует всё же советовать новым поколениям переводчиков и исследователей перевода учиться критически воспринимать всё, кем бы оно ни было написано, учиться видеть плюсы и минусы любых теоретических доктрин учёных и рекомендаций переводчиков-практиков.

О литературоведческих солнечных и теневых сторонах перевода можно было бы говорить ещё долго, но необходимо обратиться и к переводоведческим работам лингвистов.

Важной особенностью развития лингвистической теории перевода в начале XXI в. следует признать творческое сочетание науки о переводе, расширение информационного потенциала переводоведения и практики подготовки переводчиков. Лидерство в этом отношении принадлежит учёным Высшей школы перевода МГУ им. М.В. Ломоносова, которая была основана в 2005 г. усилиями известного российского переводоведа, доктора филологических наук, профессора Н.К. Гарбовского и его коллег. Накануне открытия Высшей школы перевода увидела свет монография Н.К. Гарбовского «Теория перевода», скромно обозначенная как учебник [Гарбовский, 2004].

В нашей рецензии на это авторитетное издание говорится: «Монография Н.К. Гарбовского выгодно отличается от всех выходявших в предшествующие десятилетия работ своей универсальностью. Она органично сочетает в себе атрибуты серьёзного исторического введения в науку о переводе, качества глубокой научной монографии по кардинальным проблемам теории перевода и высокий уровень вузовского учебника, отражающего новейшие достижения переводоведения и отвечающего самым высоким требованиям методики перевода. <...> С выходом в свет книги Н.К. Гарбовского можно говорить об окончательном конституировании переводоведения как отдельной науки с собственными категориями и законами, как науки, которая по праву заняла своё достойное место в ряду других наук XXI в.» [Чайковский, 2008 (6): 174, 175].

Ещё одно выдающееся достижение Н.К. Гарбовского и его учеников — создание журнала «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода». Впервые в истории России на государственном уровне под эгидой ведущего университета страны стал выходить журнал, призванный стать общероссийской трибуной передовых идей отечественной науки о переводе и успешно эту миссию выполняющий.

Но, вместе с тем, сколько идей наших лучших переводоведов остаются не реализованными, сколько их забывается, сколько из них так и остаются недооценёнными. Вот пример такой ситуации.

В 1998 году в 3-м номере журнала «Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация» появилась статья Н.К. Гарбовского «О некоторых проблемах современной науки о переводе» [Гарбовский, 1998]. В ней ставится вопрос о так называемой идеальной сущности высказывания, которая также должна воспроизводиться в переводе [Гарбовский, 1998: 132–135]. Впоследствии автор развил эту идею в своей книге «Теория перевода» [Гарбовский, 2004, с. 270, 281–285]. Профессор Гарбовский писал: «Различение реального, предметного, и идеального в переводе чрезвычайно важно. Взгляд на перевод как на отражение идеального позволяет иначе взглянуть на многие извечные проблемы теории перевода, а именно на проблемы переводимости и адекватности, вольного и буквального в переводе, проблему реалий и многое другое. Но уяснение идеальной сущности, заключённой в тексте оригинала, представляется весьма затруднительным. Современная теория перевода не располагает сколько-нибудь эффективными методами для решения этой задачи» [Гарбовский, 1998: 133; Гарбовский, 2004: 285].

Прошло уже около двадцати лет с момента публикации этой важной статьи, а печальный вывод учёного верен и сегодня: «Что касается идеальной сущности высказывания, то её дешифровка, т.е. понимание, ещё не нашла должного отражения в науке о языке» [Гарбовский, 2004: 285]. И в науке о переводе, добавим мы.

В 2015 году Н.К. Гарбовский, среди прочих своих работ последних лет, опубликовал программную статью «Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний», которая закладывает основы системной трансдисциплинарности переводоведения. Хочется верить, что она станет той вехой, с которой начнётся отсчёт качественно нового этапа отечественной теории перевода [Гарбовский, 2015: 3–20].

В 2016 г. был издан капитальный труд Н.К. Гарбовского «О переводе», в котором рассматриваются лингвистические основы перевода, методология перевода, проблемы общей теории перевода, взаимосвязи языка и культуры, истории и философии перевода, социологии переводческой деятельности, а также дидактики перевода. Красной нитью через всю книгу проходит мысль её автора о трансдисциплинарности научного знания о переводе [Гарбовский, 2016].

Без всяких натяжек можно утверждать, что деятельность Высшей школы перевода как факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, издание 22-й серии Вестника Московского университета «Теория перевода», научные исследования Н.К. Гарбовского, О.И. Костиковой, Э.Н. Мишкурова и других преподавателей Высшей школы

перевода — это те достижения, которыми отечественное переводоведение может гордиться.

Однако не всегда и не всё в науке о переводе обстоит так благополучно. Из многих болевых вопросов лингвистической теории перевода упомянем сначала так называемую категорию цели. Как мы знаем, в 80-х годах прошлого века в Германии возникла целая переводоведческая теория цели, в основу которой была положена деструктивная идея детронизации исходного текста и оправдания любого его изменения в угоду некоей цели, поставленной заказчиком или инициатором этого перевода или ожиданиями его потребителей. Во главу угла эта теория ставила желание заказчика видеть текст в удобоприемлемом для него виде вне зависимости от того, *что* авторский текст в себе несёт. Подчинение идеи примата исходного текста идее квазипервичности переводного текста, на наш взгляд, низводит перевод до положения услуги в сфере обслуживания с её принципом: «Чего изволите?» или «Клиент всегда прав» [Чайковский, 2008 (а): 23].

Переводоведческая теория цели (скопос-теория), из недр которой вышли столь контрпродуктивные идеи, своевременно получила весьма негативную оценку в работах ряда специалистов. По обоснованному мнению А. Келлетата, например, подобные теории призваны оправдать переводческий произвол по отношению к исходному тексту [Kelletat, 1986], (см. также: [Kohlmayer, 1988: 145–156; Koller, 1997: 212–214]). Думается, однако, что скопос-теория порождает не только произвол переводчика. Она к тому же служит и хорошим прикрытием непрофессионализма переводчика: все свои ошибки он может теперь оправдать некими эфемерными целями [Чайковский, 2008 (а): 23].

Казалось бы, скопос-теория благополучно скончалась и можно заниматься другими проблемами. Но через тридцать лет некоторые авторы посчитали необходимым реанимировать эту засохшую ветвь переводоведческой науки. Реаниматоры обнаружили и в Германии, и в России. Они стали писать о том, что рамки, ограничивающие глубину использования «потенциала оригинала», создаются заказом и / или целью переводчика (см. об этом: [Найдич, Павлова, 2015: 15]). Утверждается, например, и такое: «Часто жанр известен изначально (например, сформулировано в заказе)...» [там же: 17]).

Из приведённых слов следует, что заказчик может поставить перед переводчиком цель перевести, например, «Полночный троллейбус» Булата Окуджавы в жанре басни, а рассказ Юрия Казакова «Во сне ты горько плакал» в виде поэмы или романа. Вряд ли такие идеи можно назвать продуктивными.

В последнее время постулаты скопос-теории наиболее однозначно были сформулированы в монографии В.В. Сдобникова «Оценка качества перевода» [Сдобников, 2015(б)] и в его докторской диссертации «Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода» [Сдобников, 2015(а)]: «Функция текста перевода в принимающей культуре может не совпадать с функцией текста оригинала в исходной культуре и всегда зависит от цели перевода, в свою очередь, определяемой потребностями и ожиданиями инициатора перевода, а также ожиданиями получателей перевода» [Сдобников, 2015(б): 50]. Т.е. автор оригинала оказывается пустым местом, а то, что он написал — лишь материал для «потребностей» и «ожиданий» неизвестного заказчика и сырьё для изготовления некоего текста, которого от переводчика якобы ожидают получатели его перевода, которые, как правило, даже не знают, что переводчик что-то переводит.

Если мы, например, узнаем, что в архиве недавно скончавшегося всемирно известного писателя, семиотика и переводоведа Умберто Эко сохранился ещё не опубликованный роман, то издатель (заказчик, инициатор) может сказать переводчику, что читатели во всём мире будут ждать от переводчика, чтобы он перевёл роман хорошо, кроме того, перевёл этот роман на их язык адекватно — максимально близко воссоздавая смысл и форму романа (без ошибок и отсебятины).

Нам могут возразить — но переводу всегда предшествует какая-то цель. Ответим так: всякой деятельности предшествует какая-либо цель, а в художественном переводе она как раз далеко не всегда является определяющей. Как показывает анализ и самих переводов, и свидетельств переводчиков и переводоведов, цель при переводе может и отсутствовать. Это происходит тогда, когда переводчик (нередко вопреки своему желанию) начинает в уме подбирать строчки перевода какого-либо поэтического текста, которые он переводить не собирался и не собирается: строчки словно приходят к нему сами. Никакой цели нет, но почему-то нестерпимо хочется переводить.

Думается, что в сфере художественной литературы перевод зачастую определяют не цели. Определяют возникновение перевода, по нашему мнению, прежде всего, разнообразные импульсы, поводы, причины, мотивы. Среди них — удовольствие от текста, соперничество с другими переводчиками, исполнение переводческого долга, заработок, в конце концов.

Человек прочитал какое-то произведение, которое вызвало у него живой отклик, и он знает, что оно вызвало бы такой же отклик у его друга, но этот друг языком оригинала не владеет. Тогда

человек переводит этот текст для друга, чтобы поделиться с ним радостью от восприятия этого текста. Его мотив — удовольствие. Кто-то, зная оригинал, прочитал чей-то перевод, и понял, что этот перевод никуда не годится. Он решает для себя перевести этот оригинал ещё раз, чтобы доказать себе (а возможно, и другим), что он может сделать это лучше. Его мотив — соперничество с другим переводчиком. Ещё кто-то прочитал оригинал и понимает, что никто за перевод этого текста не возьмётся. Он берётся за него, рассматривая этот труд как свой долг. Его мотив — исполнение долга. Аспиранту, знающему язык, говорят, что на переводах детективов можно немного заработать. Он садится и делает перевод. Его мотив — заработок. Появился роман, ставший в мгновение ока мировым бестселлером, как, к примеру, было с романом Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен», и переводчики в десятках стран бросаются переводить его, чтобы первыми познакомить читателей в своей стране с этим выдающимся произведением. И здесь сходятся все упомянутые мотивы — и удовольствие, и соперничество, и исполнение долга, и заработок, и многие другие.

Таких мотивов можно назвать десятки. Что же касается цели перевода, то можно высказаться банально: цель перевода — перевод: создание самого близкого текстового соответствия тексту оригинала как на уровне смысла, так и на уровне значения его формы, как на уровне идиостиля автора, так и на уровне реализации всех авторских интенций и т.д. Так было во времена Иеронима Софроника, так это остаётся в сфере художественного перевода, к счастью, и в наше время.

Фетишизация категории цели в сфере художественного перевода, на наш взгляд, не имеет под собой серьёзных оснований, потому что цель любого перевода должна быть устремлена к единственному результату — достижению с учётом всей специфики конкретного исходного текста и специфики языка перевода максимально возможного уровня адекватности. Если же говорить совсем просто, то можно воспользоваться формулой всё того же У. Эко: цель перевода — сказать почти то же самое на другом языке [Эко, 2006]. Всё остальное в сфере художественного перевода, как это ни печально для некоторых переводчиков и переводоведов — от лукавого.

Ещё одна проблема лингвистической теории перевода, которую нельзя обойти, это аномальный квазитермин «переводящий язык». Термином это словосочетание — несмотря на его распространённость — назвать вряд ли можно (подробнее см.: [Чайковский, 2013: 43–61; Чайковский, 2012(а): 31–41; Чайковский, 2012(б): 30–43]). Статья об этой терминологической нелепице вызвала достаточно много отзывов от докторов наук и профессоров В.И. Авербуха,

Б.Л. Бойко, Г.Д. Воскобойника, Н.К. Гарбовского, З.Г. Прошиной, Е.В. Тереховой. Г.Т. Хухуни, от Президента Союза переводчиков России Л.О. Гуревича, от ряда кандидатов наук — специалистов по переводоведению, от других коллег, так или иначе связанных с переводом.

Большая часть авторов писем не предполагают впредь использовать эту терминологическую абракадабру. Это естественно: говорящего языка нет, пишущий язык науке не известен, слышащий язык ещё не обнаружен, читающий язык не изобретён, а «переводящий» язык существует в российском переводоведении уже более полувека.

Этот квазитермин лингвистического переводоведения заполнил страницы статей, диссертаций, книг отечественных переводоведов, и никто не решался сказать, что это нелепость, от которой надо незамедлительно отказаться, чтобы не выглядеть, по меньшей мере, непрофессионально. Можно, однако, с сожалением допустить, что избавиться от этой терминологической несурезицы вряд ли скоро удастся, потому что даже те авторы, которые понимают всю недопустимость этого словосочетания, пасуют перед ним, как это делают Л.Э. Найдич и А.В. Павлова в книге «Трубочист или лорд? Теория и практика немецко-русского и русско-немецкого перевода», изданной в 2015 году: «Термин “переводящий язык” представляется нам крайне неудачным, поскольку использованное в нём действительное причастие внушает, что язык сам что-то переводит. Однако этот термин в переводоведении давно принят, поэтому он используется в виде аббревиатуры в данной книге» [Найдич, Павлова, 2015: 2, сноска 1]. Авторы весьма удачной книги сознательно используют крайне неудачный термин, хотя приемлемый вариант «язык перевода» (или «переводной язык») доступен всем.

В данной статье речь больше идёт о *тнях*, чем о *свете* переводоведения, поскольку о достижениях науки о переводе пишут многие и относительно часто, а о негативных сторонах, к сожалению, намного меньше и реже. Поэтому ниже кратко скажем и о таком виде *тени* как плагиат.

Возьмём в качестве примера «Пособие по теории перевода (на английском материале)» Ю.В. Пиввуевой и Е.В. Двойниной, увидевшее свет в московском издательстве «Филоматис» в серии «Филология» с указанием на переплёте: «Библиотека преподавателя и студента» в 2004 году. В главе 7 «Лингвистические аспекты перевода художественной литературы» обращают на себя внимание страницы, посвящённые ритму прозы. Один из абзацев оставляет впечатление чего-то давно знакомого. Кто-то уже о ритме прозы так писал. Недолгие поиски позволяют обнаружить этот текст в книге К.И. Чу-

ковского и А.В. Федорова «Искусство перевода» 1930 года (в той части, которая написана А.В. Федоровым). Для удобства сравнения приведём оба текста в параллельных столбцах:

<p>«При переводе прозаических произведений постоянно приходится иметь дело с особым ритмом прозы, качественно отличным от ритма стихов. Ритм прозы, опирающийся на элементы конкретного языка и оперирующий ими, всегда специфичен для этого языка. Он создаётся прежде всего упорядоченным расположением более крупных смысловых и синтаксических элементов речи, их следованием в определённом порядке — повторениями слов, параллелизмом, контрастами, симметрией, характером связи фраз и предложений. Кроме того, ритм прозы обуславливается также эмоциональным нагнетанием, распределением эмоциональной силы, патетической окраски, связанной с тем или иным отрезком речи» [Пиввуева, Двойнина, 2004: 222–223].</p>	<p>«Существует особый ритм прозы, с которым приходится сталкиваться переводчику. Ритм прозы — явление отличное от ритма стиха: создаётся он не столько правильным чередованием звуковых единиц (например, слогов ударенных и неударенных, целых групп слогов, мужских и женских окончаний), сколько упорядоченным расположением более крупных смысловых и синтаксических элементов речи, их следованием в определённом порядке — повторениями слов, параллелизмами, контрастами, симметрией, характером связи фраз и предложений. Кроме того, ритм прозы обуславливается также эмоциональным нагнетанием, распределением эмоциональной силы, патетической окраски, связанной с тем или иным куском речи» [Чуковский, Федоров, 1930: 108].</p>
--	--

На указанных страницах ссылки на А.В. Федорова нет. В приложенной к книге библиографии работа Чуковского и Федорова 1930 года не значится. Следовательно, перед нами явный факт плагиата.

Однако этот случай не идёт ни в какое сравнение с тем, который мы находим в книге А.В. Клименко «Ремесло перевода», вышедшей в 2007 году в издательстве «Восток — Запад». Из её 637 страниц 364 страницы занимает книга Н.Б. Аристова «Основы перевода», изданная в 1959 году Издательством литературы на иностранных языках. Правда, А.В. Клименко включил книгу Н.Б. Аристова в библиографию и внёс несколько дополнений в Памятку переводчика. На первое место он вместо совета для письменного переводчика, для которого и предназначена книга, «Прочти весь текст (или главу) до конца (обрати особое внимание на заголовок) и постарайся понять общее содержание» [Аристов, 1959: 201], выдвигает вдруг ни с того, ни сего требование: «Не спи!», не имеющее к содержанию книги никакого отношения [Клименко, 2008: 294]. Письменному переводчику, как мы знаем, иногда приходится и подремать за столом. Зато в конце памятки этот квазиавтор поучает переводчиков следующим образом: «Вообще веди «Тетрадь переводчика». В старости издашь — будет прибавка к пенсии, так как

защита авторских прав переводчика — дело в нашей стране зыбкое» [Клименко, 2008: 295]. Последняя рекомендация г-на Клименко звучит так: «Не идолопоклонствуй! Носитель языка — не икона. Среди них (носителей) есть и бомжи, и иммигранты с уровнем образования гораздо ниже твоего. Верь в свои знания.

То же относится и к печатной продукции. Зарубежные издательства (впрочем, теперь уже и наши) не слишком утруждают себя корректурой» [там же]. Ознакомившись с книгой, подписанной фамилией Клименко, впору добавить: издательства не слишком утруждают себя и проверкой на плагиат.

Разумеется, что упомянутые выше плюсы и минусы далеко не полно характеризуют сегодняшнее состояние отечественного перевождения. Оно развивается динамично, в нём всегда непременно будут и значительные достижения, и неизбежные провалы, однако отслеживать процесс этого развития необходимо постоянно. Мы уверены, что это пойдёт на пользу нашей науке, служащей лучшему взаимопониманию народов и объединению человечества — науке о переводе.

Список литературы

- Аристов Н.Б.* Основы перевода. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. 264 с.
- Aristov, N.B.* Osnovy perevoda [Basic Translation], Moscow: Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah, 1959, 264 p. (in Russian).
- Брюсов В.Я.* Фиалки в тигеле // Русские писатели о переводе (XVIII–XX вв.). Л.: Сов. писатель, 1960. С. 534–539.
- Brjusov, V.Ja.* Fialki v tigele, Russkie pisateli o perevode (XVIII–XX vv.) [Violets in the pot, Russian writers about translation (XVIII–XX)], Leningrad: Sov. pisatel', 1960, pp. 534–539 (in Russian).
- Галь Н.* Слово живое и мёртвое. М.: Время, 2007. 592 с.
- Gal', N.* Slovo zhivoe i mertvoe [The word alive and dead], Moscow: Vremja, 2007, 592 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* О некоторых проблемах современной науки о переводе // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998. № 1. С. 125–135.
- Garbovskij, N.K.* O nekotoryh problemah sovremennoj nauki o perevode [On some problems of contemporary science of translation], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*, 1998, No 1, pp. 125–135 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* О переводе. М.: Форум, 2016. 752 с.
- Garbovskij, N.K.* O perevode [On translation], Moscow: Forum, 2016, 752 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015. № 1. С. 3–20.

- Garbovskij, N.K.* Sistemologicheskaja model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znanij [Systemological model of the science of translation. Transdisciplinarity and system of scientific knowledge], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 22. Teorija perevoda*, 2015, No 1, pp. 3–20 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Garbovskij, N.K.* Teorija perevoda [Theory of translation], Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. 544 p. (in Russian).
- Душенко К.В.* В начале было слово: Афоризмы о литературе и книге. М.: Эксмо, 2005. 480 с.
- Dushenko, K.V.* V nachale bylo slovo: Aforizmy o literature i knige [In the beginning was the word: Aphorisms about literature and books], Moscow: Eksmo, 2005, 480 p. (in Russian).
- Евтушенко Е.А.* Избранные произведения: В 2-х томах. Т. 2. 1966–1974. Стихотворения и поэмы. М.: Худож. лит., 1980. 398 с.
- Yevtushenko, E.A.* Izbrannye proizvedeniya: V 2-h tomah. T. 2. 1966–1974. Stihotvorenija i poemy [Selected works: in 2 vol, vol. 2, 1966–1974. Poems and runes], Moscow: Hudozh. lit., 1980, 398 p. (in Russian).
- Клименко А.В.* Ремесло перевода. Практический курс. М.: АСТ: Восток — Запад, 2008. 636 с.
- Klimenko, A.V.* Remeslo perevoda. Prakticheskij kurs [The craft of translating. Practical course], Moscow: AST: Vostok — Zapad, 2008, 636 p. (in Russian).
- Найдич Л.Э., Павлова А.В.* Трубочист или лорд? Теория и практика немецко-русского и русско-немецкого перевода. СПб.: Златоуст, 2015. 408 с.
- Najdich, L.E., Pavlova, A.V.* Trubochist ili lord? Teorija i praktika nemetsko-russkogo i russko-nemetskogo perevoda [A chimney-sweep or a lord? Theory and practice of German-Russian and Russian-German translation], St. Petersburg: Zlatoust, 2015, 408 p. (in Russian).
- Пиввеева Ю.В., Двойнина Е.В.* Пособие по теории перевода (на английском материале). М.: Филоматис, 2004. 304 с.
- Pivvueva, Ju.V., Dvojnina, E.V.* Posobie po teorii perevoda (na anglijskom materiale) [Textbook on the theory of translation (on the English material)], Moscow: Filomatis, 2004, 304 p. (in Russian).
- Полушин В.Л.* Николай Гумилёв: Жизнь расстрелянного поэта. М.: Молодая гвардия, 2015. 723 с.
- Polushin, V.L.* Nikolay Gumilev: Zhizn rasstrelyannogo poeta [Nikolay Gumilev: Life of an executed poet], Moscow: Molodaya gvardiya, 2015, 723 p. (in Russian).
- Полушин В.Л.* Рыцарь русского Ренессанса. Размышления о жизни и творчестве // Гумилев Н.С. В огненном столпе / Вступ. статья, сост., лит.-ист. коммент., именной указатель В.Л. Полушина. М.: Сов. Россия 1991. С. 5–50.
- Polushin, V.L.* Rytsar russkogo Renessansa. Razmyshleniya o zhizni i tvotchestve [Knight of the Russian Renaissance. Reasoning about life and creative work], Gumilev N.S. V ognennom stolpe, Vstup. statya, sost., lit.-ist. komment., imennoi ukazatel V.L. Polushina, Moscow: Sov. Rossia, 1991. Pp. 5–50 (in Russian).

- Принципы художественного перевода. Петроград: Гос. изд-во, 1920. 60 с.
 Printsipy khudozhestvennogo perevoda [Principles of literary translation], Petro-
 grad: Gos. izd-vo, 1920, 60 p. (in Russian).
- Принципы художественного перевода. Статьи К. Чуковского и Н. Гуми-
 лёва. Петербург: Изд-во «Всемирная литература» при Народном Ком-
 миссариате по Просвещению, 1919. 31 с.
 Printsipy khudozhestvennogo perevoda. Stat'yi K. Chukovskogo i N. Gumileva
 [Principles of literary translation. Articles by K. Chukovskij and N. Gumilev],
 Peterburg: Izd-vo "Vsemirnaya literatura" pri Narodnom Komissariate po
 Prosvescheniyu, 1919, 31 p. (in Russian).
- Русские писатели о переводе (XVIII—XX вв.). Л.: Сов. писатель, 1960. 696 с.
 Russkiye pisateli o perevode (XVIII—XX vv.) [Russian writers on translation
 (XVIII—XX cent.)], Leningrad: Sov. pisatel, 1960, 696 p. (in Russian).
- Сдобников В.В.* Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии пе-
 ревода: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Доб-
 ролюбова, 2015. 492 с. (а).
- Sdobnikov, V.V.* Kommunikativnaya situatsiya kak osnova vybora strategii
 perevoda [Comunicative situation as basis for translation strategy choice],
 doctorate's thesis filol. Nizhnii Novgorod: NGLU im. N.A. Dobrolyubova,
 2015, 492 pp. (a) (in Russian).
- Сдобников В.В.* Оценка качества перевода (коммуникативно-функцио-
 нальный подход): монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 112 с. (б).
- Sdobnikov, V.V.* Otsenka kachestva perevoda (kommunikativno-funktsionalny
 podhod) [Evaluation of the quality of translation (communicative-functional
 approach)], monografiya, Moscow: FLINTA: Nauka, 2015, 112 pp. (b) (in
 Russian).
- Чайковский Р. Р.* Основы художественного перевода: вводная часть: учеб.
 пособие. Магадан: Изд. СВГУ, 2008. 182 с. (а).
- Chajkovskij, R.R.* Osnovy khudozhestvennogo perevoda: vvodnaya chast' [Basic
 principles of literary translation: introduction], ucheb. Posobie, Magadan:
 Izd. SVGU, 2008, 182 pp. (a) (in Russian).
- Чайковский Р.Р.* Истоки переводческой концепции К.И. Чуковского //
 Перевод и переводчики: науч. альманах кафедры нем. яз. Сев.-Вост. гос.
 ун-та (г. Магадан). Вып. 7: Теория и история перевода / гл. редактор
 Р.Р. Чайковский. Магадан: Кордис, 2011. С. 53–65.
- Chajkovskij, R.R.* Istoki perevodcheskoj kontseptsii K.I. Chukovskogo [Origin of
 K.I. Chukovskij's translation concept], *Perevod i perevodchiki: Nauchnyj
 almanakh kaf. nem. jaz. Sev.-Vost. gos. un-ta. (g. Magadan). Vyp. 7: Teoriya i
 istoriya perevoda, gl. red. R.R. Chajkovskij*, Magadan: Kordis, 2011, pp. 53–65
 (in Russian).
- Чайковский Р.Р.* Реальности поэтического перевода (типологические и со-
 циологические аспекты). Магадан: Кордис, 1997. 197 с.
- Chajkovskij, R.R.* Realnosti poeticheskogo perevoda (tipologicheskiye i sotsio-
 logicheskiye aspekty) [Realities of poetry translation (typological and socio-
 logical aspects)], Magadan: Kordis, 1997, 197 p. (in Russian).

- Чайковский П.Р.* Способен ли язык переводить? (об одной терминологической нелепости) // Вестник Моск. ун-та. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 3. С. 30–43.
- Chajkovskij, R.R.* Sposoben li yazyk perevodit? (ob odnoi terminologicheskoj neleposti) [Can a language translate? (on one terminological absurdity)], *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2013, No 3, pp. 30–43 (in Russian).
- Чайковский П.Р.* Существует ли «переводящий язык»? (об одной терминологической нелепице) // Вестник Сев.-Вост. гос. ун-та. № 17. Магадан: Изд-во СВГУ, 2012. С. 31–41. (a)
- Chajkovskij, R.R.* Suschestvuet li “perervodyaschii yazyk”? (ob odnoi terminologicheskoj nelepitse) [Does “a translating language” exist? (on one terminological absurdity)], *Vestnik Sev.-Vost. gos. un-ta, No 17. Magadan: Izd. SVGU*, 2012, pp. 31–41 (a) (in Russian).
- Чайковский П.Р.* Существует ли «переводящий язык»? (об одной терминологической нелепице) // Перевод и переводчики: науч. альманах кафедры нем. языка Сев.-Вост. гос. ун-та. (г. Магадан). Вып. 8: Художественный перевод и межкультурная коммуникация / гл. редактор П.Р. Чайковский. Магадан: Кордис, 2012. С. 43–61. (б)
- Chajkovskij, R.R.* Suschestvuet li «perevodyaschii jazyk»? (ob odnoj terminologicheskoj nelepitse) [Does “a translating language” exist? (on one terminological absurdity)], *Perevod i perevodchiki: Nauchnyj almanac kaf. nem. jaz. Sev. Vostoch. gos. un-ta. (Magadan). Vyp. 8: Khudozhestvennyj perevod i mezhhkulturnaja komunikatsija, gl. red. R.R. Chajkovskij*. Magadan: Kordis, 2012, pp. 43–61 (b) (in Russian).
- Чайковский П.Р.* Теория перевода сегодня // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2008. № 1. С. 174–175. (б)
- Chajkovskij, R.R.* Teoriya perevoda segodnya [Theory of translation today], *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*, Moscow: MGU, 2008, No 1, pp. 174–175 (b) (in Russian).
- Чайковский П.Р., Лысенкова Е.Л.* Невзгоды перевода (или переводческая компетентность) // Перевод и переводческая компетенция. Курск: РОСИ, 2003. С. 94–99.
- Chajkovskij, R.R., Lysenkova, E.L.* Nevzгоды perevoda (ili perevodcheskaja kompetentnost') [Misfortunes of translation (or translator's competence)], *Perevod i perevodcheskaja kompetentsija*, Kursk: ROSI, 2003, pp. 94–99 (in Russian).
- Чайковский П.Р., Лысенкова Е.Л.* Перевод поэзии: типология и множественность. М.: ИУУ МГОУ, 2013. 194 с.
- Chajkovskij, R.R., Lysenkova, E.L.* Perevod poezii: tipologija i mnozhestvennost' [Translation of poetry: typology and multiplicity], Moscow: IUU MGOU, 2013, 194 pp. (in Russian).
- Чуковский К.* В защиту Шелли // Весы. 1907. № 3. С. 61–68.
- Chukovskij, K.V* zaschitu Shelli [In defense of Shelli], *Vesy*, 1907, No 3, pp. 61–68 (in Russian).

- Чуковский К.И.* Высокое искусство. М.: Гос. изд-во «Худож. лит.», 1941. 259 с.
Chukovskij, K.I. Vysokoje iskusstvo [High Art], Moscow: Gos. izd-vo "Khudozh. lit.", 1941. 259 p. (in Russian).
- Чуковский К.И.* Дневник (1901–1929). М.: Сов. писатель, 1991. 544 с.
Chukovskij, K.I. Dnevnik (1901–1929) [Diary (1901–1929)], Moscow: Sov. pisatel', 1991, 544 p. (in Russian).
- Чуковский К.* Русская Whitmaniana // Весы. 1906. № 10. С. 43–46.
Chukovskij, K. Russkaja Whitmaniana [Russian Whitmaniana], *Vesy*, 1906, № 10, pp. 43–46 (in Russian).
- Чуковский К.И.* Высокое искусство. М.: Сов. писатель, 1968. 382 с.
Chukovskij, K.I. Vysokoje iskusstvo [High Art], Moscow: Sov. pisatel', 1968, 382 p. (in Russian).
- Чуковский К.И., Федоров А.В.* Искусство перевода. Л.: АCADEMIA, 1930. 236 с.
Chukovskij, K.I., Fyodorov, A.V. Iskusstvo perevoda [Art of translation], Leningrad: ACADEMIA, 1930. 236 p. (in Russian).
- Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / пер с итал. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.
Eco, U. Skazat' pochti to zhe samoje. Opyty o perevode [To say almost the same. Essays on translation], per. s ital. St. Petersburg: Simpozium, 2006, 574 p. (in Russian).

ПЕРЕВОД И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Мартин Форстнер,

доктор наук, профессор Майнцкого университета имени Иоганна Гуттенберга, Германия; *e-mail:* forstner@uni-mainz.de

КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ» И УСЛУГИ В СФЕРЕ МНОГОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВПЕРЕД К УСПЕХУ¹

Набирающее обороты сотрудничество между странами азиатского региона привело к возникновению крупных транснациональных торговых потоков. Эта тенденция подчёркивает важность роли высококвалифицированных переводчиков и специалистов межъязыковой коммуникации для обеспечения эффективного посредничества. Развитие стран происходит в тесном взаимодействии друг с другом в рамках единого, постоянно меняющегося рынка товаров, услуг и капитала.

Наметившийся «Мега-Тренд» по формированию зон свободной торговли затрагивает страны Западной, Центральной и Восточной Азии. Сформулированные президентом Си Цзиньпином две концепции будущего развития Китая — Экономический пояс Шёлкового пути и Шёлковый морской путь 21 столетия нацелены на осуществление амбициозного проекта «Один пояс, один путь», который в случае успешной реализации свяжет Азиатско-Тихоокеанский регион с Европой, пройдя через Евразию и Ближний Восток. Как следствие, необходимо осознавать важность изучения языков, вовлечённых в эти процессы стран при планировании учебных программ по переводу и устному переводу во всём регионе.

В центре нашего внимания тезис о том, что увеличение транснациональных торговых потоков будет формировать спрос на языковые услуги, и что развитие специфического переводческого потенциала окажется связанным с иными языками кроме английского, русского и китайского. Учитывая комплексную и многоуровневую связь между экономикой и языками и самое непосредственное влияние экономических процессов на процессы языковые, мы должны задуматься о последствиях упомянутого геополитического развития.

Ключевые слова: геополитика, экономическое развитие, языковые процессы, подготовка переводчиков.

¹ Статья, подготовленная по материалам выступления на V Международной конференции «Наука о переводе сегодня» публикуется на языке оригинала. Перевод статьи на русский язык можно будет найти на сайте Высшей школы перевода (факультета) Московского университета: esti.msu.ru

Martin Forstner,

Professor at the University of Mainz, Germany; *e-mail:* forstner@uni-mainz.de

CHINA'S 'ONE ROAD, ONE BELT' INITIATIVE AND ITS DEMAND FOR MULTILINGUAL COMMUNICATION SERVICES

Increasing collaboration among countries in Asia has produced voluminous transnational trade flows that will demand the mediation of qualified translators, interpreters and other language professionals. Countries are being pushed together and their economic development is knitting the region into a single, vibrant market for goods, services, and capital.

There is a Mega-Trend to implementing free-trade areas including West-, Central- and East-Asian countries. The two concepts of the *Silk Road Economic Belt* and the *21st Century Maritime Silk Road*, put forward by President Xi Jinping in 2013, have as an ambitious goal the *One Road, One Belt* Project, which, if successful, will run through Eurasia and the Middle East, connecting the Asia-Pacific-Region with Europe. As a result, the languages of the concerned countries must be taken into consideration when planning translation and interpretation training curricula in the whole region.

We have to focus on the fact that increasing transnational trade flows will influence the demand for language services, and that other languages besides English, Russian and Chinese will develop a specific translational potential. Taking into account that languages and economy are related in a number of ways and that language processes are influenced by economic processes, we have to reflect on the effects of the mentioned geopolitical development.

Key words: geopolitics, economic development, language processes, translation and interpreting training.

DER WETTLAUF ZUR SPITZE. CHINAS PROJEKT EINES WIRTSCHAFTSGÜRTELS NAMENS SEIDENSTRASSE

Der Beginn des 21. Jahrhunderts war durch eine immer intensiver werdende Verflechtung des internationalen Handels und der Dienstleistungen gekennzeichnet, wobei neben die alten Wirtschaftsmächte USA, Europäische Union, Russische Föderation, Japan und Südkorea als neue Konkurrenten China und die ASEAN Staaten, Brasilien und Indien getreten sind. Dies war verbunden mit sicherheitspolitischen Umorientierungen nach dem Ende des Kalten Kriegs und im Gefolge der postsowjetischen Veränderungen in Europa und Asien. Eine neue multipolare geopolitische Szenerie tat sich auf, die sich auch wirtschaftlich in einem Trend zum ökonomischen Regionalismus realisiert, denn die USA, Russland, China und Indien stellen darauf ab, nach dem Vorbild der Europäischen Gemeinschaften (nicht der Europäischen Union, wohlgemerkt) Freihandelszonen zu propagieren. Diese befinden sich zum Teil noch im Verhandlungsstadium, so die Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) zwischen Nordamerika und Europa, oder die Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), die als Freihandelszone die Staaten

rund um den Pazifik verbinden soll; nicht zu vergessen das vor einigen Jahren implementierte China-ASEAN-Free-Trade Agreement (CAFTA), das China und die ASEAN Staaten verbindet, oder die von der Russischen Föderation vorangetriebene Eurasische Wirtschaftsunion (Eurasian Economic Union).

In diesem Kontext sind zwei Großprojekte zu sehen, die vom chinesischen Präsidenten XI Jinping seit 2007 propagiert werden, nämlich zum einen die Schaffung einer Wirtschaftsregion namens Silk Road Economic Belt in der Tradition der seit dem Altertum bestehenden Handelsroute von China über Zentralasien und Persien an das Mittelmeer, nunmehr gedacht als Transportverbindung bis nach Mitteleuropa in die Europäische Union, zum anderen als Ergänzung die 21st Century Maritime Road, also der Seeweg von Ostasien und den dortigen ASEAN-Staaten durch die Straits of Malacca in den Indischen Ozean und von dort in die Golfstaaten oder sogar bis nach Ostafrika.

Das Augenmerk des vorliegenden Beitrags richtet sich auf dieses Mega-Projekt, über das ich anlässlich einer Konferenz zu Ehren von Prof. Dr. Nikolay GARBOVSKY am 19. Februar 2016 an der Lomonosov Moscow State University unter dem Titel *The race to the top. China's Silk Road Economic Belt Initiative and its demands for multilingual communication services* gesprochen habe, was ich nunmehr, angereichert mit weiteren Details und versehen mit Nachweisen, vorlege.

Die chinesische Initiative One Road One Belt und ihre Motive

In den chinesischen Publikationen wird seit Jahren betont, daß es darum gehe, einen Beitrag zur weltweiten wirtschaftlichen Entwicklung zu leisten, wobei sich China, obwohl inzwischen unbestritten zu den führenden wirtschaftlichen Großmächten zählend, selbst noch immer als *developing country* bezeichnet. Gleichwohl strebt es aber danach, mehr Verantwortung zu übernehmen angesichts des Umstands, daß sich die internationale Lage gründlich gewandelt habe, wie SU Ge, Präsident des China Institute of International Studies, im Jahre 2015 in den *China International Studies* (herausgegeben vom Chinesischen Außenministerium) darlegte. Dabei unterstrich er, daß *China and the rest of the world depend on a community of common destiny*, was Vertrauen und gegenseitiges kulturelles Lernen notwendig mache, weshalb *China will courageously advance the 'Great Harmony of the World'* (SU Ge 2015: 16 und 25). Auch CAI Penghong (2015: 39f.) vom Institute of Foreign Policy and Studies (Shanghai Institute for International Studies) erklärte, daß es darum gehe *to forge a community of common destiny featuring shared interests, security, and prosperity*. Dies wurde auch von PANG Zhongying (Institute of International Studies, Sun Yat-Sen Uni-

versity, Guangshan) betont, wobei einem zufriedenstellenden Verhältnis zur Europäischen Union und allen anderen Staaten große Bedeutung zukomme, denn die One Road One Belt Initiative sei gegen niemanden gerichtet, insbesondere nicht gegen die Geopolitik des Westens (PANG 2015: 46f.). Auch SUN Degang / HE Shaoxiong (2015: 78) vom international bekannten Middle East Studies Institute (Shanghai International Studies University) unterstrichen, daß China im 21. Jahrhundert als zweitgrößte Weltwirtschaft und weltgrößte Handelsnation nun auch auf internationalen Einfluß abstelle.

Bei genauer Betrachtung dieses One Road One Belt Projekts wird deutlich, daß der Versuch der Einbindung aller anderen Staaten für China unvermeidlich geworden ist, nachdem sich Chinas Handel globalisiert hat, was wiederum eine Globalisierung der chinesischen Diplomatie zur Absicherung der geopolitischen Interessen notwendig gemacht hat, wie es in den chinesischen Medien hervorgehoben wird, denn diese neue chinesische Politik spiegele den Wunsch Chinas wider, mehr Verantwortung zu übernehmen, dabei immer darauf verweisend, China habe während seiner langen Geschichte friedlich gehandelt.

WANG Yiwei, renommierter Professor an der School of International Studies (Renmin University of China), schrieb in einem Aufsatz 2015, daß die One Road One Belt Initiative gewissermaßen eine moderne Wiederbelebung der alten Seidenstrasse sei. Alle Länder, internationalen und regionalen Organisationen seien willkommen; das Ergebnis werden Investitionen in Infrastruktur, Transportwesen und vor allem die Öffnung der Grenzen für den Handelsaustausch sein. Es werde eine Zusammenarbeit entstehen, an der alle teilhaben könnten (a ‚many-to-many‘ mode of cooperation). Er pries das gesamte Vorhaben — sowohl das der Silk Road Economic Belt als auch das der 21st Century Maritime Silk Road — als gute Beispiele der neuen Rolle Chinas: from a participator to a leader. Dabei hob er hervor, daß anders als bei herkömmlichen Projekten, die den westlichen Kolonialismus und Imperialismus verhaftet geblieben seien, diese chinesische Initiative darauf abziele, multilaterale kooperative Partnerschaften zwischen China und mehr als 60 weiteren Staaten entlang den neuen Handelswegen durch Asien, Europa und Afrika zu fördern.

Dieses One Road One Belt Projekt besteht ersichtlich aus zwei Teilen: einer Landroute, die der alten Seidenstrasse durch Zentralasien nach Persien in den Mittleren Osten folgt, und einer Seeroute, nunmehr bezeichnet als Maritime Seidenstraße, die das Südchinesische Meer durch die Straße von Malakka mit den Indischen Ozean und das Arabische Meer verbindet (dazu Roderich PTAK 2007, der von einem afro-asiatischen Seeraum spricht).

Chinas neue Rolle wurde im September 2015 von LI Keeping, Vorsitzender des Staatsrates, dargestellt als eine Reform in Gestalt einer fortwährenden Prozesses der Öffnung und Integration in die Welt: China will open still wider to the rest of the world (China Daily, 12–13 September 2015, p. 8).

Sicherung der Energieversorgung

Geopolitische Interessen werden keineswegs verschwiegen, wozu vor allem die Sicherung der Energieversorgung Chinas und Ostasiens gehört, was durchaus legitim ist, denn alle Industriestaaten wollen ihre Energieversorgung sichern, da die Welt während der letzten Jahre keineswegs sicherer geworden ist, wie die Vorgänge im Mittleren Osten zeigen, denn gerade die arabischen Golfstaaten und Iran gehören zu den Hauptlieferanten von Öl und Naturgas für Japan, Südkorea und China.

Zwar erleben wir in den letzten Jahren gerade eine Rezession in der Nachfrage nach Öl und Naturgas, was zu niedrigen Preisen geführt hat, was aber nichts an der Tatsache ändert, daß es weiterhin einen großen Bedarf bei den Schwellenländern in Asien geben wird. Fachleute nehmen an, daß die Nachfrage von 2011 bis 2035 um ein Drittel zunehmen wird, und zwar vor allem in China und Ostasien insgesamt, aber auch in Indien. Dies bewirkt eine Veränderung der geopolitischen Lage, wie Michael Klare 2012:15 ausführte, denn alles hänge in Zukunft davon ab, ob ein Staat einzuordnen sei als energy-surplus state oder ein energy-deficit state, was heißt, ob ein Staat selbst über eine eigene nachhaltige Energieerzeugung verfüge und deshalb auf wenig zusätzliche importierte Energieträger angewiesen sei, oder nicht. Zur Zeit, und wohl auch in Zukunft, werden China, Japan, Südkorea und vor allem die EU-Staaten zu den defizitären Staaten gehören, die hohe Preise für Energie zu bezahlen haben und die miteinander konkurrieren müssen, was auch in China so gesehen wird (SHEN Yamei 2015: 107), um die Energieversorgung zu sichern, welche letztere von der International Energy Agency definiert wird als uninterrupted physical availability at a price which is affordable, while respecting environments concerns (nach Wrobel 2014: 26).

Die Überflußstaaten (surplus states) hingegen, wozu auch die Vereinigten Staaten zu zählen sind, werden sicherlich weiterhin von ihrem Status profitieren. Andererseits sind einige von ihnen oft auf die Erträge ihrer Energieexporte zur Finanzierung ihrer Budgets angewiesen, wie etwa die Russische Föderation oder die Zentralasiatischen Staaten. Klare (2008: 21) sagte bereits 2008 voraus, daß sich bald der Gegensatz entzünden werde zwischen den Hauptenergieverbrauchern (major energy consumers) und den potenziellen Lieferern (potential suppliers), weshalb mit geopolitischen Verwerfungen zu rechnen sein wird.

Gerade solche können einem Mega-Projekt, wie dem vorliegenden, zugrundeliegen, denn die Öl- und Gasdiplomatie spielt nicht nur in China, sondern für alle asiatischen Politiker eine große Rolle, da sie die Energieversorgung ihrer Nationen sichern wollen und müssen. Dabei haben sie zu berücksichtigen, daß gegenwärtig fast alle für Ostasien bestimmten Tankschiffe durch die Straits of Malacca fahren müssen, weshalb asiatische Regierungen von der Sorge umgetrieben werden, daß im Falle einer Verschlechterung der amerikanisch-chinesischen Beziehungen die USA als übermächtige Militärmacht China von den vorderasiatischen Energiequellen abschneiden könnten und sie dann im Konfliktfall in Mitleidenschaft gezogen würden. Nicht zuletzt aus diesen Überlegungen heraus wird die 21st Century Maritime Road von allen ASEAN-Staaten begrüßt (vgl. FU Mengzi / LOU Chunhao 2015: 3 und 11).

Präsident XI ließ es sich in den letzten Jahren sehr angelegen sein, die zentralasiatischen Staaten zu besuchen und bei ihnen für gesicherte Landwege im Rahmen seines One Road One Belt Project zu werben. Nicht weniger wichtig war es für ihn, das Interesse Russlands zu finden, wo er schon im Jahre 2013 in einer Rede im Moscow State Institute of International Relations darlegte, daß dieses Projekt beiden Ländern äußerst dienlich sein werde, da beide hohe innenpolitische Ziele hätten. So gehe es China, wie er darlegte, um eine Verwirklichung des Chinese Dream, der auf eine große Verjüngung (great rejuvenation) der chinesischen Nation abstelle, um China zu verwandeln into a modern socialist country that is prosperous, strong, democratic, culturally advanced, and harmonious. Dergleichen müsse auch von Russland erwartet werden, denn a strong and prosperous Russia is not only in the interests of China, but also favorable to peace and stability in the Asia-Pacific region and the whole world (XING Guangcheng 2013), da China als asiatisches Land und Rußland als eurasisches Land viele gemeinsame Interessen im Asien-Pazifik-Raum (APEC) hätten. Diese Zusammenarbeit werde in der internationalen Ordnung zu mehr Fairness und Gerechtigkeit führen.

Eine wichtige Voraussetzung sei natürlich, daß die Russische Föderation die Rohöl- und Naturgasversorgung Chinas garantieren würde, weshalb die notwendigen Pipelines aus Zentral- und Nordost-Sibirien möglichst schnell fertig gestellt werden müßten, die dann beide Länder im 21. Jahrhundert verbinden würden. Eine positive Antwort aus Moskau erfolgte umgehend, denn schließlich arbeitet man dort seit geraumer Zeit am Projekt einer Eurasian Economic Union (EEU).

Auswirkungen auf die Sprachenpolitik einiger Staaten

Die Variablen, die den Welthandel besonders beeinflussen, sind nicht nur die Entfernungen zwischen den jeweiligen Ländern, die dank der entwickelten Container-Transporttechnik kostenmäßig erträglich ge-

worden sind, sondern vor allem geopolitische Konstellationen mit ihren Megatrends zu Freihandelszonen samt deren positiven Wirkungen auf den Handelsaustausch, wofür die Europäische Union als Beispiel dienen mag, deren Handel zwischen den Mitgliedstaaten mehr als 60% des gesamten EU-Handels ausmacht. Aber unterschiedliche Sprachen stellen weiterhin ein starkes Hindernis für den bilateralen Handel zwischen Ländern dar (dazu Ginsburgh / Weber 2011: 82 und 201), so wahrscheinlich auch bei diesem One Road One Belt Projekt. Wird Englisch auch hier die Rolle der Lingua franca übernehmen, oder werden andere Sprachen wie Russisch und Chinesisch als Instrumente der Kommunikation herangezogen und dann ihre je eigene Translationsattraktivität entwickeln und ihr Translationspotenzial steigern?

Wie nicht anders zu erwarten, sind die Antworten darauf jeweils der politischen Korrektheit geschuldet, indem in der Regel auf die grundsätzliche Gleichheit aller Sprachen abgestellt wird, gleichwohl kommt dabei die Förderung der eigenen Sprache und die Betonung ihrer verdienten Vorrangstellung nicht zu kurz.

Chinas neue Sprachenpolitik

Im Exportland China hat man erkannt, wie wichtig es ist, neben Englisch auch andere Sprachen in das Ausbildungsprogramm aufzunehmen, denn, wie der bereits erwähnte Gelehrte WANG Jisi (2014:135) schrieb, China habe zu wenige Experten für Arabisch, Persisch, Türkisch und andere Turksprachen, kurzum, es fehle an Fachleuten für die Sprachen der Nationen, die von dieser neuen chinesischen Initiative betroffen seien. Lapidar wird auch festgestellt, daß es nicht genügend chinesische Hochschulinstitute gebe, die sich mit diesen Regionen sprachlich und kulturell befassen, was dringender Abhilfe bedürfe.

Im Rahmen des One Road One Belt Projekts will China zeigen, daß es die anderen Staaten, wie oben angemerkt, in win-win Situationen einbeziehen wolle, weshalb ein Stipendienprogramm für die Studenten jener Nationen angekündigt wurde. Sie sollen in China Chinesisch lernen, wie das Erziehungsministerium mitteilte (China Daily European Weekly March 27 — April 2, 2015, p. 2), wodurch, wie die chinesischen Medien nicht müde werden darzulegen, die chinesische Sprache international gefördert werde. China betont dabei immer wieder, daß diese allseits von Ost- bis Westasien begrüßte One Road One Belt Initiative der gesamten Welt entsprechend der neuen chinesischen Wirtschaftsdiplomatie (dazu HWANG Yining 2015: 52f.) zugute kommen würde.

Dies trifft natürlich in besonderer Weise auf die One Road, One Belt Initiative zu, denn hier besteht die Aufgabe darin, der Weltöffentlichkeit die „wahre chinesische Politik“ zu erläutern, weshalb es notwendig sei

Experten auszubilden, die in der Lage wären, den Ländern, die sich für das chinesische Entwicklungsmodell interessierten, dieses auch zu erläutern, gehe es doch letztendlich darum zu zeigen, daß sich China nunmehr zu den major countries (SU Ge 2015: 18f.) zähle und Verantwortung trage für eine weltweite community of common destiny. Man gesteht allerdings ein, daß es noch an chinesischen Experten für viele Sprachen der Nationen, die vom One Road One Belt Projekt betroffen seien, fehle, weshalb hier die chinesischen Universitäten gefordert seien, in ihren Ausbildungsangeboten diese Sprachen anzubieten, so vor allem die zentralasiatischen Turk-Sprachen, Persisch und Arabisch.

Russische Sprachenpolitik

Im vergangenen Jahrzehnt haben sich die neuen geopolitischen Bedingungen durchaus auf die Ausbildung von Übersetzern und Dolmetschern im postsowjetischen Russland ausgewirkt, wie Nikolay Garbovsky / Olga Kostikova (2011) anlässlich eines CIUTI FORUMs bei den Vereinten Nationen in Genf darlegten, was nun aber, wie wir meinen, durch die Annäherung zwischen China und Russland als Folge des One Road One Belt Projekts noch weitere Auswirkungen und Anforderungen zeitigen wird, was die Bedeutung des Russischen als Kommunikationssprache angeht.

In den ehemaligen Teilrepubliken der Sowjetunion, die sich ja als Vielvölkerstaat verstand, war das Russische im Alltag allgegenwärtig gewesen; auch wurde erwartet, daß alle Bewohner Russisch sprächen, selbst in den nichtrussischen Republiken, denn das Russische war die Sprache der Behörden und der Wirtschaft, andernfalls man nicht hätte effizient kommunizieren können. Es lag in der Natur der Sache, daß das neue Russland zum Nachfolger der Sowjetunion wurde, was allerdings in einigen, nunmehr unabhängig gewordenen Teilrepubliken sprachliche Probleme mit sich brachte, als sie die jeweilige Nationalsprache als vorrangig hinstellten, so etwa nach 2000 in den zentralasiatischen Staaten mit der Tendenz, den Status des Russischen zu mindern, was sich aber in den letzten zehn Jahren erneut geändert hat, als sich der Entrussifizierungsprozess verlangsamte oder dieser völlig gestoppt wurde (dazu Pavlenko 2012: 13), weshalb das Russische nun wieder die offizielle Sprache der Kommunikation zu werden scheint, was überdies noch gefördert wird durch das Projekt Eurasische Union, das Präsident Wladimir Putin seit einigen Jahren als geopolitisches Kernprojekt und als Gegenentwurf zur Europäischen Union verfolgt. Am 29. Mai 2014 unterzeichneten Russland, Kasachstan und Belarus in der kasachischen Hauptstadt Astana eine Vereinbarung zur Gründung einer Eurasischen Wirtschaftsunion (Eurasian Economic Union, EEU), wobei letztere

zunehmend im Kontext des chinesischen One Road One Belt Projekts auch eine wichtige kulturelle Komponente erhält. Dies dient nämlich der russischen auswärtigen Kulturpolitik, deren Anliegen es ist, Russlands Ausstrahlung zu erhöhen, wobei das Ziel ist, „das sowjetische Erbe eines einheitlichen Sprach- und Bildungsraums in der Gemeinschaft Unabhängiger Staaten (GUS) zu bewahren und ein Russlandbild in der Weltöffentlichkeit zu schaffen, das Russlands Anspruch auf eine führende Rolle im globalen politischen und wirtschaftlichen Kontext gerecht wird“ (so Bälz / Maaß 2015: 399). Dabei gilt es, das Bild eines Landes aufzubauen, das nicht mehr den europäischen, sondern den „eurasischen Weg“ gehe, also ein „Alternatives Narrativ“ zum Westen anbiete, mit einer „russischen Welt“ im Sinne eines einheitlichen Sprach-, Bildungs- und Kulturraumes (Bälz / Maaß 2015: 406), was auch gegen das Vordringen des Englischen in Zentralasien gerichtet wäre, insbesondere im Rahmen des One Road One Belt Projekts. Nach einer Periode, in der nicht zuletzt durch wirtschaftliche Öffnungen zur Europäischen Union, das Englische in den zentralasiatischen Republiken an Boden gewonnen hatte (dazu Pavlenko 2012: 30), kehrte man dort doch zu pragmatischen Lösungen mit einer erneuten Aufwertung des Russischen zurück, ohne das Englische zu vernachlässigen.

Angesichts der bedeutenden Rolle, die der Russische Föderation im Rahmen des One Road One Belt Projekts zugeordnet ist, wären die russischen Universitäten gut beraten, wenn sie neben den Sprachen der Europäischen Union, die trotz allen geopolitischen Spannungen weiterhin wichtig sein werden, und neben Chinesisch und den Turk-Sprachen auch weitere Sprachen wie Arabisch und Persisch fördern und in ihre Programme der Ausbildung von Übersetzern und Dolmetschern aufnehmen würden.

Ein neuer Partner — die Arabische Welt

Im Zusammenhang mit der Maritimen Seidenstraße kommt den Erdöl und Naturgas produzierenden Staaten des westasiatischen Raums höchste Bedeutung zu. Im Juni 2014 unterstrich Präsident XI Jinping in einer gemeinsamen Sitzung mit dem bereits 2004 eingerichteten China-Arab States Cooperation Forum (CASCF), daß China und die arabischen Staaten im Rahmen der One Road One Belt Initiative zusammenarbeiten würden, denn Chinas friedliche Entwicklung brauche eine stabile Weltpolitik, weshalb die arabischen Staaten eingebunden werden müssten (GAO Zugui 2014: 77; SUN Degang / ZOU BIR Yahia 2014: 73), teile man doch gemeinsame Auffassungen hinsichtlich der internationalen Ordnung, der Menschenrechte und der Demokratie, wobei letztere,

wie REN Jingjing (Institute of Contemporary China Studies, Chinese Academy of Social Sciences) in China Daily, May 30, 2014, p. 9, erläuterte, kein festes Muster sei: Contrary to what some Western experts say, the Western-style democratic system does not have universality. Democracy as part of the sociopolitical superstructure is closely linked with a certain economic development level of productivity. Vielmehr solle jedes Land ein demokratisches Modell wählen, das seine politischen, sozialen und kulturellen Eigenarten widerspiegele.

Wie chinesischen Publikationen zu entnehmen ist (dazu GAO Zugui 2014: 69; LIU Zhongmin 2016: 18ff.), werden sich die arabischen Staaten voll in die One Road One Belt Initiative einbringen, wobei gerade das Königreich Saudi-Arabien als wichtiger Partner genannt wird bei der Verwirklichung der chinesischen Mittelost-Strategie, die nicht zuletzt auf der Überlegung beruht, daß auch die Erdöl produzierenden arabischen Staaten daran interessiert sein müssten, in Ost-Asien bei den ASEAN Staaten, vor allem aber in China, Abnehmer für ihr Öl zu finden, um ihre Budgets zu stabilisieren (WANG Jinglie 2014: 40). Gerade die dem Gulf Cooperation Council (GCC) angehörenden arabischen Golfstaaten seien für das One Road One Belt Projekt zu gewinnen (dazu QIAN Xuewen 2016: 37–42), wobei alle Seiten an ihren eigenen politischen Systemen und ihren kulturellen Werten festhalten würden. Dabei ist der chinesischen Seite bewusst, daß die islamische Grundierung der Golfstaaten durchaus Probleme mit sich bringen wird, was bestimmte Anforderungen an China stellen wird: The Chinese side may also need more understanding and tolerance, a little more patience and flexibility, and a little more mutually beneficial and win-win considerations (QIAN Xuewen 2016: 52). Gleichwohl beschrieb am 5. Juni 2014 der chinesische Präsident XI die arabischen Länder als die natürlichen Partner im Silk Road Economic Belt Project.

In der Tat haben sich die Golfstaaten erheblich gewandelt und große Projekte auf den Gebieten Infrastruktur, Flughäfen, Seehäfen, IT Kommunikation aufgelegt, um unabhängiger zu werden vom Export des Erdöls und des Naturgases. Dabei stellt man darauf ab, daß die Region im Bereich der Dienstleistungen auf lange Sicht bald wettbewerbsfähig werden könnte. Die Golfstaaten legen größten Wert auf gute Beziehungen zu den industrialisierten Staaten des Westens, aber in vermehrtem Maße zu den ostasiatischen sich industrialisierenden Staaten. Dort wird seit vielen Jahren an zahlreichen Universitäten in China und in Südkorea Arabisch angeboten, wohingegen in den arabischen Staaten das Interesse für ostasiatische Sprachen noch sehr zu wünschen übrig lässt, da noch immer das Englische in der Ausbildung von Übersetzern im Vordergrund steht.

Translation im Dienste des One Road One Belt Projekts

Die Sprachenpolitik der beteiligten Staaten erhält nunmehr eine neue Qualität insofern, als es notwendig sein wird, die Zustimmung der Weltöffentlichkeit für dieses geopolitisch ambitionöse Projekt zu gewinnen. Bisher zogen alle Staaten in Erwägung, mit welchen Sprachen sie auch im Bereich der internationalen Handels ihren größten Kommunikationsradius und ihre höchstmögliche Kommunikationswirksamkeit erreichen könnten, was wiederum Auswirkungen auf ihre jeweilige staatliche Translationspolitik und damit auf die Ausbildung von Übersetzern und Dolmetschern hatte, denn an ihren universitären Ausbildungsstätten mussten für die von ihnen als wichtig eingestuften Sprachen auch Sprachmittler produziert werden. Aber diese Erwägung allein wird nicht mehr ausreichen, vielmehr wird ihre Sprachenpolitik noch politischer als vorher ausgerichtet werden.

Als ein treffliches Beispiel mag China dienen, das mit den sich ergänzenden beiden Konzepten Silk Road und Maritime Road seine Verbindung von Australien bis nach Europa und Afrika mit mehr als 60 betroffenen Länder absichern möchte, was vor allem den chinesischen Interessen dient, da eine solche umfassende Vernetzung neue Marktchancen öffnen wird, ganz zu schweigen von finanziellen Beteiligungen an Infrastrukturmaßnahmen (Straßen, Eisenbahnlinien, Stromleitungen, Pipelines, Häfen), die seit 2014 mit Hilfe der chinesisch gesteuerten Asian Infrastructure Investment Bank finanziert werden, der neben arabischen Staaten wie Qatar, Kuwait, Saudi-Arabien und Vereinigte Arabische Emirate auch Großbritannien, Deutschland, Italien, Luxemburg, Österreich und die Schweiz angehören.

Es leuchtet ein, daß zur Durchsetzung einer solchen Geopolitik auf Translatoren zurückgegriffen werden muß, was in China mittlerweile nach Einführung des umfassenden Studienprogramms Master of Translation and Interpreting (MTI) auf gutem Weg ist, wodurch die chinesische Wirtschaft mit qualifizierten Übersetzern und Dolmetschern versorgt werden kann (dazu Forstner 2011). Allerdings beschränkte man sich in den ersten Jahren hauptsächlich auf Englisch, weshalb nicht alle der nunmehr erforderlichen Sprachen angeboten werden konnten. Das dürfte sich wohl ändern, denn man braucht nunmehr für eine große Zahl von Sprachen Translatoren, wenn China im internationalen Wirtschafts- und Kulturwettbewerb bestehen soll, wie es zum Jahreswechsel 2013/2014 Partei- und Staatschef XI Jinping erklärt hatte, um der Welt die chinesische Kultur näherzubringen und so Chinas nationales Image deutlicher herauszustellen. Letzteres spielt für die chinesische Führung eine entscheidende außenpolitische Rolle, will sie doch ihre geopolitischen Vorstellungen verbreiten, um die Beziehungen zu anderen Staa-

ten zu stärken und die eigenen Interessen durchzusetzen, denn wie Hayden 2012: 174 bereits darlegten, Culture is the resource viewed by the Chinese leadership as the ‚core‘ of its soft power strategic thinking, anders gesagt, um zur kulturellen Vielfalt und Verständigung beizutragen und gleichzeitig dem internationalen Status und Einfluss Chinas zu stärken.

Beim One Road One Belt Projekt geht es also nicht nur um geopolitische Interessen der Sicherung der Handelsrouten, sondern auch und vor allem um kulturelle Einflussnahme, da China nunmehr als Großmacht Weltverantwortung trage, wie FU Ying (2015: 6), Direktor der Foreign Affairs Commission des Nationalen Volkskongresses schrieb, um die Völker der Welt zu gewinnen. Das Wettrennen ist nicht erst jetzt eröffnet, sondern ist bereits in vollem Gange. Ausgang offen?

Referenzen

- Bälz, Ottilie.* Maaß, Kurt-Jürgen (2015): Soft Power und Hard Power — Die Auswärtige Kulturpolitik der Russischen Föderation. In: Maaß, Kurt-Jürgen (Hrsg.): Kultur und Außenpolitik. Handbuch für Wissenschaft und Praxis. 3. Auflage. Baden-Baden: Nomos. 397–406.
- CAI Penghong:* China-ASEAN Maritime Cooperation: Process, Motivation and Projects. In: China International Studies July. August 2015. 26–40.
- Forstner, Martin* (2011): Zur Translationspolitik der Volksrepublik China in Zeiten machtpolitischer Multipolarität und ökonomischen Interregionalismus. In: Forstner, Martin. Lee-Jahnke, Hannelore. Wang, Lidi (eds): CIUTI-Forum 2009. Translating the Future: Beyond today’s academic & professional challenges. Bern: Peter Lang: 9–86.
- FU Mengzi, LOU Chunhao* (2015): Building the Maritime Silk Road of the 21st Century. In: Contemporary International Relations (Beijing), Vol 25, No 3, May — June 2015.1–21.
- FU Ying* (2015): A Turning Point in the Global Order. In: Contemporary International Relations (Beijing) Vol 25, No 2, March — April 2015. 1–6.
- GAO Zugui* (2014): The New Development of China-Middle East Relations since the Arab Upheaval. In: Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia), Vol 8, No 4, December 2014. 63–80.
- Garbovskiy, Nikolay, Kostikova, Olga* (2011): Traduction sous les conditions géopolitiques nouvelles: le cas de la Russie postsoviétique. In: Forstner, Martin. Lee-Jahnke, Hannelore (eds.): CIUTI-FORUM 2010. Global Governance and Intercultural Dialogue: Translation and Interpreting in a New Geopolitical Setting. Bern: Peter Lang. 236–249.
- Ginsburgh, Victor, Weber, Shlomo* (2011): How many languages do we need? The economics of linguistic diversity. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
- Hayden, Craig* (2012): The Rhetoric of Soft Power. Public Diplomacy in Global Contexts. Lanham ML: Lexington Books.
- HWANG Yining* (2015): The Silk Road Initiative: China’s New Economic Diplomacy? In: China International Studies March — April 2015, 45–55.

- Klare, Michael T.* (2012): The Race for what's left. The global scramble for the world's last resources. New York: Picador.
- LIU Zhongmin* (2016): Historical Evolution of Relationship between China and the Gulf Region. In: Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia), Vol 10, No 1, March 2016. 1–25.
- PANG Zhongying*: China — EU Strategic Partnership and the Transformation of Global Governance. In: China International Studies July — August 2015. 41–51.
- Pavlenko, Aneta* (2012): Commodification of Russian in post-1991 Europe. In: Bär, Marcus. Bonnet, Andreas / Decke-Cornill, Helene, Grünewald, Andreas, Hu, Adelheid (Hrsg): Globalisierung — Migration — Fremdsprachenunterricht. Baltmannsweiler 2012: Schneider Verlag Hohengehren. 27–43.
- Ptak, Roderich* (2007): Die Maritime Seidenstraße. Küstenräume, Seefahrt und Handel in vorkolonialer Zeit. München: C. H. Beck.
- QIAN Xuewen* (2016): The New Silk Road in West Asia under „the Belt and Road“ Initiative. In: Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia), Vol 10, No 1, March 2016. 26–55.
- SHEN Yamei*: Changes in Global Energy Landscape and its Impacts on China. In: China International Studies March — April 2015. 100–110.
- SU Ge* (2015): Transformation of International Structure and China's Diplomatic Strategy. In: China International Studies July — August 2015. 5–25.
- SUN Degang / HE Shaoxiong* (2015): From a by-stander to a constructor: China and the Middle East security Governance. In: Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia), Vol 9, No 3, September 2015. 73–95.
- SUN Degang, ZOU BIR, Yahia* (2014): China-Arab States Strategic Partnership: Myth or reality? In: Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia), Vol 8, No 3, September 2014. 70–101.
- WANG Jinglie* (2014): China's Economic Restructuring and Extension of China's Middle East Strategy. In: Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia), Vol 8, No 2, June 2014. 22–43.
- WANG Jisi* (2014): Marching Westwards: the Rebalancing of China's Geostrategy. In: SHAO Binhong (ed.): The World in 2020 According to China. Chinese Foreign Policy Elites Discuss Emerging Trends in International Politics. Leiden, Boston: Brill. 129–136.
- WANG Yiwei* (2015): The “Belt and Road Initiative” is not China's “Marshall Plan”. From English Edition of Qiushi Journal January-March 2016, Vol. 8, No.1, Issue No. 26.
- Wrobel, Ralph* (2014): China's New Energy Geopolitics: The Shanghai Cooperation Organization and Central Asia. In: ASIEN 133 (Oktober 2014). 24–51.
- XING Guangcheng* (2013): A New Chapter in China-Russia Strategic Partnership. From: English Edition of Qiushi Journal, Vol.5, No.4 October 1, 2013.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

И.И. Валуйцева,

доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; *e-mail: irinaiv-v@mail.ru*

Г.Т. Хухуни,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; *e-mail: khukhuni@mail.ru*

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТАХ ПЕРЕВОДА БИБЛИИ (к 140-летней годовщине выхода в свет синодального перевода)

Статья посвящена некоторым лингвистическим и лингвокультурным аспектам Синодального перевода Священного писания на русский язык, вышедшего в свет в 1876 г. Отмечается, что этот труд вызвал неоднозначную реакцию и подвергся критике с разных позиций. Авторы статьи приходят к выводу, что, несмотря на некоторые выдвигавшиеся против него обвинения (например, в «устарелости» языка, попытке переводить «с еврейского под руководством греческой Библии», приводившей к определённом эклектизму, и т.д.), названные недостатки могут быть объяснены историей и условиями их создания. В связи с этим проводится типологическое сопоставление названного перевода с английской Библией короля Иакова.

Ключевые слова: Синодальный перевод, Библия короля Иакова, русский, славянский, английский, перевод, оригинал, Библия.

Irina I. Valuytseva,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Language Theory and Applied Linguistics, Moscow State Regional University, Russia;
e-mail: irinaiv-v@mail.ru

Georgy T. Khukhuni,

Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Language Theory and English Studies, Moscow State Regional University, Russia;
e-mail: khukhuni@mail.ru

LINGUISTIC AND LINGUOCULTURAL ASPECTS OF BIBLE TRANSLATION: CELEBRATING THE 140th ANNIERSARY OF SYNODAL TRANSLATION

The present paper is dedicated to linguistic and linguocultural aspects of the Russian Synodal translation of the Holy Writ made in 1876. The public's reaction to this work was quite contradictive and it was criticized by many. The authors postulate that despite some

accusations against this translation (e.g. the “obsoleteness” of its language, an attempt to translate from Hebrew but “under the guidance of the Greek Bible” leading to certain eclecticism, etc.) these shortcomings can be generally justified by the history and circumstances under which the translation was made. Its typological comparison with the *King James Bible* is provided.

Key words: Synodal translation, the King James Bible, Russian, Slavonic, English, translation, the original, the Bible.

The so-called Synodal Translation of the Holy Writ published in 1876 “with the blessing of the Sacred Governing Synod” was the first full Russian translation of the Bible text. Its dramatic history is quite well-known and has been described many times (see in particular [Чистович, 1899; Рижский, 2007] and others). In fact, its appearance was a result of the contribution of several generations of translators. This work began in 1816, when Emperor Alexander I ordered Prince Alexander Golitsyn, President of the Russian Bible Society, to afford the Russians an opportunity to read the Bible in their native language, which would be more intelligible for them than Slavonic being used for that purpose («доставить и россиянам способ читать слово Божие на природном своём российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия, на коем книги священного Писания у нас издаются» [Флоровский, 2003]). This fact raised a discussion (continued until now) about the status of the Synodal translation: may it be treated as just the “superficial editing” of the RBS translation [Выступление..., 2011] or despite its connection with the latter, it must be actually defined as a new translation because it contains many substantive emendations [Децницкий, 2015: 226].

In no event shall the present article pretend to solve this dilemma. However, it should be mentioned that the similar issue arises almost every time when a final text becomes the product of collaborative efforts of a group of people covering a long period. E.g., in certain aspects, we can observe the same sort of situation in respect of the King James Bible 1611. Its creators had entirely recognized the role of their predecessors. Cf. the words from the Preface to the 1st Edition: “<...> we are so farre off from condemning any of their labours that traveled before us in this kinde, either in this land or beyond sea <...> so, if we building upon their foundation that went before us, and being holpen by their labours, doe endeavour to make that better which they left so good. Truly (good Christian Reader) wee never thought from the beginning, that we should neede to make a new Translation, nor yet to make of a bad one a good one <...> but to make a good one better, or out of many good ones, one principall good one <...>” [King James Bible...]. The Tyndale Bible has become especially important from this point of view. And still, despite this well-

known fact, the King James Bible has been always treated as a new translation, and not just as a simple emendation of its previous versions.

Although the two named versions, i.e. the Synodal Translation and the King James Bible (Authorized Version), were created within different periods and different religious traditions, the definite typological similarity exists between their history and the roles (see [Осипова, 2015]). Both books were published after the “activity” of the key figures in English and Russian literary traditions (W. Shakespeare and A. Pushkin, respectively). Both of them were based on the sources (the Tyndale Bible and the Russian Bible Society materials) either created before the beginning of this activity (in the first case) or while making just the first steps (in the second case). Both of them covered a period of the modern literary language formation and stabilization. Finally, the Churchmen of the high rank were the *spiritus moventes* for both: Archbishop of Canterbury Richard Bancroft in the 17th century (England) and Moscow Mitropolite Filaret (who also took an active part in the previous Russian Bible Society’s translation) in the 19th century (Russia). Incidentally, both the said persons had died before their work was finished. However, there is also one important diversity. Whereas a role of the KJB in the history of the English language is universally recognized (although some prominent representatives of the English culture spoke about it with the “buts” and estimated it quite critically)¹, the Synodal Translation, from this point of view, actually stays — linguistically speaking — out of this process. Usually, two main reasons are identified for explanation of this aspect. Firstly, this translation appeared when the problem of creation of new standards of the modern Russian literary language was solved by means of the secular literature (cf. [Алексеев, 2002]). Secondly, the language of this version was qualified as “obsolete”, “archaic” and “graceless” [Евсеев, 2016].

Both factors may be accepted as quite realistic. However, we think that in addition to these, so to say, linguistic aspects, there was also a linguocultural one, connected with the functional spheres of the Bible translations.

Of course, the primary purpose of any translation is to generate a text that may be understood by the audience that uses their target language,

¹ See [Norton, 2000]. The most popular in this aspect is the sentence of S. Maugham: “To my mind King James Bible has been a very harmful influence on English prose. I am not so stupid as to deny its great beauty. It is majestic. But the Bible is an oriental book. Its alien imagery has nothing to do with us. Those hyperboles, those luscious metaphors, are foreign to our genius... Those rhythms, that powerful vocabulary, that grandiloquence, became part and parcel of the national sensibility. The plain, honest English speech was overwhelmed with ornament. Blunt Englishmen twisted tongues to speak like Hebrew Prophet” [Maugham, 1951].

for whom the text in the source language or the existing translations in other languages available in the given society as “cultural” are not intelligible. But speaking about the Bible translation (*mutatis mutandis* the religious life in whole), we must also consider an aspect of the liturgical practice. In the societies, where the religion is an important part of cultural and national identity, the using of the vernacular in this sphere usually has a great influence on formation and codification of the literary language standards.

This postulate may be illustrated with the following example. The 16th century was a crucial point of the said process in many aspects in many European countries (e.g. German-speaking states and France). But whereas in the first ones, namely, the Bible translation played a leading (to a certain degree, decisive) role (Luther Bible), in France, the creation of the new literary norms was connected primarily with the activity of secular writers (Joachim Du Bellay, Jacques Amyot, Michel de Montaigne, etc.). Of course, many reasons may be given to explain this fact. We think, however, that the confessional aspect must be also taken into consideration. In Roman Catholic France, even when the translation of the Holy Writ was allowed, it remained out of the Church service, where Latin preserved its monopoly till the second part of the 20th century. In protestant German-speaking lands, the vernacular became a liturgical language and, thus, an authoritative source of linguistic codification. Cf. a well-known opinion of M. Lomonosov expressed in his work *Foreword on the benefit of church books in the Russian language*. According to its author, German was a “wretched, simple and feeble” («убог, прост и бессилен») when Latin was the language of the Church, but when the German Folk began to read books and listen to the Service in vernacular, the richness of German increased and skillful writers appeared. It is significant that the author underlines a contrast between the Protestant and Roman Catholic parts of German Lands: in the latter, where the Church uses only “barbarous Latin”, German hadn’t such achievements («в католических областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка мы не находим» [Ломоносов, 1980: 395]).

Although this sentence is not quite objective (in France, the vernacular was not an ecclesiastical language at that time, but neither the language itself nor the literature of this country may be characterized as “wretched, simple and feeble”), it contains a grain of truth. And returning to the King James Bible and the Synodal Translation, we may highlight the similar aspect. The first was created as the official Book for the Anglican Church (although it was used not only by its representatives); the second — only for “home reading” («для домашнего употребления»), whereas the status of Slavonic in the Church Service remained inviolable.

This difference cannot be explained purely by a confessional factor. Despite substantial discrepancies between the Orthodox and various Protestant Churches, both *principally* (unlike their contemporary Roman Catholics) recognized a possibility of not only reading the Bible in the native language but also using it in liturgy. But whereas for the “former Catholics” (i.e. European Protestants), the rapture with Rome meant also a change of *alien* Latin to their *own* vernacular, the Russians were in another situation. From a linguistic point of view, Old- / Church Slavonic (the distinction between the said terms isn't the subject of the present paper) and (Old) Russian belong to different sub-groups of Slavonic Languages (Eastern and Southern, respectively). But the perception of them in terms of diglossia and not of bilingualism, i.e. as “elevated” and “colloquial” styles of one language (cf. [Успенский, 1994]) had its supporters even in the 19th century. Such an authority person as Alexander Shishkov, President of the Academy, was among the latter. According to him, both the using of “the high Slavonic Style” in “a simple talk” and “a simple language” in the Holy Writ was “strange and barbarous”: «Сколько смешно в простых разговорах говорить высоким славенским слогом, столько же странно и дико употреблять простой язык в Священном Писании» [Успенский, 1994: 159]. So after the death of Emperor Alexander I and the dissolution of the Russian Bible Society, the translation of the Bible into the Russian language was discontinued, and attempts by G. Pavsky and Archimandrite Makariy (Mikhail Glukharev) to continue it were stopped with the administrative means.

When after the beginning of the reign of Alexander II this work was renovated, it had also influential opponents. Thus, implementation of the said project demanded that its organizers consider the following. First, it had to be emphasized that the Russian text wouldn't be used as liturgical one but just as a means to understand the Holy Writ by those who didn't know Slavonic well enough («перевод на русский язык сначала книг Нового Завета, а потом постепенно и друг. частей Свящ. Писания необходим и полезен, но не для употребления в церквах, для которых славянский текст должен оставаться неприкосновенным, а для одного лишь пособия к разумению Священного Писания» [Библейские переводы]). Second, because the Slavonic was a symbol of the sacred language for the most parishioners of the Russian Orthodox Church, authors of the Synodal Translation tried to preserve its connection with the Slavonic text (the so-called Elizabethan Bible published in 1751 and 1756) in the linguostylistic aspect, specifically to retain, where possible, words and expressions of the Slavonic origin², if

² Sometimes, within one and the same text, the authors of the Synodal Translation use Slavonic and Modern Russian forms, making no distinction. E.g. in John 19. 26: «Женo! Се сын Твой» (the first word has the form of Vocative) and John 20. 13: «жена! что ты

they are intelligible enough («чтобы слова и выражения вразумительные не были без нужды заменяемы простонародными» [Корсунский])³. Cf. with the King James Instruction to creators of the Authorized Version where the said Monarch underlined that “old ecclesiastical words <...> were to be retained” [King James’ Instruction...].

And yet, one important difference also exists between these two Bible versions illustrating a possible discrepancy between pure linguistic and linguocultural aspects of the Holy Writ translation.

As is well known, the Slavonic Bible (speaking about the books of the Old Testament) is, so to say, the translation from the second hand, namely from the Greek Septuagint, whereas its original had been written in Hebrew. Cf. the Roman Catholic Douay-Rheims English Bible translated from Latin Vulgate as the most authoritative text for Catholics, although its authors, of course, were linguistically able to produce a translation from the Hebrew and Greek originals. In both traditions, there was an argument ascribed to early Christian martyr Justin [Dialogue...] about the distortion of the Hebrew Bible by Jews as they wanted to conceal the prophecies about Christ’s Advent.

In contrast to their Catholic opponents, Protestants rejected Latin as a source language (although actually, if not officially, they used it in their work) and translated the Old Testament from Hebrew. The creators of the Russian Bible faced the similar dilemma in the Hebrew and Greek texts and chose a compromise solution: to translate from Hebrew but “under the guidance” of the Greek Bible («с еврейского под руководством греческой Библии»). As any compromise, such an attempt provoked criticism. Particularly, the following moment attracted special attention. The method, wherein a preference was given to the Hebrew text in some occasions, but in others — to the Greek one, might lead to the arbitrariness of the translators, providing no means to abandon such arbitrariness: «Смешение и, так сказать, слияние двух текстов, с предпочтением в одном случаев еврейского, а с другой — греческого было и всегда останется делом произвола переводчиков, и нет никаких средств положить конец этому произволу» [Чистович, 1899: 339]. This statement, of course, can’t be denied. But it is necessary to remember that the full and demonstrative rapture of the Russian Version with the Septuagint tradition, on which the Slavonic text had been founded, was hardly possible. Many well-known Church representatives thought that the only acceptable source for the Russian translation (if such trans-

плачешь?» (Nominative is used in the same function). In the Slavonic Bible, naturally, we find the form «женѡ» in both sentences.

³ It may be added that a degree of Slavonic elements in the Synodal Translation seemed insufficient to many persons of influence. Thus, K. Pobedonostsev was among them, being Chief Procurator of the Sacred Synod during a long period.

lation had been necessary at all) might be exclusively the Greek Bible (e.g. [Святитель Феофан...]). On the other hand, opponents of the Russian Translation also emphasized that, in due time, Divine Providence organized the Slavonic Translation of the Old Testament books not from Hebrew but from Greek: «Когда приспѣло блаженное время обращенія въ Христіанскую Вѣру Славянскихъ народовъ, Промысль Божій такъ устроиль, что и для нихъ сдѣланъ былъ переводъ Священнаго Писанія на родной имъ Славянскій языкъ и Ветхозавѣтныя книги переведены не съ Еврейскаго текста, а именно съ Греческаго Семидесяти толковниковъ <...>» [Мнение...]. So the solution to use both texts, despite the inevitable eclecticism, could partially mollify this controversy.

Upon 140 years of publication of the Synodal Translation, more new full Russian Bibles appeared. Over and over again, shortcomings and even follies of the Synodal Translation had been criticized from different positions. But till nowadays, it remains the main text of the Holy Writ in Russian, and its language is now recognized as the model of “biblical Russian”. We may anticipate that, probably, this work will also retain its status in the future. Therefore, it may be postulated that from both linguistic and linguocultural points of view, it was up to the challenge of the time of its creation.

Список литературы

- Алексеев А.А.* Первый русский перевод Нового Завета в издании 1823 г. // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М.: Институт славяноведения, 2002. С. 7–38.
- Alekseev, A.A.* Pervyj russkij perevod Novogo Zaveta v izdanii 1823 g. [The first Russian Translation of the New Testament in the 1823 Year Edition], Rol' perevodov Biblii v stanovlenii i razvitii slavjanskikh literaturnyh jazykov, Moscow: Institut slavjanovedenija, 2002, pp. 7–38. (in Russian).
- Библейские переводы. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Электронный ресурс. URL // — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/12827/%D0%91%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5. Дата обращения 06.08.2016.
- Biblejskie perevody [The Bible Translations], Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. *Electronic Resource*. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/12827/%D0%91%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5, accessed on 06.08.2016.
- Выступление Исполнительного директора РБО на Втором конгрессе Всероссийского содружества евангельских христиан и на конференции Российской Церкви ХВЕ 14-05-2011 // Российское библейское общество. Электронный ресурс. URL // — Режим доступа: <http://biblia.ru/news/show/?441>. Дата обращения 07.08.2016.

Vystuplenie Ispolnitel'nogo direktora RBO na Vtorom kongresse Vserossijskogo sodruzhestva evangel'skih hristian i na konferencii Rossijskoj Cerkvi HVE 14-05-2011 [The speech of the Chief Executive of the RBS at the Second Congress of the Commonwealth of Evangelical Christians at the Conference of Russian Church of Christians of Evangelical Faith], Rossijskoe biblejskoe obshhestvo, *Electronic Resource*. Available at: <http://biblia.ru/news/show/?441>, accessed on 07.08.2016.

Десницкий А.С. Современный библейский перевод. Теория и методология. М.: Издательство ПСТГУ, 2015. 432 с.

Desnickij, A.S. Sovremennij biblejskij perevod. Teorija i metodologija [Modern Bible Translation. Theory and Methodology], Moscow: Izdatel'stvo PSTGU, 2015. 432 pp. (in Russian).

Евсеев И.Е. Собор и Библия. // Российское библейское общество. Круг чтения. Электронный ресурс. URL // — Режим доступа: <http://www.biblia.ru/reading/articles/show/?12&start=0>. Дата обращения 08.08.20016.

Evshev, I.E. Sobor i Biblija [The Cathedral and The Bible.], Rossijskoe biblejskoe obshhestvo. Krug chtenija, *Electronic Resource*. Available at: <http://www.biblia.ru/reading/articles/show/?12&start=0>, accessed on 08.08.2016.

Корсунский И.Н. Филарет, Митрополит Московский, в его отношениях и деятельности по вопросу о переводе библии на русский язык. Электронный ресурс. URL // — Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Korsunskij/filaret-mitropolit-moskovskij-v-ego-otnoshenijah-i-deyatelnosti-po-voprosu-o-perevode-biblii-na-russkij-jazyk/. Дата обращения 08.08.2016.

Korsunskiy, I.N. Filaret, Mitropolit Moskovskij, v ego otnoshenijah i deyatelnosti po voprosu o perevode biblii na russkij yazyk [Filaret, the Moscow Metropolitan, his attitude towards and efforts in the Bible translation into the Russian language], *Electronic Resource*. Available at: http://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Korsunskij/filaret-mitropolit-moskovskij-v-ego-otnoshenijah-i-deyatelnosti-po-voprosu-o-perevode-biblii-na-russkij-jazyk/, accessed on 08.08.20016.

Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Избранная проза. М.: Советская Россия, 1980. С. 394–399.

Lomonosov, M.V. Predislovie o pol'ze knig cerkovnyh v rossijskom jazyke [Foreword on the benefit of church books in the Russian language], Lomonosov M.V. Izbrannaja proza, Moscow: Sovetskaja Rossija, 1980, pp. 394–399. (in Russian).

Мнение Высокопреосвященного Митрополита Киевского Филарета (Амфитеатрова) о переводе Священного Писания на русский язык, от 21-го декабря 1856 года // Русская Библия. Электронный ресурс. URL // — Режим доступа: http://biblia.russportal.ru/index.php?id=history.philaret_kievskii1888_01. Дата обращения 08.08.2016.

Мнение Высокопреосвященного Митрополита Киевского Филарета (Амфитеатрова) о переводе Священного Писания на русский язык, от 21-го Декабря 1856 года [The opinion of his Eminence Metropolitan of Kiev Filaret (Amfiteatrov) on translation of the sacred Scripture into the Russian language], Russ-

- kaja Biblija, *Electronic Resource*. Available at: http://biblia.russportal.ru/index.php?id=history.philaret_kievskii1888_01, accessed on 08.08.2016.
- Осипова А.А.* Библия короля Иакова и Синодальный перевод: Опыт сопоставления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2015, № 4. С. 223–230.
- Osipova, A.A.* Biblija korolja Iakova i Sinodal'nyj perevod: Opyt сопоставления [King James Bible and the Synodal Translation: an Attempt of Comparison], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Serija «Lingvistika»*. 2015, No 4. pp. 223–230. (in Russian).
- Рижский М.И.* История переводов Библии в России. СПб: Аквалон, Азбука-классика, 2007. 256 с.
- Rizhskij, M.I.* Istorija perevodov Biblii v Rossii. [The History of the Bible Translations in Russia], St. Petersburg: Akvalon, Azbuka-klassika, 2007, 256 pp. (in Russian).
- Святитель Феофан Затворник.* По поводу издания священных книг Ветхого Завета в русском переводе // Русская Библия. Электронный ресурс. URL // — Режим доступа: <http://biblia.russportal.ru/index.php?id=history.theophan01>. Дата обращения 08.08.2016.
- Svjatitel' Feofan Zatvornik.* Po povodu izdanija svjashhennyh knig Vethogo Zaveta v russkom perevode [On the subject of publishing sacred books of the Old Testament in the Russian translation], *Russkaja Biblija. Electronic Resource*. Available at: <http://biblia.russportal.ru/index.php?id=history.theophan01>, accessed on 08.08.2016.
- Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: «Гнозис», 1994. 239 с.
- Uspenskij, B.A.* Kratkij ocherk istorii russkogo literaturnogo jazyka (XI–XIX vv.) [Brief overview of the history of Russian literary language (XI–XIX)], Moscow: «Gnozis», 1994, 239 pp. (in Russian).
- Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. 6. Русский перевод Библии. Издание второе, исправленное и дополненное, 2003 Электронный ресурс. URL // — Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/religion_rel/florovskiy/2/j40.html. Дата обращения 08.08.2016.
- Florovskiy, G.V.* Puti russkogo bogoslovija. 6. Russkij perevod Biblii [The Ways of Russian Theology. 6. Russian Translation of the Bible], *Izdanie vtoroje, ispravlennoe i dopolnennoe*, 2003. *Electronic Resource*. Available at: http://rumagic.com/ru_zar/religion_rel/florovskiy/2/j40.html, accessed on 08.08.2016.
- Чистович И.А.* Русская Библия. История перевода Библии на русский язык. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899, Электронный ресурс. URL // — Режим доступа: <http://www.greeklatin.narod.ru/chist/chist.htm>. Дата обращения 05.08.2016.
- Chistovich, I.A.* Russkaja Biblija. Istorija perevoda Biblii na russkij jazyk [The Russian Bible. The history of the Bible translation in Russian], St. Petersburg: Tipografija M.M. Stasyulevich, 1899, *Electronic Resource*, Available at: <http://www.greeklatin.narod.ru/chist/chist.htm>, accessed on 05.08.2016.
- Dialogue of Justin, Philosopher and Martyr, with Trypho, a Jew, *Electronic Resource*, available at: <http://www.iclnet.org/pub/resources/text/m.sion/justtryp.htm>, accessed on 06.08.2016.

- King James Bible Preface. The Translators to the Reader, Textus Receptus. *Electronic Resource*, Available at: http://textus-receptus.com/wiki/King_James_Bible_Preface, accessed on 06.08.2016.
- King James' Instruction to the Translators. *Electronic Resource*, Available at: http://www.kjvonly.org/other/kj_instructs_pr.htm, accessed on 06.08.2016.
- King James Version of the Bible. *Electronic Resource*, Available at: http://www.fact-index.com/k/ki/king_james_version_of_the_bible.html, accessed on 06.08.2016.
- Maugham, S.W.* The Summing Up. Melbourne: London: Toronto: William Heinemann LTD, 1951. *Electronic Resource*, Available at: <http://www.gutenberg.ca/ebooks/maughamws-summingup/maughamws-summingup-00-h.html>, accessed on 06.08.2016.
- Norton, D.* A History of English Bible as Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 486 pp.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Л.А. Манерко,

доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; *e-mail*: wordfnew@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СХЕМАТИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОПЫТА В ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье представлены этапы переводческого процесса как часть коммуникативной теории, опирающегося на социокультурные и когнитивные механизмы. Раскрывается понятие «когнитивная схематизация человеческого опыта» и показывается её влияние на процесс перевода с английского на русский язык. Данное понятие является базовым в когнитивной лингвистике, так как основано на понятии «образная схема» М. Джонсона. Применительно к переводу с английского языка, где эксплицируются образные схемы ИСТОЧНИК — ПУТЬ — ЦЕЛЬ, КОНТЕЙНЕР, НИЗ — ВЕРХ, ТОЧКА, ПЛОСКОСТЬ, в некоторых случаях те же схемы использованы в русском языке, но разница состоит в их социокультурном и когнитивно-семантическом наполнении.

Ключевые слова: коммуникативная модель перевода, когнитивное переводоведение, образная схема, пространственный опыт.

Larissa A. Manerko,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of the Theory and Practice of Teaching the English Language, Higher School of Translation and Interpretation of Lomonosov Moscow State University, Russia; *e-mail*: wordfnew@mail.ru

SOCIOCULTURAL PECULIARITIES OF SPATIAL EXPERIENCE SCHEMATIZATION IN INTERPRETATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

The article reveals stages in the process of interpretation described through the cognitive theory, in which sociocultural and cognitive mechanisms are postulated. The author illuminates the notion of “cognitive schematization of human experience” and shows its impact on interpretation from English into Russian. This particular notion is basic in Cognitive Linguistics, based on “image schema” introduced by M. Johnson. Corresponding to the translation from English in which image schemas SOURCE — PATH — GOAL, CONTAINER, BOTTOM — TOP, POINT, and SURFACE are explicated, in some cases the same image schemas are used in Russian, where the same notions are postulated, but the difference lies in the sociocultural and cognitive-semantic embodiment.

Key words: communicative model of translation and interpretation, Cognitive theory of translation and interpretation, image schema, spatial experience.

Специалистами в области языкознания неоднократно отмечается тот факт, что при описании речемыслительной деятельности человека формирование значения складывается не только на основе знания отдельного слова и его семантических характеристик, но и понимания более широкого контекста, в котором используемая языковая единица превращается в речевую единицу. Эта же мысль звучит и в трудах переводоведов, когда они пытаются описать единицу перевода. В частности, как подмечено Т.А. Казаковой, суть ошибки начинающего переводчика «состоит в подмене представлений о характере переводимых знаков: вместо речевых единиц, которые собственно и подлежат переводу, переводчик механически подставляет языковые единицы, в то время как в разных языках состав той или иной речевой единицы может не совпадать» [Казакова, 2006: 27]. Единица перевода, будучи категорией переменной, может рассматривать слово в зависимости от описываемой ситуации с разных сторон, учитывая принадлежность к уровням языка [Бархударов, 1975: 189]. Но такая точка зрения больше подходит как один из этапов подготовки будущих лингвистов и переводчиков, а также позволяет объяснить способы выполненной интерпретации с одного языка на другой. Но подобный способ объяснения совершенно не устраивает специалистов, рассматривающих переводческий процесс, под которым понимается «процесс сохранения и частичного, но неизбежного преобразования системы смыслов», заключённого в знаках исходного языка при её передаче знаками языка перевода [Гарбовский, 2007: 257]. То есть получается, что человек, участвующий в коммуникативной деятельности (а переводчик участвует именно в таком процессе), учитывает разные действия со знаками языка и передаваемыми смыслами. Нам также необходимо учитывать то, что происходит сначала в его сознании, когда формируется и происходит создание внешнего речевого высказывания.

В отечественных учебниках по переводоведению среди множества существующих теорий особо выделяется коммуникативная модель перевода, а описание процесса перевода строится на основе двух основных этапов:

1) восприятие (рецепция) текста на исходном языке, включающее допереводное восприятие произведения и собственно переводное восприятие, последнее опирается на пословное понимание и понимание по синтагмам идеи текста, создание образа и его понятный наполнение деталями;

2) воссоздание смысла текста на переводящем языке через его перевыражение и идентификацию (ср. [Виноградов, 2006: 30–35]).

Развитие коммуникативной модели мы наблюдаем в трудах отечественных и зарубежных учёных. Для большинства исследователей процесс понимания исходного текста связан с обработкой разнообразных данных, как и процесс порождения, в котором вычленяются совсем другие пошаговые операции. Для нас интерес представляют те описания, в которые вписываются социо- и психолингвистические моменты, в том числе и когнитивные составляющие, находящие отражение в процессе коммуникации.

Одной из таких моделей является социолингвистическая процессуальная модель перевода Д. Коукли (*sociolinguistically sensitive process model*), учитывающая экстралингвистические (социолингвистические, культурные) факторы и психолингвистические (чувственные) данные [Cokely, 1992]. В ней выделяются семь этапов в процессе перевода с одного языка на другой, причём первые три этапа связаны с обработкой информации на уровне восприятия и понимания исходного текста, а последующие этапы — с созданием текста на переводящем языке. Перечислим указанные этапы:

1) восприятие сообщения (на уровне поступления аудио- и зрительных данных и регистрируемых сенсорно через распознавание и фокусировку внимания звучащего отрывка текста);

2) предварительный этап обработки данных (в зависимости от лексического багажа знаний в долговременной памяти на исходном языке, умения вычленять синтаксические конструкции);

3) участие кратковременной памяти, заключающейся в способности сохранения лексических и фразовых структур, и предложений в зависимости от уровня дискурса (на этом уровне важными оказываются такие психолингвистические процессы как повторяемость и неиспользуемость (*decay*) каких-то языковых средств, которые способны влиять на состав лексикона человека);

4) оформление в сознании семантического намерения автора исходного текста в зависимости от настройки долговременной памяти (через понимание ассоциативных и контекстуальных связей, семантического и синтаксического знания, культурного опыта человека);

5) выделение семантического эквивалента (через межлингвистическую и лингвистическую компетенции в долговременной памяти на основе семантической, синтаксической, культурной и контекстуальной информации);

6) формулировка синтаксически правильного сообщения на переводящем языке в сознании переводчика, учитывающего лингвистические и социолингвистические данные (маркеры) в долговременной памяти;

7) производство сообщения в виде устного или письменного высказывания (на основе физических, психолингвистических и межмодальных употреблений) [Cokely, 1992: 121–125].

Отметим также исследование М. Гарсиа Ланда, который отмечает, что во время осуществления синхронного перевода переводчик должен в своём сознании разделить на части сложную фразу, восприняв поток звуков и переведя эту линейную цепочку в фонемный и морфосинтаксический реконструкт, связанный с семантическим потенциалом сказанного. Данный сложный процесс совершается им за 250 миллисекунды [Landa, 2001: 402–405], причём сенсорно воспринимаемые отрезки учитывают ноэтическое (перцептуальное) пространство и прагматический эффект, влияющий на процесс восприятия информации человеком. Эта «многоэтапная переработка воспринимаемого («входного») сигнала (потока звуков или последовательности графем)» как значимого сигнала [Залевская, 1999: 237] оказывается связанным с тем, как в человеческом мозгу происходит восприятие и понимание лингвистической цепочки. Там, как отмечает С. Вьяджио, «в глубинах ментальной лаборатории все другие стимулы, сопровождающие именно восприятие речи, включаются в общую игру комплексного пышного облачения знания и опыта. Конечным продуктом данной алхимии становится новый речевой перцепт» [Viaggio, 2006: 24]. Столь образное и многократное сравнение непосредственно связано с тем, что происходит в сознании человека (переводчика), а именно то, что этот процесс «при восприятии речи со слуха и при чтении подчиняется некоторым общим законам переработки информации, получаемой через различные сенсорные каналы» [Залевская, 1999: 238], которые интегрируются со значениями в «ментальном лексиконе» человека. Анализ и синтез поступающей информации позволяет выделить «условно-дискретный фрагмент континуальной и многомерной индивидуальной картины мира во всём богатстве связей и отношений, полнота которых обеспечивается в разной мере осознаваемой опорой на прямые и / или опосредованные выводные знания и переживания разных видов» [там же: 245]. Ф. Пёхекер упоминает разнообразные виды знания, включающие лексическое, синтаксическое, прагматическое, энциклопедическое и др. [Röchhacker, 2004: 119].

Эти процессы, описанные современными учёными, оказываются похожими на то, как описывает Л.С. Выготский продуцирование мысли, которое происходит на основе движения «от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию её во внутреннем слове, затем — в значениях внешних слов и наконец, в словах» [Выготский, 1982: 358]. И этот многоуровневый процесс, детально описанный в работах А.А. Ле-

онтьева, Н.И. Жинкина и других специалистов в области психолингвистики, также происходит на основе синтеза разных видов знания, но уже в другом языке через внутреннюю речь и воплощение смысловой структуры в словах, которые способствуют переходу от «синтаксиса значений к словесному синтаксису» [Залевская, 1999: 214].

В когнитивной теории перевода, опирающейся на металингвистический аппарат когнитивной лингвистики, ориентированной на воплощение антропоцентрического взгляда в языке, уделяющего внимание формированию языкового значения через его соотнесённость со структурами социальных и этнокультурных знаний, используются два других понятия. Этими понятиями являются — понятие концептуализации (осмысления) получаемой информации и понятие концепта. Именно они встречаются в концептуальной модели Т.А. Фесенко [Фесенко, 2002].

Концептуализация является «моделью понимания текста как результата естественной обработки языковых данных» [Кубрякова, 1996: 56–57]. При этом в процессе концептуализации определяется цель и интенции автора, анализируются социальные рамки высказывания и особенности «коммуникативной среды» [Фесенко, 2002: 135]. Концепт или единица «ментальных или психических ресурсов сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [Кубрякова, 1996: 90] является основополагающим термином в когнитивной лингвистике и когнитивной теории перевода. Знание и опыт человеческого бытия в мире могут быть выражены как вербально, так и невербально, что говорит о многообразии человеческого знания, то есть концепт указывает на то, что «индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира» [Павилёнис, 1983: 101–102], об окружающем пространстве и связанных с ним явлениях.

Попробуем показать, какие именно определяющие этапы могут наблюдаться в понимании когнитивных механизмов, сопровождающих процесс перевода с одного языка на другой язык. Раскрытие данных механизмов тем более является важным в настоящий момент, так как, как отмечает Х. Ли-Янке, подобной «основе познания — представлениям пока уделялось недостаточно внимания в междисциплинарных исследованиях, связанных с переводом» [Ли-Янке, 2013: 55].

Рождение личностных смыслов, происходящих в одной лингвокультуре, и поиски соответствующих им языковых форм происходит на основе следующих основных лингвистических и когнитивных процессов:

1. Первичный процесс обработки данных звучащей или письменной речи связан с получением информации (восприятием, первичной категоризацией и концептуализацией), то есть с опознанием знаковых и незнаковых сущностей, вычленением минимальных (фонетических, морфосинтаксических) единиц и первичным «схватыванием» некоторой идеи, представленной в исходном отрывке текста через призму ряда экстралингвистических факторов.

2. Вычленение и более чёткое оформление некоторой центральной идеи, формируемой на основе связей и отношений между знаками языка, которые высвечиваются исходным отрывком текста и внешними факторами. А.А. Залевская считает, что понимание не может быть обозначено какой-либо «дискретной единицей», но в сознании человека следует обратить внимание на «более или менее чётко определённый участок на многомерном перцептивно-когнитивно-аффективном континууме» целостного образа мира [Залевская, 1999: 247]. То есть на данном уровне происходит концептуализация и формируется некий концепт-образ того, что понято, и то, что находит более чёткое воплощение в виде «квантов» знания, воплощённых в смысле воспринятого и осознанного через понимание принадлежности концепта к конкретной области знания и оформления его структуры.

3. Создание на основе вычлененного концепта и его связей, почерпнутых из лингвистических (семантико-синтаксических) и коммуникативных данных, а также ситуации общения целостного образа авторского замысла. В теории психолингвистики и когнитивного переводоведения данное представление отдельного участка картины мира принято изображать в виде фреймовой модели [Хайруллин, 2009]. Следует отметить, что подобная фреймовая структура может видоизменяться в зависимости от фокусировки внимания на том или ином её отрезке мира при выделении необходимых ей элементов, почерпнутых переводчиком из динамики дискурса, для заполнения фреймовых слотов, превращающих статическую модель в сценарную, динамическую модель, соответствующую авторскому замыслу и понятную реципиенту исходной культуры [Манерко, 2015]. Вследствие этого, помимо фреймового представления концептуальной и лингвистической информации могут фиксироваться и другие способы вычленения данных, например, пропозиции, схемы, скрипты, сценарии и т.д.

4. Переключение в концептуальную систему другой культуры, которая связана с предыдущей, благодаря поиску аналогий и возможности социализации культурно-обусловленных знаний. Эта новая концептуальная система, по мнению Т.А. Фесенко, также строится

на основе концепта, который представляет собой некоторую репрезентацию реальной действительности в новой реальности [Фесенко, 2002: 131]¹. В.З. Демьянков считает, что в настоящее время мы можем вести речь о трансфере знаний из одного языка в другой, когда происходит порождение людьми и использование определённых типов знаний «при продуцировании мыслей» [Демьянков, 2016: 40]. На данный процесс оказывает влияние культурное наследие, которое способно выделить «определённые потенции и ограничения человеческой когнитивной системы», при этом наблюдается то, что «культурная репрезентация и когнитивный процесс влияют друг на друга» [там же: 40–41].

5. Создание мотива высказывания на основе осознания места концепта и его составляющих в другой лингвокультуре и в зависимости от целей и интенций рождающегося дискурса на переводящем языке.

6. Понимание замысла переводящим субъектом с привлечением основных семантико-синтаксических звеньев осмысляемого во внутренней речи на основе категоризации, когда наблюдается проекция «после “когнитивной обработки” в языковой уровень сознания» в процессе переводческой деятельности, что обусловлено «психосемиотическими характеристиками переводчика» [Фесенко, 2002: 131]. То есть та или иная единица мысли воплощается в знак или совокупность знаков на основе личного опыта говорящего, социокультурных знаний о мире и тех, которые обусловлены коммуникацией, то есть знаний о «коммуникативном событии, лингвистические знания и предполагаемые знания адресата» [Манерко, 2015: 392].

7. Оформление высказывания в зависимости от цели и типа дискурса на переводящем языке.

¹ Считаем важным обратить внимание на то, что на каждом этапе переводческой деятельности происходит когнитивная обработка информации на основе социокультурной, лингвистической, текстовой, концептуальной и коммуникативной констант [Фесенко, 2002]. Социокультурная константа проявляется в максимальном сохранении культурных реалий, лингвистическая константа формируется речевыми и языковыми нормами и вербальными системами исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ЯП), а текстовая константа отражает жанрово-стилистическую специфику текста в обоих языках. Вместе с тем, переводчику следует обратить внимание на *коммуникативную константу*, относящуюся к «коммуникативной адекватности» текста ЯП в контексте его ориентации на реципиентов, и *концептуальную константу* перевода. Последняя константа репрезентируется при переводе характером «ментальных операций... в границах вербальных систем определённых лингвокультурных сообществ», взаимодействием ментальных пространств автора оригинала и «когнитивно-психологическими структурами мышления переводчика» и, наконец, «лингво-ментальными моделями» исходного текста (ИТ) и концептуального текста [Фесенко, 2002: 131–135].

Далее мы попытаемся показать, как социокультурная информация оказывается связанной с пространственным восприятием человека действительности и как происходит схематизация полученного опыта. По мнению американского философа М. Джонсона, «...схематизация — функция человеческого воображения, ...но воплощённый процесс человеческого создания значения, ответственный за порядок, качество и важность — в терминах которых мы в состоянии понять наш опыт. Способность к воображению — это не отдельная способность, а многоаспектный процесс вычленения и использования структуры в рамках нашего опыта» [Johnson, 2005: 17]. Схематизация становится тем самым когнитивным механизмом, который направляет мысль человека при обработке информации пространственного характера, связав её с концептуализацией как более широким понятием (см. об этом более подробно [Манерко, 2014]).

В дальнейшем в статье будут проанализированы отрывки из англоязычной литературы и Британского национального корпуса. В них показывается схематизация пространственного опыта на основе сопоставления социокультурной информации, находящей отражение в лингвистических средствах выражения на английском и русском языках.

Попытаемся показать, какую именно семантическую нагрузку несёт одна и та же языковая единица в составе высказывания. Сначала мы обратим внимание на то, что в последующих предложениях фиксируется некто (он или Том — то есть участник события), но внимание привлекается отнюдь не к этому участнику, а к глагольной единице, которая воплощает пространственный опыт схематизированно, и этим влияет на концептуализацию социокультурной специфики высказывания на английском языке. В качестве примера использован исконный английский глагол *to spring*:

(1) *He sprang to his feet and rushed after her* (= stood up suddenly «вскочить на ноги»).

(2) *Tom sprang out of bed and ran downstairs* (= leap out of «вскочить с кровати»).

Глагол *spring* чаще всего употребляется в прошедшем времени с наречием или предлогом, как в наших примерах (1) и (2) и является фразовым глаголом движения. Значение, зафиксированное в предложениях, встречается в словарных источниках первым по списку, ср.: *to move suddenly and quickly in a particular direction, especially by jumping* [Longman Exams Dictionary, 2009: 1494], то есть «подпрыгнуть», «подскочить» [АРС, 1980: 657] и — что чрезвычайно важно — продолжить движение в определённом направлении. Данный глагол можно отнести к особому классу глаголов, он пред-

полагает действие, не отличающееся преднамеренностью (изначальным замыслом), зависимым от ситуации и события. Ср. другие глаголы с интенциональной (3) или неинтенциональной семантикой (4):

(3) *I run / jog a mile every day to keep fit;*

(4) *The car (time) is running fast* [Голубкова, 2002: 22].

Это ещё раз подтверждает мысль о том, что смысл отдельного речевого комплекса может раскрываться в зависимости от окружения языковой единицы, в рамках репрезентации «грамматического кодирования» на уровне глагольной фразы или сложного номинативного комплекса [Pechman, 1994], участвующих в создании семантики предложения. При этом нельзя не согласиться с точкой зрения Н.К. Гарбовского, который указывает, что «в некоторых случаях понимание наступает только после восприятия группы предложений» посредством выделения определённых «единиц ориентирования» [Гарбовский, 2007: 258, 263], которые в свою очередь опираются на конкретный контекст, представляющего описываемое событие.

В нашей статье попробуем раскрыть, как происходит процесс перевода на основе понятия «схемы» и схематизации человеческого опыта, с тем, чтобы применить его к описанию происходящего в сознании переводчика. Переводчик, восприняв смысл прочитанного или услышанного высказывания, создаёт его первичный образ в своём сознании на основе выделения особой единицы ориентирования на уровне предложения или небольшого связного целого (абзаца, сверхфразового единства), он способен подобрать необходимую языковую единицу, выведя её на уровень речевого высказывания и создав свой перевод на переводящем языке.

Здесь следует отметить, что в нейронауке акцентируется внимание на том, что «нервная система пользуется топологическим и топографическим структурированием среды. Другими словами, организмы выстраивают в своём сознании некие нейронные «отображения» (*neural maps*)» [Johnson, Rohrer, 2007: 26]. Подобные нейронные карты не являются внутренними репрезентациями, они появляются «у человека специально для того, чтобы организм их использовал точно для структур воспринимаемого мира» (“*are for that organism precisely structures of its experienced world!*”) [ibid.: 31]. Подобные отображения обеспечивают основу для концептуализации и мышления. Другое исследование обращает внимание на то, что существуют две системы восприятия информации — когнитивная и сенсомоторная. Они являются «двумя нейробиологическими картами видимого мира», так как они одновременно владеют различными пространственными ценностями (“*two neurological maps of the visual*

world... can simultaneously hold different spatial values”) [Johnson, Rohrer, 2005: 33]. Когнитивная система способна охватить информацию, благодаря своей высокой чувствительности она фиксирует небольшие перемещения объектов в наблюдаемом мире, используя своё относительное движение или положение в пространстве как ключа, но взамен на свою чувствительность, эта система способна указывать лишь на приблизительные расстояния в пространстве. Другая, сенсомоторная карта отвечает за осознание визуальной информации «здесь и сейчас», соотносимой с информацией, связанной со зрением и действием. Б. Бриджмен предполагает, что эти «две системы взаимодействуют, но как оказывается, в потоке информации могут направляться только одним маршрутом — от когнитивной к моторной системе» [Bridgeman, 1999: 37–38]². Эта идея получает наглядное отображение на рис. 1:

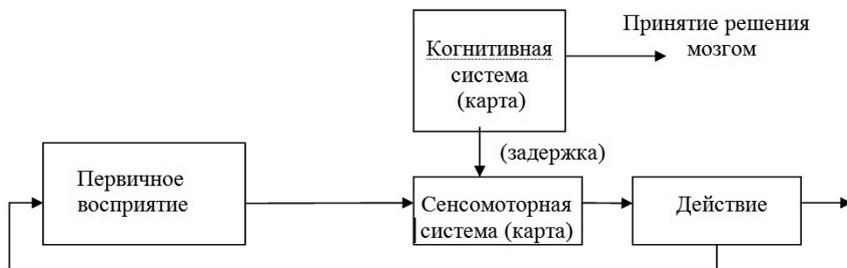

Рис. 1. Визуальный поток информации

Возвращаясь к предложениям (1) и (2), можно указать, что оба высказывания получают разное воплощение в концептуальной системе человека через когнитивную (а не сенсомоторную) систему, представленную на рисунке 1. Эти предложения показывают сильную зависимость от пространственного восприятия человеком наблюдаемого. В первом предложении: *He sprang to his feet and rushed after her* он резко вскочил на ноги (неинтенционально) и столь же быстро побежал (кинулся бежать) за ней. Действие начинается с какой-то точки на плоскости (на кресле, диване, стуле, скамейке и т.д.), то есть воображение понявшего данное высказывание рисует образную схему, достаточно известную из работ М. Джонсона: ИСТОЧНИК — ПУТЬ — ЦЕЛЬ, где профилируются первые два элемента схемы — источник, то есть (резко) встать вертикально на ноги, и путь — бежать за девушкой. Помимо указанной схемы мы

² Более подробно о когнитивных картах и когнитивной проекции (см. [Манерко, 2012]).

наблюдаем участие ещё одной образной схемы М. Джонсона — НИЗ — ВЕРХ, представленной как резкое движение вверх.

В оригинале и переводе мы находим полное совпадение смысла оригинала и переведённого предложения, указывающего своей морфологической структурой (приставка *в-* у глагола) и сопоставлением *feet* («нога, ступня» во множественном числе в английском языке) с более содержательным названием резкого действия с участием нижних конечностей у человека, уже входящих в состав семантики русского глагола «бежать», «кинулся бежать» (см. рис. 2).

Во втором примере *Tom sprang out of bed and ran downstairs* некто Том также подскочил с кровати и побежал вниз по лестнице. Картинка, связанная с предлогом *out of*, предлагает также неожиданное (неинтенциональное) движение под влиянием некоторых внешних обстоятельств из некоторого контейнера (вместилища) в английском языке, которым выступает кровать, то есть здесь происходит наложение схемы контейнера на образ ИСТОЧНИК — ПУТЬ — ЦЕЛЬ (рис. 3).

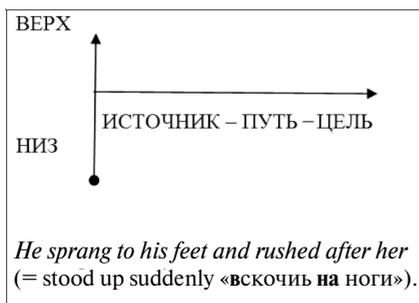

Рис. 2. Пространственное восприятие человеком наблюдаемого в примере (1)

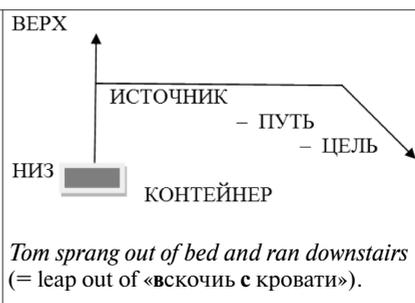

Рис. 3. Пространственное восприятие человеком наблюдаемого в примере (2)

В примере 2 (рис. 3) фиксируется источник (кровать) и есть схематизация пути вниз — *ran downstairs*, но не представлена цель пути. В русском языке мы можем перевести «подскочил (вскочил) с кровати», сохранив резкое и неожиданное движение вверх, но потеряв образное представление контейнера (кровать в русскоязычной картине мира не связана с объёмом). При переводе «Том вскочил с постели» мы также теряем схематический образ, связанный с контейнером, заменяя объём на двухмерную плоскость (постель), которая в сознании русскоязычного говорящего связана с глаголом «стелить», но сохраняется соприкосновение с плоскостным объектом.

Раз уж была затронута этимология слова «постель» от «стелить», то следует напомнить и о происхождении слова *to spring*: в древне-

английском языке глагол *springan* относился к сильным глаголам 3 класса (*past tense sprang, past participle sprungen*) в значении “to leap, burst forth, fly up”, а также обладает другим значением — “spread, grow”. Этот глагол имел родственные связи в древнеисландском, древнефризском *springa*, древневерхненемецком *springan*, в свою очередь восходя к протоиндоевропейскому **sprengh-* “to move, hasten, spring” [Online Etymological Dictionary].

Данная история развития глагола в языке и его второе значение также представлено и в современном состоянии языка. Неожиданно, читая статью Ж. Фоконье, посвящённую описанию методов в когнитивной лингвистике [Fauconnier, 1999: 96], я натолкнулась на следующий пример, который интересен не только в плане построения схематизированного образа, но и участия метафоры:

(5) *Did it all just spring up in the fertile mind of cognitive linguists, giving the man unlimited supply of new notions to draw from in order to explain some linguistic facts that they wish to talk about?* («Разве всё это не прорастает (появляется) на плодородной почве сознания когнитивных лингвистов, предоставив им неисчерпаемый источник новых понятий для объяснения языковых фактов, о которых они жаждут рассказать?»).

В английском предложении опять упоминается английский фразовый глагол *spring up*, указывающий на движение вверх (у М. Джонсона представлена образная схема НИЗ — ВЕРХ), но здесь речь идёт о значении глагола «прорасти, давать ростки», и в сочетании с наречием *up* «расти, появляться (о цветах, почках и т.п.)» [APC, 1980: 657]. Может показаться, что здесь забыто исходное и одновременно прототипическое значение в концептуальной структуре глагола *to move suddenly and quickly in a particular direction*, но «прорасти, давать ростки» также связано с движением вверх, усиленного частицей *up*. По мнению Е.Е. Голубковой, «конфигурация процесса, задаваемого при помощи глагола» для частицы *up* представляет собой проекцию пути на вертикальную ось, что обозначает «область ориентированного физического пространства, канонически совпадающего с вертикальным положением человеческого тела» [Голубкова, 2002: 66]. Тогда зачем английскому языку необходим постпозитивный элемент *up*? Ответить на этот вопрос можно, вспомнив, что в английском языке существуют более частотно употребляемые существительные, которые и привели к тому, что изначальное значение глагола, от которого посредством конверсии они были образованы, содержат движение вверх, например: 1) *spring* «источник, ключ, родник» (“source of a stream arriver, flow of water rising to the surface of the earth from below”, родственное древневерхненемецкому *sprung* “source of water”), которое вначале употреблялось

в древнеанглийском языке в составе сложных слов — *wyllspring* “well spring”, *esprung* “water spring”, содержащие в своём схематическом образе неинтенциональное движение по траектории вверх. В среднеанглийский период (в XIII веке) существительное *spring* приобрело новые оттенки, указывающие на источник чего-либо “source or origin of something”. Ср. например, второе значение у существительного *spring* в значении «весна» [АПС, 1980: 657], оно употреблено впервые в 1520 году, потому что до этого, вплоть до конца XIV века использовалась фраза *springing time* “season following winter” (буквально «период появления первых ростков»), которое в свою очередь возникло от *spring of the leaf* или *spring of dai* (“sunrise”). Появление слова *spring* «весна», а также «начало, расцвет» привело к вытеснению лексемы *Lent* «великий пост», которая также выступала в качестве синонима к *springing time* [Online Etymological Dictionary].

Схематизация образа как когнитивного механизма системы наблюдения и восприятия пространства оказывается важным фактором, способным раскрыть взаимоотношения между прототипическим значением концептуальной структуры, где глагольная семантика влияет на развитие значения существительного, и знание и понимание данных процессов необходимо в процессе переводе.

Не менее интересным оказывается существительное *mind*, зафиксированное в предложении (5). Слово изначально имело отношение к древнеанглийскому *gemund* “memory, remembrance, state of being remembered”, постепенно приобретающему новые смыслы к XII веку. Эта лексема, указывавшая на память или воспоминание, используется в сочетании с прилагательным, например: “conscious mind” или его противопоставлением — *subconscious mind* «бессознательный разум», ср.:

(6) *To start with, you might have to go through the whole exercise in order to relax again... and, because the link is permanently there in your subconscious mind, you will immediately begin to feel more peaceful, both mentally and physically* [British National Corpus]. Семантика представления качеств мыслительной деятельности сознания расширяется до указания на бессознательность процесса. Слово *mind* начинает использоваться с метафоризированным атрибутивным компонентом для репрезентации оценочного смысла, как в примере (5) Ж. Фоконье: *in the fertile mind of* — «на плодородной почве сознания». Кроме того, в предложении (5) происходит сопоставление двух областей знания, с одной стороны, сферы деятельности когнитивистов — когнитивная лингвистика и методы анализа, используемые в ней, а с другой стороны, эта область интересов сравнивается посредством участия метафоры со знанием человека

о сельскохозяйственной сфере, где плодородная почва помогает взрастить полноценный урожай. Вследствие этого, единицей ориентирования может выступать некая концептуальная область функционирования знания.

Мы можем наблюдать, что всё чаще и чаще существительное *mind* указывает на концептуальную схему КОНТЕЙНЕР, связанную с телом человека, причём рядом с атрибутивным компонентом, который способствует усилению необходимого смысла. Ср. пример:

(7) *As for the future, Clayton hopes to produce a book of selected work and is trying to convince his superiors to let him cover sport full time for the SMH, though he keeps an open mind* [British National Corpus]. В данном примере «он сохраняет открытым свой ум» схема КОНТЕЙНЕР подразумевает, что голова как некое вместилище открывается для новых идей и информации. Происходит не только расширение значения основного элемента *mind*, как результата мыслительной деятельности (“your thoughts or your ability to think, feel, imagine things”) в виде сформированной совокупности взглядов. Ориентиром для объекта оценки выступает знание об открытости границ пространства. В переводе схематический образ также находит отражение.

Последующий пример также представляет схему «вместилище», например:

(8) *My mind is full of dark thoughts and evil yearnings, terrible images which move me to wickedness, as if to some obscure crime which perhaps I have committed already...* [British National Corpus]. В описании всё той же головы или человеческого сознания в данном примере указывается на заполненность вместилища, обладающего чётко определёнными границами («Мой разум полон тёмных мыслей»), причём образная схематизация представлена и в переводе на русский язык.

Интересным также представляется пример, также встреченный в Британском национальном корпусе английского языка:

(9) *Put yourself into an elevated frame of mind and listen to the year passing away bell by bell, five minutes earlier than anywhere else in the time zone.* В этом примере следует обратить внимание на две вещи. Первая связана с пространственной семантикой слова *elevated*, которое указывает на протяжённость (перемещение) по вертикальной оси вверх (“raised off the ground or higher up than other thing”), то есть в примере показывается схематическое представление о движении вверх (опять схематизация образа движения НИЗ — ВЕРХ), а сочетание *frame of mind* репрезентирует настроение как ментальное состояние. Знание о вертикальной оси геометрической плоскости инкорпорировано в семантику прилагательного на основе нижней границы этой линии. Вторая особенность употребления слова

mind, замеченная в этом примере — это то, что в нём эксплицируется соотнесённость с категорией времени, которая подчёркнута следующими фразами из предложения *the year passing away, bell by bell, five minutes earlier, the time zone*, что позволяет воспринимать весь смысл этой фразы через когнитивную область — «время».

Примеры со словом *mind* дают представление о нескольких интересных положениях как для специалиста в области когнитивной лингвистики, так и в плане перевода с английского на русский язык. Схематизация человеческого опыта на основе существительного говорит о том, что каждое последующее его значение представляет собой развитие предыдущего сенсомоторного опыта, имеющего дело с движением от конкретного к абстрактному пониманию семантики. Новое мыслится на основе имеющего у человека социокультурного опыта и некоторого когнитивно-семантического знания области. Эти знания имеют некое основание, в данном случае таким основанием выступает понятие КОНТЕЙНЕР, который затем приобретает новые смыслы, перестраивая на новый лад существующие стереотипные схемы. Ещё один момент, на который следует обратить внимание, — это то, что в случае метафорического переноса область источник может проецироваться на области мишени (термины Дж. Лакоффа), при этом неоднократно фиксируются фразы в предложении, отсылающие к области источника и давая тем самым проекцию в новую область знания.

В целом, в статье была сделана попытка определить основные этапы переводческого процесса, в рамках которого уделяется внимание определённым когнитивным механизмам и социокультурным особенностям коммуникации. Считаем важным подчеркнуть связь о том, что изначально в человеческом опыте существует концептуальная схематизация восприятия объектов, их движений и признаков в пространстве. Схематизация является основанием для концептуализации и категоризации смыслов высказываний в зависимости от типа дискурса. Концептуальные признаки представлены образными схемами — ИСТОЧНИК — ПУТЬ — ЦЕЛЬ, НИЗ — ВЕРХ, ТОЧКА, ПЛОСКОСТЬ, КОНТЕЙНЕР, закрепляя пространственный опыт человека в виде соответствующих знаков и их совокупностей в языке. Некоторые элементы схематизации получают своё развитие в языке в зависимости от области знания.

В процессе работы с межъязыковыми соответствиями при переводе с одного языка на другой, в частности, с английского языка на русский, переводчик опирается на единицу ориентирования. Он учитывает разнообразные знания, оказывающие влияние на процесс перевода — лингвистические, экстралингвистические данные, данные о коммуникативной ситуации. Ему приходится также

учитывать расширение значений и метафорический перенос, фиксирующийся в языковых средствах выражения. Автор попытался показать, что единицей ориентирования при переводе является не только то, что выражено в отрывке текста, но и те концептуальные образы и смыслы, которые складываются в сознании переводчика в зависимости от понимания области знания, и в соответствии с ней он выбирает необходимые средства на русском языке, основываясь на явлениях концептуализации и категоризации в переводящем языке.

Социокультурная составляющая оказывает влияние на организацию знания, которая проявляется «в виде специфических способов построения высказываний в английском и русском языке» [Хайруллин, 2010: 28]. Трансфер знаний из одной концептуальной системы (например, английского языка) в другую концептуальную систему (переводящего языка, например, русского языка) помогает сопоставить те виды знания, которые находят воплощение в представлениях и концептах, трансформирующихся в мыслительной и речевой деятельности человека в зависимости от цели высказывания и интенции говорящего. Сопоставление концептуальных схем в двух разных языках позволяет понять, что большинство схем в языках сохраняется, но меняется их наполнение за счёт социокультурных данных, находящих отражение в средствах переводящего языка.

Список литературы

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М., 1975.
Barhudarov, L.S. Yazyk i perevod [Language and translation], Moscow, 1975 (in Russian).
- Виноградов В.С.* Перевод: Общие и лексические вопросы. Книжный дом: Университет, 2006. 240 с.
Vinogradov, V.S. Perevod: Obshchie i leksicheskie voprosy [Translation: general and lexical issues], Knizhnyj dom: Universitet, 2006. 240 pp. (in Russian).
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. М., 1982.
Vygotskij, L.S. Sobranie sochinenij [Collected papers]: v 6 t. T. 2, Moscow, 1982 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. Учебник, 2007. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2007.
Garbovskij, N.K. Teoriya perevoda: [Theory of translation], 2007. 2-e izd. Moscow: Izd-vo MGU, 2007 (in Russian).
- Демьянков В.З.* Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка / Гл. ред. Н.Н. Болдырев. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.З. Демьянков. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. Дом. ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 36–45.
Dem'yankov, V.Z. Ob antropocentricheskom napravlenii v kognitivnoj lingvistike [On the anthropocentric tendency in Cognitive linguistics]: Kognitivnyye

- issledovaniya yazyka, Gl. red. N.N. Boldyrev. Vyp. XXVII: Antropocentricheskij podhod v kognitivnoj lingvistike: sb. nauch. tr., Otv. red. V.Z. Dem'yankov. Moscow: In-t yazykoznanija RAN; Tambov: Izd. Dom. TGU im. G.R. Derzhavina, 2016. P. 36–45 (in Russian).
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999. 382 с.
- Zalevskaya, A.A.* Vvedenie v psiholingvistiku [Introduction to psycholinguistics], Moscow: RGGU, 1999. 382 pp. (in Russian).
- Казакова Т.А.* Практические основы перевода: English Russian. Учеб. пос. СПб.: Союз, 2006.
- Kazakova, T.A.* Prakticheskie osnovy perevoda: English Russian [Practical basis of translation: English Russian], Ucheb. pos. St. Petersburg: Soyuz, 2006 (in Russian).
- Кубрякова Е.С.* и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
- Kubryakova, E.S.* i dr. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [Short dictionary of Cognitive terms], Pod red. E.S. Kubryakovej. Moscow, 1996 (in Russian).
- Ли-Янке Х.* Законодатели мод и ключевые этапы в междисциплинарном, ориентированном на процесс, переводе: познание, эмоция, мотивация // Вестник МГУ. Серия 22: Теория перевода. 2013. № 1. С. 36–68.
- Li-Yanke, H.* Zakonodateli mod iklyuchevyehtapy v mezhdisciplinarnom, orientirovannom na process, perevode: poznanie, ehmcociya, motivaciya [Tendencies and milestones in interdisciplinary process-oriented translation: cognition, emotion, motivation], *Vestnik MGU. Seriya 22: Teoriya perevoda. 2013, No 1.* P. 36–68.
- Манерко Л.А.* «Когнитивная проекция» и «когнитивная карта» в исследованиях по семантике и функционализму // Актуальные проблемы английского языкознания. К юбилею проф. О.В. Александровой / Под ред. Т.А. Комовой, Д.С. Мухортова. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 49–69.
- Manerko, L.A.* “Kognitivnaya proekciya” I “kognitivnaya karta” v issledovaniyah po semantike i funkcionalizmu [“Cognitive mapping” and “a cognitive map” in studies of semantics and functionalism], Aktual'nye problem anglijskogo yazykoznanija. K yubileyu prof. O.V. Aleksandrovoj, Pod red. T.A. Komovoj, D.S. Muhortova. Moscow: MAKS Press, 2012. P. 49–69. (in Russian).
- Манерко Л.А.* «Воплощённость» и схематизация человеческого опыта как основание методологического инструментария когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: Сб. науч. трудов. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Изд. Дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2014. С. 92–101.
- Manerko, L.A.* “Voploshchyonnost” i skhematizaciya chelovecheskogo opyta kak osnovanie metodologicheskogo instrumentariya kognitivnoj lingvistiki [“The embodiment” and schematization of human experience as a foundation of methodological instrumentarium of Cognitive linguistics]. Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XVII: Aktual'nye problemy vzaimodejstviya myslitel'nyh i yazykovyh struktur: Sb. nauch. Trudov. Moscow: In-t yazykoznanija RAN, Tambov: Izd. Dom TGU imeni G.R. Derzhavina, 2014. P. 92–101 (in Russian).

- Манерко Л.А.* Модели перевода современности через призму социообусловленности и мультимодальности знания в теории дискурса // Вестник МГЛУ. Серия: Языкознание и литературоведение. (6) 717: Дискурс как социальная деятельность: Приоритеты и перспективы: Материалы 2-ой междунар. научной конференции 16–17 ноября 2014 г. М.: Изд-во МГЛУ, 2015. С. 389–400. URL: <http://vestnik-mslu.ru/Vest-2015/Vest15-717z.pdf>
- Manerko, L.A.* Modeli perevoda sovremennosti cherez prizmu socioobuslovennosti i mul'timodal'nosti znaniya v teorii diskursa [Modern models of translation and interpretation through the prism of social conditions and multimodality of knowledge in the theory of discourse]. *Vestnik MGLU. Seriya: Yazykoznanie i literaturovedenie. (6) 717: Diskurs kak social'naya deyatel'nost': Prioritety i perspektivy: Materialy 2-oy mezhdunar. Nauchnoj konferencii 16–17 noyabrya 2014 g.* Moscow: Izd-vo MGLU, 2015. P. 389–400. (in Russian), available at: <http://vestnik-mslu.ru/Vest-2015/Vest15-717z.pdf>
- Павлѐнис В.И.* Проблема смысла. М.: Прогресс, 1983.
- Pavilyonis, V.I.* Problema smysla [Problem of sense]. Moscow: Progress, 1983 (in Russian).
- Фесенко Т.А.* Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода. Тамбов: Изд-во ТГУ имени Г.Р. Державина, 2002.
- Fesenko, T.A.* Specifika nacional'nogo kul'turnogo prostranstva v zerkale perevoda [The specificity of the national cultural space in the mirror of translation]. Tambov: Izd-vo TGU imeni G.R. Derzhavina, 2002 (in Russian).
- Хайруллин В.И.* Перевод и фреймы: учебн. пос. М.: Либроком, 2009.
- Hajrullin, V.I.* Perevod i frejmy [Translation and frames]: Uchebn. pos. Moscow: Librokom, 2009 (in Russian).
- Cokely, D.* Interpretation: A Sociolinguistic Model. Burtonsville, MD: Linstok Press, 1992.
- Bridgeman, B.* Vertical modularity in the visual system, Stratification in Cognition and Consciousness. B. Bridgeman; Ed. by B.H. Challis, B.M. Velichkovsky. Amstredam; Philadephia, 1999. P. 31–42.
- British National Corpus. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
- García Landa, M.* Teoría de la traducción. Vertere, Monográficos de la revista Hermeneus núm. 3. Soria, 2001. P. 402–405.
- Johnson, M.* The philosophical significance of image schemas, From perception to meaning: image schemas in cognitive linguistics / Ed. by B. Hampe in cooperation with J. Grady. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 15–34.
- Johnson, M., Rohrer, T.* We are Live Creatures: Embodiment, American Pragmatism, and the Cognitive Organism, Body, Language, and Mind / M. Johnson, T. Rohrer; Ed. by J. Zlatev, T. Ziemke, F. Roz, R. Dirven. Berking: Mouton de Gruyter, 2005. Vol. 1. pp. 22–46.
- Longman Exams Dictionary. Pearson Press, 2009.
- Online Etymological Dictionary. Available at: <http://etymonline.com>
- Pechmann, Th.* The Sprach production. Wiesbadener Verlag, 1994.
- Pöchhacker, F.* Introducing Interpreting studies. London; New York: Routledge, 2004.
- Viaggio, S.* A General theory of interlingual mediation. Berlin: Frank & Timme, 2006.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

В.Е. Горшкова,

доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и переводоведения. Иркутский государственный университет, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации; e-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

В.В. Лиханова,

магистр лингвистики; e-mail: victoria_likhanova@mail.ru

ПЕРЕВОД СЕМИОТИЧЕСКИ ОСЛОЖНЁННОГО ТЕКСТА: «ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА» ДЭНИЕЛА КИЗА В РОМАНЕ И НА ЭКРАНЕ

В рамках парадигмы системной трансдисциплинарности рассматривается специфика передачи в художественном произведении речи человека с ограниченными умственными способностями. Означенная специфика, обозначаемая как интрасемиотический перевод, анализируется на материале перевода романа американского писателя Д. Киза «Цветы для Элджернона» на русский язык в сопоставлении с интерсемиотическим переводом — одноимённой экранизацией на английском, французском и японском языках.

Ключевые слова: системная трансдисциплинарность, интрасемиотический перевод, интерсемиотический перевод, экранизация.

Vera Ye. Gorshkova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Translation and Translatology, Irkutsk State University, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk, Russia; e-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

Victoria V. Likhanova,

Master of Linguistics; e-mail: victoria_likhanova@mail.ru

TRANSLATING SEMIOTICALLY COMPLICATED TEXTS: “FLOWERS FOR ALGERNON” BY DANIEL KEYES AS THE NOVEL AND SCREEN ADAPTATIONS

Peculiar ways the speech of a person with a mental disorder is translated in a literary text are studied within the systemic transdisciplinary paradigm. The above mentioned peculiarities referred to as intrasemiotic translation are analyzed in the Russian translation of the novel “Flowers for Algernon” by Daniel Keyes as compared to the intersemiotic translation, viz. screen adaptations of the novel in English, French and Japanese.

Key words: systemic transdisciplinarity, intrasemiotic translation, intersemiotic translation, screen adaptation.

Вопросы междисциплинарного взаимодействия наук всё больше волнуют умы современных учёных. Именно этот аспект научных исследований с изумительной точностью подтверждается и развивается в романе «Цветы для Элджернона» Дэниела Киза, анализу которого и посвящено настоящее исследование.

Несколько слов о содержании романа. Герой-повествователь, Чарли Гордон, оказывается первым человеком с ограниченными умственными способностями, на котором путём хирургического вмешательства испытывается новая медицинская технология искусственного повышения уровня интеллекта. Повествование, ведущееся от первого лица, представляет собой своеобразный дневник, содержащий письменные отчёты героя об его физическом и душевном состоянии и всех происходящих с ним событиях до и после операции. Хотя роман характеризуется как относящийся к жанру научной фантастики, клинические проявления заболевания главного героя вполне соотносимы с реальными.

Выбор означенного произведения в контексте повышения значимости междисциплинарных связей как вектора развития современной науки не случаен. Сравните, к примеру, совет героини романа Алисы, который она даёт своему ученику Чарли: «Скоро ты начнёшь находить связи между отдельными явлениями и поймёшь, что разные на первый взгляд области знания на самом деле составляют единое целое. Ты как бы взбираешься по огромной лестнице всё выше и выше и видишь вокруг всё больше» [Киз, 2014: 103]. Вспомните и свидетельство самого Чарли, IQ которого стремительно, почти молниеносно, за какие-то четыре-пять месяцев после операции достигает отметки 190: «Просто удивительно — между несопоставимыми на первый взгляд понятиями существуют, оказывается, глубокие связи. Я вышел на следующий уровень, и потоки из разных областей знания сблизились, словно текут из одного источника» [там же: 125]. Чем не подтверждение слов великого Рене Декарта, утверждавшего, что «все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих»?! Чем не иллюстрация парадигмы системной трансдисциплинарности, разрабатываемой Н.К. Гарбовским [Гарбовский, 2015; Горшкова, 2015, 2016]?!

¹ Орфография и пунктуация Дэниела Киза в интерпретации переводчика С. Шарова (прим. — *В.Г.*).

В названии нашего сообщения заявлен перевод семиотически осложнённого текста. Полагаем, что роман Д. Киза сам по себе является таковым, учитывая эволюцию главного героя, которая показана, главным образом, на примере отчётов, которые Чарли, человек с ограниченными умственными способностями, пишет во время эксперимента по компенсации своего отставания. Семиотическая сложность первых таких отчётов заключается, прежде всего, в практически полном отсутствии соблюдения правил орфографии и пунктуации. И если при устном воспроизведении его высказываний, несмотря на их семантическую примитивность, прослеживаются достаточно сложные структурные элементы, письменная фиксация последних показывает, что Чарли использует своего рода фонетическое письмо, расшифровка которого требует определённых усилий со стороны потенциального читателя. Сравните устную и письменную формы воспроизведения:

– «Док Штраус сказал што у меня есть то што очень харашо. Он сказал у меня есть мативация. Ни когда в жызни не знал што она у меня есть. Мне стало прейтно когда он сказал што не у каждого у каво ки б8 есть такая штука. Я не знаю што это такое и от куда она взелась но он сказал што у Элджернона она тоже есть. У нево мативация от сыра каторый ложут ему в ящик. Но она не может быть только от этово патамушто я на этой неделе не ел сыра» (с. 18–19).

Соответственно, по мере прочтения романа внимательный читатель констатирует значительный прогресс, находящий отражение в уменьшении очевидных ошибок, что способствует облегчению восприятия текста:

– Если я стану умным вот будет ему серприс (с. 12).

– Если ты умный, то у тебя много друзей с ними можно разговаривать и ты ни когда не будеш один (с. 27).

– Признаюсь, поначалу зрелище сотен учёных и мыслителей, собравшихся в одном месте в одно время, чтобы обменяться идеями, вызывало у меня благоговение (с. 193).

Следует воздать должное переводчику, приложившему немалые усилия, чтобы передать все эти внутренние изменения умственно отсталого человека, происходящие у последнего на ментальном уровне, на уровне «чёрного ящика», недоступного непосредственному наблюдению. Очевидно, означенный *интрасемиотический* перевод по умолчанию требует обращения к основам психиатрии, без знания которых невозможно воспроизвести текст столь пронзительного психологизма (см. подробнее [Лиханова, 2015]).

Всесторонним изучением патологических текстов, в число которых входят тексты, порождённые лицами с ограниченными умственными способностями (в том числе олигофренами), занимается

психиатрическая лингвистика [Пашковский, 2013]. Однако интерес к самому феномену умственной отсталости наблюдается не только со стороны науки, но и со стороны искусства. Воплощение образа олигофрена в искусстве представляет широкие возможности как для интерпретации самого явления, так и для выбора приёмов его воплощения. В этом отношении особым преимуществом среди других видов искусства пользуется литература как предоставляющая возможность словесного изображения речевых и неречевых проявлений анализируемого психического расстройства. Воссоздание речи такого человека в тексте литературного произведения играет очень важную роль, поскольку речь в её взаимосвязи с мышлением выступает в качестве одного из главных показателей психического развития человека в целом.

Каковы же авторские и переводческие приёмы имитации речевого поведения человека с ограниченными умственными способностями, используемые в оригинале и переводе романа Д. Киза «Цветы для Элджернона»?

Для иллюстрации речевых особенностей персонажа проанализируем отдельные отчёты Чарли (3 марта — 8 апреля и 2 ноября — 21 ноября). Наш выбор обусловлен, прежде всего, развитием сюжета: первая часть отчётов относится к периоду до и нескольким неделям после операции (время до и после начала прогресса интеллекта героя), вторая — к началу и прогрессивному ухудшению интеллектуального состояния героя. Несмотря на небольшую долю данных частей в общем объёме текста, они крайне насыщены информацией и позволяют отследить приёмы авторской стилизации для имитации речи олигофрена [Keyes, 2011: 1–28, 211–216; Киз, 2014: 6–57, 371–380].

а) *Фонолексические особенности*

– Фонетическое письмо — тип 1 (воссоздание графической формы слова на основе его фонетической формы при очевидном наличии представления о примерной графической форме слова и применения (не всегда верного) правил орфографии для его написания — перестановка, опущение, добавление, замена графем) (*evrey, importint, mabye, yeres, munth, brithday, tolld, lern, evrything, anymor, yrs, secertery, littel, onley, hert, collidge, chares, spilld, rilax, wanted, picturs, glassis, something, reeding, bottel, frist, peice, sereus, werk, animils, rimember, derty, serprised, difrence, persinality, angrey, puzzels, derections, monkys, tabel, coud, nervus, squeeking, alredy, haffway, progris, riports, sergery, thum, werse, tremendus, mentel, bin, horshoe, magizenes, bandiges, memary, glovs, tempertur, presedint, Eev, appels, matirnity, fayth, resterant u dp.*);

– Фонетическое письмо — тип 2 (воссоздание графической формы слова на основе его фонетической формы при отсутствии представления о примерной графической форме слова) (*shud, faled, tite (tight), pepul (people), raw shok test (Rorshach test), laffd, spearamints (experiments), operashun, motor-vation (motivation), intelijence, fisical, contribyushun, brot (brought), superstishus, chokilat, bandijis, discushen, branes, agenst, temperchure, thot (thought), pashent, stoopid, cuple, enuf* и др.);

– Орфографические ошибки (*wite (white), tried, rote, skared, pritty, ded (dead), bred (bread), rong (wrong), meens, frend, beleeve, chooing (chowing), withowt, skreen, scratched, rekemmended, eeger, pleese, exakly, actually, leeve, sience, luk, hevuy, weels (wheels), headakes* и др.).

Приведённые выше примеры — лишь малая часть того, что в действительности наличествует в тексте. Указанные речевые особенности сигнализируют об отсутствии у персонажа дифференцирования письменной и устной речи, демонстрируют патологическую безграмотность его письменной речи и, как следствие, делают текст крайне трудным для восприятия. Говоря о частных моментах, можно указать трудность различения героем фонем [ə] и [ɪ], сочетания графем, передающих одну и ту же фонему [ə:] (er, ir, or, ur), воссоздания графической формы окончаний, содержащих шипящие фонемы (-tion, -ture, -tient, -tious, -sion), неразличение на письме графем *c* и *k* и т.д. Читатель с первых строк романа погружается в мир человека явно страдающего от своей неполноценности, но не боящегося рискнуть жизнью ради возможного выздоровления: все отображаемые на письме сложности способствуют персонификации героя, приближая его к читателю. Соответственно, описанные выше приёмы несут эстетико-стилистическую нагрузку эмоционально-интеллектуального воздействия на читателя.

б) Структурно-грамматические особенности:

– *неразграничение прямой и косвенной речи*

He sed sit down Charlie and make yourself cunfortible and relax.

So Burt sed Charlie what do you see on this card.

...I said now let me see the card agan I bet I find it now.

Dr Strauss askd me how come you went to the Beekman School all by yourself Charlie.

How did you find out about it. I said I dont remember.

He said theres nothing to be skared about Charlie he said youll just go to sleep.

Он сказал садись Чярли устраивайся паудобней и успокойся.

Барт сказал Чярли што ты видиш на этом листке.

...Я сказал дай пасматреть спорим я сичас их найду.

Док Штраус спросил как случилось што ты сам пришол в школу Бекмана Чярли.

Как ты узнал про неё. Я сказал я не помню.

Он сказал не надо бояца Чярли ты сичас уснеш.

Данная особенность речи Чарли Гордона, а также практически полное отсутствие пунктуации (кроме точки) придают тексту патологический характер, максимально «оживляют» героя, но в то же время, не дают читателю забыть о заболевании, которым страдает последний.

б) *нарушение норм слитного и раздельного написания слов*

– *потомушто, ни каких, можетбыть, такойже, штонибудь, от куда, ни когда, харашобы, этोजе, с начала, томже, от туда, не куда, чютьчють, не много, почемуто, воимено, на учился, ни чево, всеравно, нужноли, с разу, с нова, по этому, не навизу, не правду, ни каких, ни кому, на зад, на всегда, не кому, в месте, в ряд ли, за чем, по среди, с лишком, по середине, на верх, во круг, на конец и др.).*

Применение данного приёма создаёт у читателя ощущение абсолютной орфографической неграмотности персонажа, а обозначенный в самом начале романа факт, что герою на момент повествования 32 года, способствует осознанию его умственной отсталости. Такая манера письма, как и сама форма представления записей — медицинский отчёт, превращают абстрактного персонажа в яркую индивидуальность. Соответственно, речевая характеристика Чарли Гордона заставляет читателя поверить в реальность героя, а значит — активно сопереживать ему.

Как видим, приёмы воссоздания в переводе авторской модели речевого поведения человека с ограниченными умственными способностями зависят как от системы переводящего языка, так и от стратегии переводчика. Выбор таковой подчиняется не только личным предпочтениям, вкусам и субъективной интерпретации последнего, но, прежде всего, свойствам самого оригинального текста. В противном случае переводчик рискует в корне изменить «звучание» текста, его тональность, что неминуемо может привести к деформации эстетической функции текста.

Проведённый анализ показывает тесное переплетение *интра-* и *интерсемиотического* аспектов перевода, учитывая, что сами означающие по своей природе поливалентны: будучи означающими, воспринимаемыми визуально, слова написанные могут предстать как означающие аудитивные в речи при их произнесении вслух, как означающие жестовые в языке жестов, превратиться в означающие тактильные при использовании рельефно-точечного тактильного шрифта Брайля для слепых и слабовидящих реципиентов.

Соответственно, семиотическая сложность текста в значительной степени возрастает при его экранизации, то есть при «переводе» письменного текста в аудиовизуальную форму (*интерсемиотическом* переводе или *трансмутации* [Эко, 2006; Раздобудько-Чович, 2010]), с необходимостью подчиняющуюся определённым прави-

лам, обусловленным языком кино. И снова мы находим подтверждение этому положению в романе Д. Киза: *«даже в выдуманном мире должны существовать свои правила. Отдельные части должны складываться в единое целое»* (с. 102).

Вопрос, как средствами кино реализовать означенные составляющие, каким образом осуществить перевод конкретного семиотически осложнённого текста? На наш взгляд, перевод его из области уже и без того непростой письменной формы представления в экранную его форму, ещё более сложную, требующую обращения к языку кино, можно рассмотреть путём сопоставления трёх одноимённых экранизаций романа Д. Киза на французском, английском и японском языках.

Начнём с французской киноверсии романа «Цветы для Элджернона», поставленной режиссёром Давидом Дельриё в 2006 году («Des fleurs pour Algernon», David Delrieux, 2006)².

Констатируем, прежде всего, что по воле режиссёра в экранной версии оперативное вмешательство заменено внутривенными инъекциями, которые делают нашему герою по понедельникам; вместо рабочего в пекарне Шарль (французский Чарли) становится уборщиком в лицее, что позволяет ему быть ближе к знанию в широком смысле этого слова: он слышит разговоры подростков об учёбе, листает книги, видит на доске надписи, стирать которые вменено ему в обязанность и пр. При первом знакомстве с Шарлем мы наблюдаем у него значительное нарушение координации движений, что находит выражение в произвольных подёргиваниях тела и неконтролируемом гримасничанье. Чтобы не заблудиться и попасть на работу вовремя, он всё время носит в кармане схему, нарисованную на листе бумаги, с указанием опорных точек: цветочная лавка, парикмахерская и т.д. Динамика умственных способностей Шарля раскрывается в постепенном улучшении его общего физического состояния: в начале фильма он ходит в очках, затем зрение начинает улучшаться (20-я мин. фильма), что в итоге позволяет отказаться от очков (32-я мин.). На 37-й мин. фильма Шарль отказывается ехать в клинику на такси и выражает желание пойти туда пешком. Его походка становится упругой, уверенной и лёгкой.

В отличие от оригинала, где всё происходящее с Чарли находит отражение в Слове, во французском фильме режиссёр сводит к минимуму собственно лингвистическую составляющую в её письменном представлении. Лишь один раз мы видим бесплодные попытки Чарли записать на доске своё имя и возраст под руководством тьютора:

² Оригинальная версия на французском языке.

Je mapele Charles

Je mappelle Charles [Je m'appelle Charles = Меня зовут Шарль]

Je 35 an [J'ai 35 ans]

Любопытно, что одним из первых «материальных» свидетельств положительной динамики в состоянии Шарля через шесть недель лечения становятся стремление задавать вопросы школьникам (*C'est quoi, la mousson?*), а также решение алгебраического уравнения, оставшегося нестёртым на доске:

$$15x - 10 = 9x - 4$$

$$15x - 9x = 10 - 4$$

$$\underline{6x = 6}$$

$$x = 1$$

Успех столь велик, что Шарль начинает выполнять задания по математике за учеников, которые в благодарность моют за него пол.

Но особенно интересен режиссёрский ход, посвящённый обучению Шарля музыке. В романе этому виду деятельности Чарли уделено буквально три лаконичных фрагмента:

– Квартира на четвёртом этаже, четыре комнаты и пианино. Хозяйка сказала, что на днях его унесут, но я постараюсь научиться играть на нём (с. 213).

– Я говорю на двадцати живых и мёртвых языках, я — гениальный математик, сочиняю фортепианный концерт, который навеки оставит моё имя в памяти человечества (с. 231).

– Посвятил Фэй свой Первый концерт для фортепиано с оркестром. Она потрясена тем, что ей может быть что-то посвящено, но концерт Фэй не понравился. Что ж, нельзя иметь всё сразу в одной женщине. Весомый аргумент в пользу полигамии (с. 258).

Что касается экранной версии, именно обучение музыке становится главным показателем роста IQ Шарля. Другими словами, одни знаки (буквы алфавита) символично уступают место другим знакам — нотам. Наш герой приобретает рояль и в считанные дни не только овладевает виртуозной фортепианной техникой, но и начинает в уме сочинять музыку. Этому событию в фильме уделено два достаточно продолжительных фрагмента: 32.00–40.00 и 55.50–58.00. Обучение музыке приобретает весьма символическое значение: с возрастанием техничности исполнения из звучащей музыки уходит душа, что повергает в шок его учительницу музыки Алису. (Вспомним достаточно категоричное суждение французского поэта переводчика А. Мешоника о герменевтическом подходе к переводу поэзии: «L'herméneutique appliquée à la traduction ne transporte qu'un

cadavre. Ou plutôt son esprit. Le corps est resté sur l'autre rive. Et l'esprit seul est sans voix³»).

Соответственно, в обучении музыке находит отражение искусственность проводимого эксперимента: неуклонное повышение интеллекта испытуемого за счёт овладения целым рядом научных дисциплин в такой же прогрессии тормозит его эмоциональную сферу. Шарль превращается в бездушную машину, заботящуюся только о повышении своих интеллектуальных способностей и их сопоставлении с интеллектом окружающих (вспомним сцену его разговора с медсестрой, безапелляционность высказываний в отношении Алисы или доктора Немюра). Как следствие, в моменты сильного эмоционального напряжения (свидание с Алисой, посещение матери в сумасшедшем доме) он теряет приобретённый дар гения и снова превращается в прежнего Шарля, с трудом подбирающего слова, чтобы выразить свою мысль.

Рассмотрим теперь американско-канадскую экранизацию «The Flowers for Algernon» режиссёра Джеффа Блекнера (Jeff Blackner, USA, 2000)⁴. Важно подчеркнуть, что в числе сценаристов к этой киноверсии фигурирует сам автор романа Д. Киз, что обусловило, очевидно, сохранение места действия (пекарня Доннера).

Чарли в фильме Джеффа Блекнера прекрасно развит физически, может одной ногой поднять с пола поддон, держа одновременно на плечах четыре мешка с мукой, у него нет проблем с координацией движений, и, главное, он всем доволен, всё время улыбается и готов оказать услугу любому работнику пекарни, чем и пользуются его сотоварищи, чтобы развлечься в течение рабочего дня.

Собственно лингвистически его ментальные «отклонения» показаны лишь в двух высказываниях:

- Я не хочу стать известным, я хочу стать *гей-нием!*
- Это *ларибинт?* — Нет, лабиринт!

Примитивность мышления и речи приводит иногда к неосознанному использованию игры слов по типу детской этимологии:

- Вы почините мне *гены* и я стану *гением?*

Неуклонный рост интеллектуальных способностей Чарли иллюстрируется работой на компьютере, где он строит модель лабиринта по типу того, на котором тренируют лабораторную мышь по имени Элджернон⁵, послужившую прототипом для проведения эксперимента над человеком.

³ Герменевтика в приложении к переводу передаёт лишь труп. Или скорее его дух. Тело остаётся на другом берегу. А у духа нет голоса.

⁴ Одноголосый закадровый перевод и субтитры (перевод с английского Дениса Земляникина).

⁵ Имя мыши образовано от названия используемого препарата: ALG — сокращённое название альфалипоевой кислоты (в терминах фильма).

Важно отметить, что в американской киноверсии значительно усилена эмоциональная составляющая. Так, в романе Чарли пишет в своём отчёте № 11 о посещении кинотеатра, где он со своей учительницей мисс Кинниан (Элис) посмотрел несколько фильмов, названия которых не упоминаются. В фильме ситуация переведена в плоскость визуального ряда: непосредственно на фронтоне кинотеатра показана большая растяжка «Анна Каренина». Это избавляет режиссёра от необходимости пересказывать действие в расчёте на когнитивный багаж зрителей и делает более предметными комментарии Чарли по поводу отношений героини фильма с её возлюбленным. Именно просмотр этого фильма становится толчком к пробуждению чувств Чарли: мы видим в его руках книгу с эротическими стихами Сапфо. Пробуждению его чувств способствуют и разъяснения Элис: «Надо понимать людей и сердцем, и разумом». Эту фразу позже практически буквально повторит сам Чарли: «Вы цените только ум, но голова ничего не стоит без сердца». Символичным оказывается и факт захоронения вместе с Эджертоном пустого медальона, доставшегося ему от матери: «Кулон мне больше не нужен, у меня есть ты».

И, наконец, третья версия интерсемиотического перевода — десятисерийный японский телефильм “Algernon Ni Hanataba Wo” (реж. Такеши Ёсида, Япония, студия TBS, 2015).

Главный герой, Сàко (Ширатори Сàкуто), молодой человек 28 лет, с 15-ти лет работает в фирме “Dream Flower Service” по доставке цветов на дом. Он живёт в общежитии вместе с проходящими социальную реабилитацию правонарушителями. Сàкуто очень хорош собой и этим обстоятельством беззастенчиво пользуются его товарищи, используя его как приманку, чтобы «закадрить» молодых девушек в свободное от работы время. Главная отличительная особенность Сàкуто — его неотразимая улыбка. Он всё время следует наставлению умирающего отца: «Если тебе хочется плакать — улыбайся». Именно открытостью, добротой и искренностью Сàкуто объясняется тот факт, что начальник всё время подселает к нему в комнату только что вышедших из тюрьмы правонарушителей: «Они очень недоверчивы. Ты открывал двери в их сердца».

В речевом и поведенческом плане Сàко остался на уровне шестилетнего ребёнка и полностью соответствует характеристикам человека с ограниченными умственными способностями: повторяет за говорящими произнесённые слова, выражает свою мысль односложными предложениями и предикативами (машина *бип-бип*, цветы *чик-чик*, пистолет *пиф-наф*), реагирует на блестящие предметы (*Блестит-блестит!*), отличается неустойчивостью походки, при общении шевелит пальцами, как бы помогая себе думать,

иногда впадает в ступор, что характерно для некоторых форм проявления шизофрении, не может совладать за столом с ножом и вилкой. Осознавая свою отсталость (*Дураком нельзя; Я хочу стать умным; Я хочу стать умным — равным — другом*), по вечерам Сàкуто прилежно занимается: раскладывает на столе карточки с буквами алфавита и изображениями предметов и животных, повторяет слова, но быстро их забывает и всё начинается с начала. В роли смысловой опоры в фильме выступает фраза, усвоенная с детства и сопровождающаяся соответствующими жестами (*Камень, ножницы, бумага!*⁶), символизирующая стабильность ситуации, снимающая напряжение, приводящая нашего героя в спокойное состояние.

При общем сохранении основной сюжетной линии (превращение умственно отсталого человека в гения) режиссёр Такеши Ёсида вносит значительные изменения и добавления, обусловленные законами жанра сериала. Помимо прочего, в фильме появляется ещё одна героиня, Рио-тян, прогрессирующая неизлечимая болезнь которой должна необратимо привести её в вегетативное состояние. Как говорит её отец, крупный бизнесмен, на средства которого в целях спасения дочери проводится эксперимент над Сàкуто, называемым в Центре физиологии мозга «объектом № 1», «она превратится в цветок, у которого постепенно опадут все лепестки».

В анализируемой версии развитие интеллектуальных способностей японского Чарли проиллюстрировано игрой в любительский бейсбол, когда Сàкуто со скамейки запасных выходит на поле и своей игрой спасает команду от проигрыша, а также реализацией его мечты водить машину: Сàкуто получает права, сдав экзамен на вождение машины с первой попытки, чем потрясает своих товарищей, затем доказывает навыки вождения, обыгрывая их всех на тренажёрах в игровом клубе.

Важным в контексте наших размышлений полагаем тот факт, что режиссёр поднимает проблему нормы:

— Что для тебя значит «нормальные»? (*разговор подружек*).

— Эджернон незаинтересован в романах как в общепринятой норме (*слова руководителя эксперимента*).

— Действительно, удивительные люди — это похожие на тебя. Ты и так хорош. <...> Умным быть — прекрасно. Благородным — замечательно. Потому что окружающие ожидают, чтобы ты таким был. В нашем мире так принято. Но я думаю, может, мир просто убеждён в этом? Или я неправ? Наивно, да? (*слова начальника Сàкуто*).

⁶ Игра для детей раннего возраста, известная во всём мире, позволяющая развить быстроту реакции и степень владения руками.

Соответственно, само понятие нормы зависит от точки зрения. Парадоксально, но по мере роста интеллекта Сакуто его товарищи ностальгически вспоминают о прежнем Чарли, полном доброты и искренности.

Обобщая сказанное выше, хотелось бы привести ещё одно весьма важное замечание Анри Мешоника: “il n’y a qu’une *source*, c’est ce que *fait* un texte; il n’y a qu’une *cible*, faire dans l’autre langue ce qu’il *fait*”⁷ [Meschonnic 1999: 23] (курсив наш. — В.Г.). Обратим внимание на глагол *делать* в данном контексте. Полагаем, что наши размышления доказывают реальную возможность такого интересемиотического *действия* при переводе литературного произведения в экранную форму. Название труда А. Мешоника «Поэтика перевода» (“Poétique du traduire”) выдвигает на первый план неразрывную связь переводоведения и литературы, что вполне логично, учитывая научные и творческие интересы автора. Проведённое исследование даёт нам право в аналитическом плане говорить о некоем триединстве переводоведения, философии и кино, которое можно было бы обозначить как кинофилософию перевода, включающую как лингвистическую, так и эстетическую, и семиотическую её составляющие.

Вышеизложенное с очевидностью свидетельствует о бесконечности интерпретаций романа Д. Киза «Цветы для Элджернона». Рамки сообщения не позволили рассказать о первом опыте интересемиотического перевода данного произведения, адаптированного для радио Мишелем Витольдом 6 марта 1966 года, где актёру удалось благодаря голосовым модуляциям и изменению дикции показать прогресс/регресс интеллекта Чарли, что являет собой реализацию эстетической составляющей интересемиотического перевода [Горшкова, 2015]. Не рассказали мы и об одноимённом телефильме режиссёра Ива Анжело с Грегори Гадбуа в главной роли, поставленного в 2013 году и собравшем целый ряд престижных премий и наград.

Для нас важно, что вне зависимости от клинических проявлений умственной отсталости героя, способа представления эволюции его интеллектуальной активности (совершенствование фортепианной техники, овладение навыками игры в бейсбол, фантастическое увеличение скорости чтения литературы), режиссёрам приведённых фильмов удалось в той или иной степени осуществить перевод семиотически осложнённого текста и адекватно передать Слово «романное» в других знаках — знаках «экранных», харак-

⁷ «есть только один источник, это то, что делает текст; есть только одна цель — передать это на другом языке» (перевод наш. — В.Г.).

терных для языка кино, совместив при этом целый ряд достаточно разнородных дисциплин — литературу, кино, философию и психиатрию.

И нам хочется повторить, вслед за удивительным героем анализируемых произведений: «Я не знаю што такое наука но я знаю што памагаю ей этим кспириментом» (с. 40).

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 1. С. 3–20.
- Garbovsky, N.K.* Sistemologičeskaja model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znanij [Systemological Model of Translatology: Transdisciplinarity and the System of Scientific Knowledge], N.K. Garbovsky, *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*, 2015. No 1, pp. 3–20 (in Russian).
- Gorshkova, V.E.* Audiovisual Translation in the Light of the Main Dialectic Principles, V.E. Gorshkova, *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2016(9), No 3, pp. 528–535.
- Горшкова В.Е.* Эстетика аудиовизуального перевода Жана-Франсуа Корню в парадигме системной трансдисциплинарности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 3. С. 22–37.
- Gorshkova, V.E.* Estetika audiovizual'nogo perevoda Zhana-Fransua Kornju v paradigme sistemnoj transdisciplinarnosti [Aesthetics of Audiovisual Translation by Jean-François Cornu within the Paradigm of Systemic Transdisciplinarity], V.E. Gorshkova, *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*, 2015. No 3, pp. 22–37 (in Russian).
- Лиханова В.В.* Олигофрения как феномен психиатрии в контексте художественного перевода // Дерево познания и дерево знания. Магистерские исследования: сб. науч. ст., Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. С. 298–319.
- Likhanova, V.V.* Oligofrenija kak fenomen psikiatrii v kontekste khudozhestvennogo perevoda [Psychiatric phenomenon of oligophrenia in the context of literary translation], V.V. Likhanova, *Drevo poznaniya i derevo znaniya. Magisterskije issledovanija: sb. nauch. st., Irkutsk: MGLU EALI*. 2015. pp. 298–319 (in Russian).
- Пашковский В.Э., Пиотровская В.Р., Пиотровский Р.Г.* Психиатрическая лингвистика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 168 с.
- Pashkovskij, V.E., Piotrovskaja, V.R., Piotrovskij, R.G.* Psikiatricheskaja lingvistika [Psychiatric Linguistics], V.E. Pashkovskij, V.R. Piotrovskaja, R.G. Piotrovskij, *Moscow: Knijnij dom "LIBROKOM"*, 2013, 168 pp. (in Russian).
- Раздобудько-Чович, Л.И., Чович Б.* Об интеръязыковом и интерсемиотическом переводах как предпосылках для интермедиальных реализаций пьесы: от объекта словесно-эстетического к сценическому и к кинематографическому искусствам (на материале пьесы «Дядя Ваня» А.П. Чехова и её перевода на сербский язык) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 3. С. 27–40.

Razdobudko-Chovich, L.I., Chovich, B. Ob inter'jazikovom i intersemioticheskom perevodakh kak predposilkakh dlja intermedial'nikh realizacij pjesi: ot objekta slovesno-esteticheskogo k scenicheskomu i k kinematograficheskomu iskustvam (na materiale pjesi "Djadja Vanja" A.P. Chekhova i ejo perevoda na serbskij jazik) [On Interlingual and Intersemiotic Translation as a Prerequisite for Intermedial Realization of Theatre Plays: From the Literary-Aesthetic to Stage and Cinematographic Arts (Based on the Play *Uncle Vanya* by Anton Chekhov and its Translation into Serbian)], L.I. Razdobudko-Chovich, B. Chovich, *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*, 2010, No 3, pp. 27–40 (in Russian).

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с ит. А.Н. Коваля. СПб.: Symposium, 2006. 574 с.

Eco, U. Skazat' pochti to zhe samoje. Opiti o perevode [To say almost the same], perevod s it. A.N. Kovalja, U. Eco. Saint-Petersburg: Symposium, 2006, 574 pp. (in Russian).

Список источников примеров

Keyes, D. Flowers for Algernon, D. Keyes. London: Orion, 2011. 256 p.

Киз, Д. Цветы для Элдджернона / пер. с англ. С. Шарова. М.: Эксмо; Санкт-Петербург: Домино, 2014. 384 с.

Keyes, D. Tsvety dlya Ehldzhernona [Flowers for Algernon], per. s angl. S. Sharova, D. Kiz. Moscow: Ehksmo; Sankt-Peterburg: Domino, 2014. 384 p.

М.Н. Есакова,

кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; *e-mail*: maria_esakova@mail.ru

Ю.Н. Кольцова,

кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; *e-mail*: koltsova-73@mail.ru

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ В РЕЧИ УСТНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В профессиональной деятельности переводчика грамотная, хорошо поставленная речь занимает особое место. Переводчику приходится переводить в самых различных ситуациях: это могут быть и деловые переговоры, и выступление на конференции, и дружеская беседа и т.д. И в каждом случае он должен не только уметь находить правильные с точки зрения передачи смысла слова и выражения, но и следить за их произношением. У переводчика будет высокий рейтинг и, следовательно, он сможет получить хорошую, высокооплачиваемую работу только благодаря высокому уровню культуры, безукоризненному владению литературным языком, умению точно, ясно, правильно и логично выразить мысль. Поэтому подготовку устных переводчиков нужно, на наш взгляд, начинать с изучения орфоэпических норм, так как орфоэпически правильная речь — одна из важнейших составляющих имиджа успешного переводчика. Именно правильное произношение и верная постановка ударения являются необходимым признаком культурной, грамотной речи.

Ключевые слова: русский язык и культура речи, акцентологические нормы, императивные и диспозитивные нормы, акцентологические ошибки.

Maria N. Yesakova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: maria_esakova@mail.ru

Yulia N. Koltsova,

Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Moscow State University, Russia;
e-mail: koltsova-73@mail.ru

ACCENTUAL STANDARDS OF INTERPRETERS' SPEECH

Well-bred speech occupies a special place in any interpreter's professional activities. The interpreter works in a variety of situations ranging from business negotiations to participation in the conference to a friendly chat, etc. In each case, s/he should not only be able to find correct (in terms of conveying the meaning) words and expressions, but also pay attention to their pronunciation. The interpreter will be ranked higher and therefore

s/he will be able to get a well-paid job thanks to his or her high level of culture, irreproachable literary style, ability to accurately, clearly, correctly and logically express his or her ideas. Therefore, any training program for interpreters must, in our view, begin with a study of orthoepic standards, as correct speech is one of the most important components of a successful interpreter's self-image. That is why the correct pronunciation and stress are a prerequisite for well-bred speech.

Key words: Russian language, well-bred speech, accentual standards, imperative and discretionary rules, accentual mistakes.

«Умение говорить — это кратчайший путь к известности... Почти любой может говорить так, что будет приятен и желанен в обществе, если он обладает верой в себя и людей...», — писал Дейл Карнеги в книге «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей» [Карнеги, 1989].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что «фундаментально описанные акцентологические закономерности русского языка с приостановкой нормализаторской деятельности в области русской орфоэпии, из-за смены поколений дикторов, журналистов, актёров, из-за обилия непрофессиональных ораторов на радио и телевидении, имеющих орфоэпические проблемы, сильно «раскачались» и требуют к себе повышенного внимания» [Никонова, 2011: 40—42]. С этим нельзя не согласиться. Действительно, сейчас молодому поколению достаточно сложно ориентироваться в русском произношении, так как примеров правильной ораторской речи почти нет. Напротив, по радио, с экранов телевизоров, на улице и, к сожалению, даже в учебных заведениях достаточно часто можно слышать неграмотную речь. Например, в знаменитой песне современного композитора И. Николаева «Такси, такси», часто звучащей в радио- и телеэфире, содержится грубая акцентологическая ошибка:

*«Мы приедем в наш старьй дом
И не **вклЮчим** в прихожей свет,
И, обнявшись с тобой вдвоём,
Встретим мы золотой рассвет...»*

Учитывая частотность повторения неправильно произнесённого слова, можно предположить, что неверный вариант произнесения слова «*включим*» с ударением на первом слоге, проникает в речь и закрепляется в ней, что опасно для молодых специалистов, речевая культура которых ещё не сформирована.

Проблема грамотного произношения не новая. Русское ударение, в частности его подвижность, рассматривается уже в грамматиках М.Г. Смотрицкого, М.В. Ломоносова, Н.И. Греча, а объектом научного изучения оно впервые становится в трудах А.Х. Востокова, выделившего его в самостоятельный раздел грамматики, а затем

Я.К. Грота и А.А. Потебни. Термин акцентология был введён в науку Р.Ф. Брандтом, книга которого «Начертание славянской акцентологии» (1880 г.) явилась одним из первых печатных трудов в области сравнительной акцентологии славянских языков. Однако в 1928 г. русский учёный Д.Н. Ушаков с горечью замечал: «Действительно, нашей школе ещё совершенно чужда идея орфоэпии. В то время как в Западной Европе, например во Франции, высоко ценят правильное произношение, доходя до культа слова, у нас редкий учитель слышал слово «орфоэпия» [Ушаков, 1928: 11]. Несмотря на то, что с того времени прошло уже немало лет и достаточно много делается для того, чтобы молодое поколение училось говорить правильно, вопрос о правильном произношении остаётся открытым.

В профессиональной деятельности переводчика грамотная, хорошо поставленная речь занимает особое место. «История учит, что общество не прощает переводчикам речевых ошибок. Кто в истории перевода зарекомендовал себя как лучший? Только тот, кто смог представить свой перевод в изящной форме и тем «прославить» переводящий язык. А неспособных к тому называли предателями, вспоминая старую итальянскую поговорку «traduttore — traditore» — «предатель — перелазатель» [Гарбовский, 2015: 10] Переводчику приходится переводить в самых различных ситуациях: это могут быть и деловые переговоры, и выступление на конференции, и дружеская беседа и т.д. И в каждом случае он должен не только уметь находить правильные с точки зрения передачи смысла слова и выражения, но и следить за их произношением.

У переводчика будет высокий рейтинг и, следовательно, он сможет получить хорошую, высокооплачиваемую работу только благодаря высокому уровню культуры, безукоризненному владению литературным языком, умению точно, ясно, правильно и логично выразить мысль. Следует отметить, что переводческий процесс является процессом творческим, поэтому он требует от переводчика достаточно большого объёма фоновых знаний. Помимо этого одна из основных задач будущего переводчика — «разобраться в том, что представляет собой современная культура родного языка, что признано литературной нормой, какие возможны отклонения, какие существуют жанры письменной и устной речи, и работать над их активным овладением» [Кряжева, 2014]. По мнению И.С. Алексеевой, «обучение современного переводчика следует начинать с активного преподавания родного языка и продолжать интенсивный тренинг до самого окончания обучения» [Алексеева, 2001]. И это действительно так. Переводчик должен иметь глубокие знания, как в области иностранного языка, так и родного, поэтому будущему переводчику необходимо в течение всего периода обучения

«стараться приучать себя в любой ситуации контролировать свою речь: не позволять себе обходиться жестами, заставлять себя завершать начатые формулировки, вербализовать, казалось бы, «невывразимые» чувства. Нужно как можно раньше обнаружить слабые стороны своей речи и ликвидировать их, заполнив нужными знаниями» [Кряжева, 2014].

На наш взгляд, начинать подготовку устных переводчиков нужно с изучения орфоэпических норм, так как орфоэпически правильная речь — одна из важнейших составляющих имиджа успешного переводчика. Именно правильное произношение и верная постановка ударения являются необходимым признаком культурной, грамотной речи. Есть немало слов, произношение которых служит как бы «лакмусовой бумажкой» уровня речевой и общей культуры. Достаточно услышать от незнакомого человека неправильно произнесённое слово, например, *углУбить*, *позвОнишь*, *свекла* и т.д., чтобы составить не слишком лестное мнение о его образовании и степени общей культуры.

Р.И. Аванесов, давая определение орфоэпии, писал: «наиболее целесообразным следует считать такое понимание орфоэпии, при котором в её состав включается произношение и ударение, т.е. специфические явления устной речи, обычно не отражаемые в должной мере на письме» [Аванесов, 1984: 9]. Таким образом, орфоэпические нормы регулируют произношение слов (произносительные нормы) и место ударения (акцентологические нормы). Будущие переводчики, которые планируют заниматься устным последовательным или синхронным переводом, обязаны не просто знать существующие орфоэпические нормы, но и активно их использовать в своей речи. Они должны понимать, что существуют императивные нормы произношения, то есть те, которые признают верным только один возможный вариант произношения (например, можно произносить только *позвонИшь*, *углубИть*, *тУфля*, *облегчИть*, *клАла* и т.д.), и те, которые являются диспозитивными, то есть такие, которые предполагают выбор из двух возможных вариантов. Например, *твОрог* и *творОг*, *по вОлнам* и *по волнАм*, *одноврЕменный* и *одноврЕмный* и т.д. В таком случае будущий переводчик может выбрать любой из вариантов произношения. В лингвистической науке существует мнение, что таких акцентологических дублетов в современном русском языке насчитывается более 5000 [Горбачевич, 1989: 37].

Помимо этого, следует отметить, что норма — явление изменчивое. Они складываются постепенно. И то, что было нормой даже 20 лет назад, в современном языке может являться её нарушением. Например, варианты произношения *кулинАнария*, *квашЕние*,

кЕдровый, мАльчиковый которые отмечены как единственно правильные в словаре ударений для работников радио и телевидения за 1985 год, теперь считаются устаревающими, что отмечено в словаре ударений русского языка под редакцией И.Л. Резниченко, выпущенным в 2014 году. «Колебания ударения — временный, но неизбежный этап развития языка, объективное следствие эволюции акцентологической системы» [там же: 40]. Вариативность, по мнению исследователя, обеспечивает менее резкий и болезненный переход от старой нормы к новой.

Интересно отметить, что в ряде слов, имеющих в современном русском языке диспозитивную норму произношения, одна из форм постепенно вытесняется, так в словах *тЕфтели / тефтЕли, кЕта / кетА, мУскулистый / мускуЛИстый, обрУшение / обрушЕние, подрОстковый / подроствОвый* вторая форма используется в речи гораздо чаще, чем первая.

С чем же связано появление вариативных форм в произношении?

Установление норм звучащей речи связано, по мысли К.С. Горбачевича, с рядом объективных трудностей. «По сравнению с лексическими, и морфологическими нормами, обладающими письменной традицией, нормы устной речи более уязвимы и проницаемы со стороны всякого рода нежелательных инородных вторжений. Сам процесс живого говорения подчас исключает возможность обдумывания и сознательного упреждения даже известной говорящему речевой ошибки. Автоматизм устной речи укрепляет почву для различных аналогических влияний и уменьшает сопротивляемость общелитературной нормы во временном плане. Вследствие этого значительно расширяется сфера фонетической вариантности не только с точки зрения стилей (или типов) произношения, но и со стороны возрастных или социальных особенностей говорящих» [там же].

Ещё одной причиной возникновения вариативности в произношении становится влияние профессионализмов. Это происходит, по-видимому, потому, что подобные слова мы слышим в основном в сфере профессиональной коммуникации, и нормативный вариант произношения выглядит неестественным. Примером может служить нормативное произношение слов *прикУс, шпрИцы, рожЕница, коклЮш, новорождЁнный* и др. Данные слова в основном можно услышать в стенах поликлиник и больниц в речи медицинского персонала в вариантах *приКу́с, шпри́цы, роЖени́ца, ко́клюш, ново-ро́жденный*.

Помимо этого, следует учитывать, что активной движущей силой развития акцентологических вариантов в современном русском

языке являются причины внутреннего характера. К ним, в первую очередь, относится действие так называемого закона аналогии.

Так, нормативная форма употребления наречия *мастерски* испытывает на себе влияние произношения прилагательного *мастерский*, образованного от существительного *мастер*, и поэтому достаточно часто мы можем слышать произношение данного наречия с ударением на первом слоге *мастерски*, хотя данная акцентологическая форма пока не закреплена ни одним современным орфоэпическим словарем (см. Словарь ударений русского языка, 2014 г.).

Аналогичным примером могут служить и такие слова, как *мозаичный* и *иконопись*, на нормативное произношение которых влияет произношение производящего слова *мозаика* и *икона*, что влечёт за собой появление ошибочных форм *мозаичный* и *иконпись*.

Ещё одним примером влияния закона аналогии могут служить сложные слова со второй частью -*провод*: *нефтепровод*, *мусорпровод*, *газопровод*, *путепровод* и др. Ошибка возникает вследствие неправильной аналогии с словом *провод*, что порождает возникновение форм: *нефтепрОвод*, *мусорпрОвод*, *газопрОвод*, *путепрОвод*. На самом деле вторая часть этих сложных слов восходит к глаголу *проводить*, а слово *провод* с ударением на первом слоге нормативно только в сложном слове *электропровод*.

Под действием закона аналогии возникает и ошибочное произношение глаголов в прошедшем времени женского рода, таких как *клАла*, *крАла*, *стлАла*, *слАла* и их приставочных образований (*укрАла*, *послАла*, *устлАла* и др.). По правилу постановки ударения в глаголах женского рода в прошедшем времени, ударение обычно падает на последний слог, например: *бралА*, *ждалА*, *зналА*, *звалА*, *плылА*, *вралА* и др., что влечёт за собой появление неправильных форм *клалА*, *послалА*, *кралА* и т.д. Таким образом, большая группа слов с определённым типом ударения влияет на меньшую, аналогичную по строению.

В некоторых случаях неправильная постановка ударения в слове связана с незнанием того, как это слово звучит в языке-оригинале. Например, слова *жалюзИ*, *апострОф* с ударением на последнем слоге пришли в русский язык из французского, в котором ударение в словах всегда падает на последний слог, и в русском языке сохраняется данное произношение. Хотя, безусловно, есть ряд слов иноязычного происхождения, произношение которых подвергается изменениям. Они как бы «приспосабливаются» к фонетической системе русского языка. Например, нормативным является произношение слов *маркетинг* и *маркЕтинг*, *пиццаЕрия* и *пиццаЕрия*.

Причиной появления акцентологических ошибок может быть и неразличение таких слов, как омографы. Например, *бронирОванный*

танк, но бронированный билет, Ирис — это цветок, а ирис — конфета, язык Овая колбаса, но языковая школа и т.д.

Таким образом, для того чтобы подготовить высококвалифицированных устных переводчиков нужно, прежде всего, понять, что составляет для них особую трудность в орфоэпии и, опираясь на этот анализ, предлагать учащимся определённую систему заданий, направленную на выработку акцентологического навыка. Поэтому, приступая к работе по составлению учебной программы «Русский язык и культура речи», мы решили, прежде всего, рассмотреть типичные орфоэпические ошибки, проанализировать причины их возникновения в речи будущих переводчиков, и попытаться найти пути их преодоления.

На наш взгляд, при систематической работе над выработкой правильной постановки ударения с использованием различных методик можно добиться более осознанного результата в умении будущих переводчиков соблюдать орфоэпические нормы в области ударения.

В устной речи студентов, которые поступают на первый курс, встречается достаточно много акцентологических ошибок.

Произношение каких же слов вызывает наибольшие трудности у студентов — бывших школьников, избравших своей будущей специальностью перевод? Какие акцентологические проблемы сохраняются достаточно длительное время в речи студентов?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, было проведено тестирование студентов 1–3 курсов, в учебную программу которых входит такая дисциплина, как «Русский язык и культура речи» (“Russian language and culture of speech”). Студентам были предложены слова и словоформы, в которых достаточно часто допускаются акцентологические ошибки. Результаты тестирования приводятся в данной ниже таблице.

Исходная форма	Ошибочная форма	Студенты, 18 чел.		
		1 курс	2 курс	3 курс
(Словарь ударений русского языка 2014 г.)				
<i>нет</i> аэропОрта	<i>нет</i> аэропортА	8	0	0
<i>мн.</i> аэропОрты	<i>мн.</i> аэропортЫ	1	1	0
<i>нет</i> аэропОртов	<i>нет</i> аэропортОв	6	6	5
апострОф	апОстроф	1	1	0
симмЕтрия	симметрИя	3	2	1

Исходная форма	Ошибочная форма	Студенты, 18 чел.		
асимметрИя	асиммЕтрия	6	5	2
блАга	благА	6	4	4
жалюзИ	жАлюзи	1	1	0
ведЁрный	вЕдерный	10	8	4
включИт	вкЛЮчит	1	1	1
включИм	вкЛЮчим	5	0	1
занятА	зАнята	1	0	0
звонИшь,	звОнишь	0	0	0
звонИт	звОнит	0	0	1
Искра	искрА	5	6	6
гЕнезис	генЕзис	4	2	1
диспансЕр	диспАнсер	4	0	0
гУсеничный	гусенИчный	2	1	0
договОры	дОговоры	1	0	1
<i>нет</i> договОров	<i>нет</i> договорОв	13	8	7
маркировАть	маркИровать	12	8	7
маркирОванный	маркИрованный	12	12	11
оглушИшь	оглУишь	1	0	0
оглушИт	оглУшит	1	1	0
оглушИм	оглУшим	8	1	0
избаловАть	избаАовать	8	2	0
избалОванный	избАлованный	10	2	0
избалОван	избАлован	13	3	1
избалУю	избАлую	10	3	2
<i>нет</i> казакА	<i>нет</i> казАка	3	0	0
<i>мн.</i> казакИ	<i>мн.</i> казАки	3	2	0

Исходная форма	Ошибочная форма	Студенты, 18 чел.		
казакОв	казАков	5	0	0
красИвее	красивеЕе	7	1	0
каталОг	катаАлог	1	1	0
квартАл	квАртал	7	0	0
мастерскИИ	мАстерски	8	8	6
мусоропровОд	мусоропрОвод	4	2	0
кУхонный	кухОнный	3	1	1
ходАтайствовать	ходатАйствовать	1	0	1
ходАтайство	ходатАйство	4	0	0
четырёхцилИндровый	четырёхцилиндрОвый	8	7	6
шавЕль	шАвель	10	5	4
шавелЯ	шАвеля	13	12	3
с шавелЁм	с шАвелем	13	12	5
Яслей	яслЕй	7	4	4
сосредотОчение	сосредоточЕние	9	1	0
домОвая кухня	домовАя кухня	16	16	0
гофрировАть	гофрИровать	11	8	0
гофрирОванный	гофрИрованный	12	10	1
наделИшь	надЕлишь	1	1	0
наделИт	надЕлит	5	1	0
наделИм	надЕлим	2	0	2
упрОчение	упрочЕние	4	0	2
нАчат	начАт	3	0	1
начатА	нАчата	4	0	1
новорождЁнный	новорОжденный	4	2	4
озлОбленный	озлоблЁнный	0	1	2

Исходная форма	Ошибочная форма	Студенты, 18 чел.		
озлОблен	озлоблЁн	7	5	7
освЕдомить	осведомИть	3	1	3
освЕдомлю	осведомЛЮ	6	1	4
<i>нет</i> порта	<i>нет</i> порта	1	2	1
<i>нет</i> портОв	<i>нет</i> пОртов	4	3	0
танцОвщица	танцовщИца	1	4	1
танцОвщик	танцовщИк	10	2	1
укрАинский	укрАинский	5	1	1
тОрты	тортЫ	0	1	0
тОртов	тортОв	4	2	0
свЁкла	свекЛА	1	0	0
<i>нет</i> свЁклы	<i>нет</i> свекЛЫ	4	3	3
увЕдомить	уведомИть	4	2	3
увЕдомлю	уведомЛЮ	1	0	0
увЕдомишь	уведомИшь	3	3	0
сОздан	создАн	1	3	0
созданА	сОздана	1	4	0
сОздал	создАл	7	2	0
создалА	создАла	1	0	0
слиВовый (сок)	сливОвый (<i>сок</i>)	17	13	11
вы не прАвы	вы не правЫ	1	3	0
валОм валИт	вАлом вАлит	16	0	0
насорИшь	насорИшь	7	5	3
насорИт	насорИт	18	17	3
насорИм	насорИм	2	1	1

Проанализировав результаты, мы пришли к следующим выводам. В целом можно наблюдать положительную динамику. В большинстве случаев количество акцентологических ошибок сокращается. Например, в таких словах и словоформах, как *аэропорта*, *асимметрия*, *включим*, *генезис*, *диспансер*, *оглушим*, *избаловать*, *избалованный*, *избалован*, *избалую*, *красивее*, *квартал* и др. количество ошибок значительно уменьшилось. На наш взгляд, это происходит оттого, что на занятиях по культуре речи не только объясняются правила правильной постановки ударения и приводятся исключения, но и используется такой метод, как тренинг. Каждое занятие начинается с акцентологической разминки, в которую включены слова, представляющие наибольшую сложность для студентов. Именно многократное повторение данных слов помогает учащимся не просто запомнить, как правильно произносится слово, но и сделать его «своим».

Однако есть ряд слов и словоформ, в которых на протяжении длительного времени сохраняются акцентологические ошибки. Например, большую сложность для студентов составляют такие слова, как *аэропортов*, *блага*, *искра*, *договоров*, *маркировать*, *маркированный*, *яслей*, *свёкла*, *танцовщик*, *портов*, *насоришь*, *насорит*, *сливовый*. Это связано, на наш взгляд, с процессами, происходящими в современном русском языке, о которых было сказано выше. Это и ложные аналогии, влияние профессионального произношения, влияние средств массовой информации и т.д. Все эти процессы не позволяют студенту в короткие сроки избавиться от акцентологических ошибок, так как правильный вариант произношения им изначально чужд и вызывает удивление. Ситуация осложняется тем, что правильный вариант произношения они слышат в основном в аудитории, а в повседневном общении чаще сталкиваются с ошибочными вариантами произношения. Поэтому можно предположить, что с течением времени некоторые формы из неправильных перейдут в разряд допустимых и впоследствии будут считаться нормой.

Список литературы

- Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. М., 1984.
Avanesov, R.I. Russkoje literaturnoje proiznoshenije [Russian literary pronunciation], Moscow, 1984 (in Russian).
Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб.: Союз, 2001.
Alekseeva, I.S. Professionalnij trenning perevodchika [A professional translator training], St.-Petersburg: Soyuz 2001 (in Russian).
Гарбовский Н.К. Вступительная статья к учебному пособию «Русский язык и культура речи. Нормы современного русского литературного языка»

- (Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Литвинова Г.М.). М.: МАКС Пресс, 2015.
- Garbovsky, N.K.* Vstupitel'naja stat'ya k uchebnomu posobiyu "Russkij jazik I kul'tura rechi. Normi sovremennogo russkogo literaturnogo jazika" (Esakova M.N., Koltsova J.N., Litvinova G.M.) [The preface to the textbook "Russian language and culture of speech. The norms of the modern Russian literary language"], Moscow: MAKS Press, 2015 (in Russian).
- Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1989.
- Gorbachevich, K.S.* Normi sovremennogo russkogo literaturnogo jazika: posobie dlya uchitelej [The norms of the modern Russian literary language: a manual for teachers], Moscow: Prosvechenie, 1989 (in Russian).
- Карнеги Д.* Как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей. М., 1989.
- Carnegie, D.* How to win friends and influence people [How to Win Friends and Influence People], Moscow, 1989 (in Russian).
- Кряжева А.Л.* Стилистика русского языка и культура речи. Курс лекций. М., 2014.
- Kryazheva, A.L.* Stilistika russkogo yazyka i kul'tura rechi. Kurs leksiy [Stylistics of the Russian language and the culture of speech. Lecture course], Moscow, 2014 (in Russian).
- Никонова Н.В.* Проблемы современной акцентологии (на материале исследования акцентологических норм современной молодёжи) // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011.
- Nikonova, N.V.* Problemy sovremennoy aktsentologii (na materiale issledovaniya aktsentologicheskikh norm sovremennoy molodozhi) [Problems of modern accentuation (based on research of accentual standards of modern youth), (Chelyabinsk, June 2011). Chelyabinsk: Dva komsomol'sa, 2011 (in Russian).
- Ушаков Д.Н.* Русская орфоэпия и её задачи // Русская речь. Л., 1928.
- Ushakov, D.N.* Russkaya orfoepiya i yeyo zadachi, Russkaya rech' [Russian Orpheopia and Its Problems, Russian Speech], Leningrad, 1928 (in Russian).

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Рамунчо Гардер,

Эксперт по военной терминологии Министерства обороны Франции;
e-mail: rgarderes@wanadoo.fr

Владимир Микулинский,

Эксперт по военной терминологии, переводчик-международник,
Франция; *e-mail:* vladimir.mikoulinisky@gmail.com

ДВУАЗЫЧНЫЙ ВОЕННЫЙ СЛОВАРЬ: РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ / ФРАНЦУЗСКО-РУССКИЙ¹

Мы рады представить один из примеров тесного «терминологического» сотрудничества между Францией и Российской Федерацией. Это сотрудничество началось около 13 лет тому назад по инициативе директора Высшей школы перевода МГУ и Военной миссии Посольства Франции в России. Его целью было создание двуязычного военного словаря: русско-французского и французско-русского.

Ключевые слова: военная терминология, двуязычные словари, межъязыковая асимметрия.

Ramuntxo Gardères,

Expert in Military Terminology at the French Ministry of Defense, France;
e-mail: rgarderes@wanadoo.fr

Vladimir Mikoulinisky,

Expert in Military Terminology, Translator and Interpreter, France;
e-mail: vladimir.mikoulinisky@gmail.com

BILINGUAL MILITARY DICTIONARY: RUSSIAN TO FRENCH / FRENCH TO RUSSIAN

We are honored to present hereby an example of successful collaboration between France and the Russian Federation in the field of terminology. This joint collaborative effort started off some 13 years ago at the instance of the Director of the Higher School of Translation and Interpretation and the Military Mission of the French Embassy in Moscow. The project's aim was to produce a Russian-French / French-Russian bilingual military dictionary.

Key words: military terminology, bilingual dictionary, interlingual asymmetry.

C'est en 2003, dès qu'un accord diplomatique et militaire put être établi entre nos deux pays, qu'un protocole de coopération définissant le mandat de travail et les modalités pratiques fut établi et qu'un groupe

¹ Редакция публикует полный текст выступления в редакции авторов и на языке оригинала.

de travail conjoint fut constitué. Ce groupe se devait de réunir des experts tant militaires que linguistes français et russes. Bénéficiant d'un soutien appuyé des autorités militaires et diplomatiques française, la France mettait en place au profit du groupe deux officiers supérieurs, respectivement experts dans leurs domaines de spécialité, opérationnels et linguistes. Placé sous la direction du Professeur Garbowsky, et après avoir établi une cadre de travail et défini les modalités pratiques, le groupe trouva très rapidement et avec enthousiasme sa vitesse de croisière, à raison de 6 séances de travail d'une semaine par an, réunions se tenant alternativement à Moscou et Paris. Au regard de l'immensité de la tâche, il fut aussi décidé que, en inter-séance, de nombreux échanges par courriel électronique devraient permettre, au-delà des distances, de faire avancer de façon méthodique et significative l'élaboration du dictionnaire par les membres du groupe.

A partir d'un très important travail initial de recherche terminologique tant dans les domaines opérationnels, tactiques que techniques et la réalisation d'une volumineuse base de données patiemment et méticuleusement réalisée par votre Directeur, ce dictionnaire bilingue présente et définit les termes et expressions clés dans tout ou partie des domaines suivants: Défense, structures interarmées militaires nationales françaises et russes, science militaire, sciences et techniques militaires, stratégie militaire, art tactique, opératif et stratégique, tactique, concepts de défense et politique technologiques. Le choix des articles s'est fait en fonction de leur importance et leur fréquence d'emploi.

Il est établi à l'intention des instances et institutions militaires de nos deux pays. Ce dictionnaire constitue un effort sans précédent, réunissant plus de 40 000 termes tant en russe qu'en français et couvre l'ensemble de la terminologie actuellement en usage dans les forces armées russes et françaises. La première phase de cette action coopération fut l'édition en 2008 du tome 1 russe-français de ce dictionnaire. La deuxième phase de travail porte sur la réalisation du tome 2 français-russe, à ce jour en cours de rédaction, qui présentera un nombre globalement équivalent d'entrées.

Ce dictionnaire militaire bilingue répond à un très réel besoin constaté lors des nombreux échanges entre nos deux pays et devrait rapidement se révéler comme indispensable à l'occasion d'actions de coopérations militaires, de manœuvres ou d'opérations conjointes de nos deux pays. Il devrait également faciliter la mutuelle compréhension à l'occasion de conférences, séminaires, groupe de travail et autres cadres de rencontres et de débats entre la France et la Fédération de Russie. Bien sûr, ce dictionnaire ne prétend pas englober la totalité des termes actuellement en usage au sein de la Fédération de Russie et de la France dans les différents domaines retenus. Cependant, notre groupe de travail

n'en espère pas moins qu'il contribuera à faciliter les échanges entre nos deux pays et leurs forces armées respectives.

La première étape de cette action de coopération s'est concrétisée par la parution en 2008 du tome 1 de ce dictionnaire, tome regroupant plus de 40 000 termes ou expressions. Ce tome présente en langue source les articles russes et la traduction en langue française de l'ensemble du corpus. Tiré et diffusé à plus de 5 000 exemplaires, ce premier volume, nous devons bien modestement le reconnaître, a reçu un accueil extrêmement favorable des autorités militaires tant russes que françaises et peut être maintenant considéré comme «ouvrage de référence linguistique» au sein de nos institutions militaires respectives.

Bon, mais alors ce dictionnaire bilingue militaire, cette «œuvre commune», qu'est-ce que c'est effectivement?

Tout d'abord, et sans vouloir faire injure aux très nombreux «experts» rassemblés aujourd'hui, je me contenterai de rappeler que le mot dictionnaire, d'abord écrit avec un seul n, est dérivé du latin *dictio* signifiant «action de dire, propos, mode d'expression». A titre anecdotique, il me semble aussi intéressant de savoir que, sauf erreur de ma part, sa première utilisation remonte au XIIIème siècle à Jean de Garlande, professeur de grammaire et de musique dont le «*Dictionarius cum commento*» écrit vers 1250, est le plus ancien document qui fournisse une liste un peu détaillée et chronologique des métiers exercés à Paris. Dans cet ouvrage, dans ce premier dictionnaire, plusieurs pages y désignent, à l'usage de ses élèves parisiens, les activités auxquelles on se livrait autour d'eux pour leur apprendre à traduire en latin le nom des objets les plus usuels...

Pour simplifier et revenir à une définition généralement reconnue du dictionnaire, retenons que celui-ci est un ouvrage de référence contenant l'ensemble des mots d'une langue ou d'un domaine d'activité généralement présentés par ordre alphabétique et fournissant pour chacun une définition, une explication ou une correspondance (synonyme, antonyme, cooccurrence, traduction, étymologie).

Dans le cas particulier qui nous intéresse, je rappellerai seulement, et de façon très générique, qu'un dictionnaire bilingue ou dictionnaire de traduction est un dictionnaire indiquant les équivalences des mots et/ou expressions entre deux langues différentes.

Notre premier travail fut, dans la base de données terminologique réalisée par le «Père fondateur» de notre groupe de travail, de déterminer les catégories de mots, de termes ou d'expressions à retenir, en fonction du public visé qui était celui de la Défense au sens très large et tout particulièrement celui du monde militaire. Il nous a fallu d'abord délimiter le périmètre des domaines généraux et particuliers à aborder, puis décider dans le choix des entrées ainsi définies de la place à faire aux néolo-

gismes, aux termes rares ou archaïques, au vocabulaire opérationnel, scientifique et technique, aux mots d'un emploi trop technique, au vocabulaire d'origine étrangère, et parfois même aux expressions grossières, voire au vocabulaire... argotique de nos armées, et il ne fut pas rare que l'exercice soit amusant et sources de nombreux fou-rires !

Assez rapidement, fut arrêté un corpus de quelques 40 000 entrées, incluant termes et expressions des domaines précédemment présentés. Dans l'idéal, une entrée, ou article, comprend normalement un certain nombre d'informations : (a) la lexie, ou plus petite unité porteuse de signification, ses dérivés affixaux et ses composés (arme, armement, arme légère d'infanterie) ; (b) les morphèmes grammaticaux, c'est-à-dire les mots vides qui indiquent les rapports entre les mots pleins, porteurs de signification ou sémantèmes ; (c) la prononciation ; (d) les marques d'usage ; et enfin, souvent quelques exemples. A partir de ces éléments, il semblait nécessaire que soient définis un certain nombre d'informations ou de renseignements linguistiques. Ceux-ci sont de trois ordres :

Sémantiques : définitions ;

Formels: catégorie (verbe, adverbe, substantif, adjectif, etc.), possibilités combinatoires ;

Historiques si nécessaires à la compréhension : étymologie.

A l'issue de cette sélection de termes ou expressions et à la création de ce corpus, sélection qui fut la «grande œuvre» des experts militaires du groupe, spécialiste des différents domaines de la Défense, il nous fallut très vite entrer dans le «vif du sujet», c'est-à-dire passer à la phase de traduction et, dans notre cas, plus particulièrement à cette phase de «traduction technique»... Traduction technique, car en effet — et cela est sans doute pour vous d'une évidence fondamentale — on distingue deux types de traduction : la traduction technique et la traduction littéraire.

Mais avant d'aborder ce problème très spécifique de «traduction technique», je voudrais en quelques mots, — et cela tout en ayant parfaitement conscience d'avoir ici devant nous un auditoire parfaitement au fait du sujet — vous rappeler avec un regard de Candide sur cet «Art» ce qu'est effectivement, et cela de façon très générique, la traduction... «L'art de la traduction».

La traduction (dans son acception principale de traduction interlinguale généralement admise) est le fait de faire passer un texte rédigé dans une langue («langue source», ou «langue de départ») dans une autre langue («langue cible», ou «langue d'arrivée»). Elle met en relation au moins deux langues et deux cultures, et parfois deux époques.

Une traduction (translation en ancien français) représente toujours un texte original (ou «texte source», ou «texte de départ») ; en cela, elle comporte un certain degré d'équivalence, bien que le concept d'équiva-

lence stricte entre les langues soit désormais dépassé en traductologie. Le concept de traduction repose depuis longtemps sur des dichotomies telles que «fidélité» versus «liberté», «fidélité à la lettre versus «fidélité à l'esprit», «traduction sourcière» versus «traduction cibliste», etc.

La traduction tient compte d'un certain nombre de paramètres (contexte, grammaire, etc.), afin de se rendre compréhensible pour des personnes n'ayant pas de connaissance de la langue source, ce qui est (hélas !) mon cas pour la langue russe, et n'ayant pas la même culture ou le même bagage de connaissances.

En effet, traduire implique une parfaite maîtrise de la langue source mais aussi de la langue cible (ou destinataire), qui est généralement la langue maternelle. Le bon traducteur possède plus que des compétences linguistiques car, pour traduire les textes scientifiques et techniques, il se doit de posséder de solides connaissances techniques et maîtriser le jargon, et Dieu sait que le domaine militaire — qu'il soit français ou russe, regorge de mots, termes ou expressions bien spécifiques — dans les deux langues. Fort heureusement, nous avons, et avons toujours la chance de pouvoir bénéficier, au sein de notre groupe de travail, de la redoutable et impressionnante expertise tant linguistique que technique en la personne du Professeur Garbowski. Du côté français, le groupe pouvait profiter du parfait «bilinguisme» de mon camarade le Colonel Vladimir Mikoulinisky, militaire d'expérience et surtout linguiste français reconnu au sein de l'institution militaire française.

Enfin, pour terminer cette première partie, je voudrai rappeler ce qui fut pour nous notre «ligne de conduite» durant ces travaux de traduction: l'application rigoureuse des phases successives du processus de traduction:

Compréhension : assimilation du sens véhiculé par un terme ou d'une expression ;

Déverbalisation : oubli des mots et conservation du sens ;

Réexpression : reformulation du vouloir dire en langue cible; retour aux mots.

Ce court rappel étant fait, je voudrais aborder maintenant ce qui fut depuis maintenant presque 13 années, et est toujours, notre travail de traduction technique de l'ensemble des mots, termes ou expressions retenu pour figurer dans notre dictionnaire.

Je viens de parler de «traduction technique», il me semble — peut-être à tort au regard de vos études en cours — utile de rappeler ce qu'est la «traduction technique». Cette traduction technique, aussi appelée traduction spécialisée est un domaine de la traduction concernant les travaux menés sur des textes propres à un art, une science, une activité, un savoir-faire ou encore même un fonctionnement. La traduction technique nécessite, et impose même, des connaissances linguistiques

et traductologiques, mais aussi et surtout une bonne connaissance du domaine technique concerné.

Durant ces déjà longues années passées à la réalisation et au montage de notre dictionnaire, trois membres sur quatre de notre «équipe» de travail furent des «traducteurs techniques» souvent confrontés à de multiples difficultés de traduction, mais aussi parfois de compréhension du sens des mots, des termes ou des expressions...

Mais d'abord, qu'est-ce qu'un «traducteur technique»? Selon la définition donnée par le président de la Société française des traducteurs, le traducteur technique est un spécialiste de la profession dont la tâche est «d'assimiler un texte technique ou scientifique écrit dans une langue étrangère... et de la réécrire de façon à ce que le spécialiste auquel il est destiné ait l'impression qu'il a été écrit dans son propre pays».

Pour accomplir cette tâche avec succès, chaque membre du groupe de travail se devait d'avoir une double formation : l'une générale, l'autre spécialisée. Comme pour tout traducteur, il était nécessaire — et ce fut le cas pour 3 d'entre nous — de posséder une connaissance approfondie de la langue de départ et de la langue d'arrivée — connaissance des mots (lexique) et de la structure de l'expression et/ou de la phrase — agencement.

La seconde condition requise était la connaissance de la terminologie particulière et spécifique du domaine très général de la Défense, et ici dans notre cas plus spécifiquement, le domaine militaire sous toutes ses formes: conceptuel, stratégique, tactique et technique. En effet, ce monde militaire possède son vocabulaire, voire même son jargon, qui permet aux spécialistes et experts de ce vaste domaine qu'est la «chose militaire» de mieux saisir la réalité, souvent très concrète, de ce «monde» si spécifique.

Ce qui distingue la traduction «technique» des autres formes de traduction, et en constitue la grande difficulté, c'est le problème de compréhension du sens, du concept, de la valeur sémantique du terme ou de l'expression étudiée. Bien sûr, il est évident que l'on peut traduire un mot, ou une expression même si on ne les comprend pas... Or dans le cadre de ce type de traduction le cas peut se présenter fréquemment, soit qu'il s'agisse d'un domaine ou d'une terminologie qui nous sont peu ou mal connus parce que trop spécialisé, et je pense là tout particulièrement aux vaste champ de l'armement, soit que l'on ait affaire à une technique ou à un concept nouveau dont le vocabulaire n'est pas encore réellement fixé et encore moins enregistré dans les glossaires et lexiques existants. Comme par ailleurs la traduction technique du domaine militaire exige une grande précision et une grande exactitude, il ne peut être question d'éviter les difficultés ou de s'en tirer «élégam-

ment» par un tour de passe-passe comme parfois cela est possible dans d'autres domaines plus généraux.

En effet, il importait et imposait à chacun de très régulièrement se tenir informé et documenté, ne serait-ce que pour être au courant de ce qui se passe dans le monde militaire en général et dans ceux de nos deux pays respectifs, voire même au sein des grandes organisations militaires internationales et ainsi mieux comprendre et donc mieux rendre les termes, et expressions qui sont le reflet des évolutions doctrinales nationales et internationales et ainsi, enrichir, actualiser et renouveler — si besoin était — son vocabulaire.

Pour notre équipe, rédacteurs et traducteurs «technique», la consultation de la documentation — qu'elle soit tactique ou technique — la plus récente était une nécessité absolue sans laquelle il nous était impossible d'actualiser, de corriger, de rédiger, et encore moins de traduire, les expressions et termes nouveaux extraits des concepts les plus récents des pays ou organisations concernés par ce dictionnaire militaire.

Alors bien sûr, la première source à laquelle on pense est bien entendu la documentation écrite existante, c'est-à-dire dans l'ordre : les dictionnaires militaires, les glossaires technique et tactiques, les lexiques de domaines, les règlements et enfin les publications du monde de la défense en général et celles du monde militaire plus particulièrement.

Lorsqu'un terme ou une expression n'est pas clair ou très spécifique à un domaine donné, ou lorsqu'on a épuisé toutes les sources de documentation, il faut avoir recours à «l'expert» ou au «spécialiste». C'est dans cette partie des travaux que, non linguiste en langue russe, ma modeste participation fut mise à contribution: Responsable national au sein du ministère de la Défense français d'un groupe d'experts en terminologie et néologie militaire, j'ai en charge la coordination et la normalisation de l'ensemble de cette terminologie militaire ainsi que la responsabilité de mise à jour et d'actualisation des glossaires et lexiques existants au sein des armées françaises. Dans le cadre des travaux menés par notre groupe de travail, les différents états-majors d'armée furent souvent mis à contribution pour nous aider à comprendre, à expliquer et aussi — principalement dans la rédaction du tome 2 RUS/FRA — à enrichir le corpus de ce dictionnaire.

Dans ce type de «traduction technique», la plus étroite collaboration entre traducteur et expert est indispensable. Il y a deux genres d'experts, qui remplissent tous deux un rôle différent: tout d'abord, l'expert de la langue de départ, qui est souvent l'auteur du texte, ce qui fut le cas dans le cadre de la réalisation du tome 1 de notre dictionnaire. Il est le mieux qualifié pour expliciter sa pensée ou expliquer l'origine, le sens, le cadre d'emploi d'un terme ou d'une expression et le traducteur ne doit pas hésiter à le consulter. «Son rôle premier n'est pas de traduire

mais d'expliquer»... En second lieu, il y l'expert de la langue d'arrivée qui, lui, peut fournir une traduction ou une explication, selon qu'il est bilingue ou non. Nous avons la chance d'avoir, comme je crois vous l'avoir déjà dit précédemment, au sein du groupe de travail, ces deux types d'expertise cumulées en les personnes de Professeur Garbowski et du Colonel Mikoulsky. A l'éclairage de ces quelques années longues et passionnantes passées en très étroite collaboration au sein de notre «équipe», et comme cela fut parfois le cas — et je dirai cela avec une pointe d'humour — il faut toutefois prendre garde à ne pas accepter «aveuglement» les solutions proposées par «l'expert», et ceci parce que l'expert n'est pas forcément un linguiste, ce qui est et sera toujours dans le cadre de ces travaux mon cas, et il ne faut pas lui demander plus qu'il ne peut donner !

Cette réserve faite, l'expérience de ces presque 13 années passées à travailler et à réfléchir ensemble, m'a appris qu'il était utile, sinon indispensable, d'avoir des liens et relations au sein du maximum d'organismes de la défense à qui l'on puisse faire appel. Très souvent, grâce à eux, et par un simple coup de téléphone, nous avons pu nous épargner fréquemment des heures de recherches, parfois vaines !

Je voudrais maintenant, faire état et vous présenter les nombreuses difficultés qui furent rencontrées lors de travaux de traduction. En tant que non linguiste et parfaitement ignorant de cette si belle langue russe, et à plus fort titre de la langue militaire des forces armées russes — j'avais imaginé avec optimisme, Oh ! Candide, qu'il nous suffirait pour les travaux au profit du tome 2 de notre dictionnaire — et cela après avoir enrichi l'ensemble du corpus initial russe du tome 1 de mots, termes ou expressions spécifiques au domaine français de la défense et de l'art militaire — d'inverser les sens de traduction en faisant de la langue d'arrivée la langue de départ pour ainsi avoir une exacte correspondance dans la traduction des entrées...

Mesdames, Mesdemoiselles, Messieurs,

Je suis particulièrement honoré de pouvoir m'adresser à vous, ici, au sein même de l'Université d'Etat de Moscou. Je mesure à sa juste valeur l'auditoire ici présent. Aussi, alors que le Doyen de l'ESTI nous a demandé, à mon collègue et à moi-même de vous dire quelques mots à propos de notre projet, nous avons bien entendu accepté cette mission avec beaucoup d'enthousiasme. Cet enthousiasme, cette joie, est dû au fait que nous avons là l'opportunité de partager avec vous un peu de cette œuvre commune. Œuvre commune, fruit de nos expériences, de nos recherches, mais aussi de nos craintes, de nos approximations et de nos angoisses. Ce projet, qui a déjà vu en partie le jour, se poursuit encore pour, j'espère quelques mois seulement. Juste le temps qu'il faut pour mettre sous presse le tome 2 du dictionnaire bilingue de termes militaires.

Tout cela a été possible, comme vient de vous le dire mon collègue et ami Ramuntxo, grâce à une personne. Une personne qui a su ériger son activité professionnelle au niveau d'un art. Une personne qui a su aller vers d'autres pour réaliser quelque chose au profit de l'ensemble de la collectivité... En effet, ayant su passer de l'Art Opératif à l'Art de la Transmission du Savoir aux jeunes générations, Notre, je dis bien «Notre» car nous aussi, le binôme Français, avons avec vous la même personne en commun, ainsi donc, Notre Doyen, Notre Professeur, je parle bien entendu du professeur Nikolaï Konstantinovitch Garbovsky, est celui qui est à l'origine de cette belle démarche intellectuelle. Il est l'initiateur. L'homme qui a mis le feu aux poudres! Imaginez-vous le chemin parcouru toutes ces années. Avant la fin de la Guerre froide, dans les années 80, nous nous faisons face... Sans doute nous observions nous dans les jumelles... Chacun de part et d'autre de la frontière. De ce que l'on appelait «le Mur». Alors, je veux le dire à haute et intelligible voix, mieux vaut écrire ensemble un dictionnaire de termes militaires plutôt que d'avoir à utiliser celui-ci, chacun de son côté, pour tenter de percer les secrets stratégiques de son ennemi du moment.

Je voudrais également profiter de cette occasion pour rappeler l'aide précieuse du professeur Kostikova, Olga Igorievna Kostikova. Combien de fois, grâce au professeur Kostikova, l'équipe a été remise sur le droit chemin du travail !!! En effet, certains, en particulier la composante française, avait tendance à s'égarer dans des réflexions éloignées du corpus lexical souhaité. Madame Kostikova nous rappelait, très aimablement, qu'il fallait reprendre le cours des raisonnements intellectuels approfondis et abandonner les velléités primesautières. Son apport dans la rédaction du dictionnaire est capital.

Mais, venons-en au fait. «*Rompons l'os et suçons la substantifique moelle*» comme disait Rabelais qui, permettez-moi de le rappeler, a été moine, mais aussi traducteur et écrivain...

Quand on me demande d'aborder devant vous les difficultés de la traduction, je ne peux que penser à une chose: voilà qui est bien facile à traiter! Finalement, un dictionnaire de 40 à 60 000 termes, cela ne représente que 40 à 60 000 difficultés de traduction. Alors, passons en revue ensemble ces 60 000 difficultés... Je traiterai donc aujourd'hui, devant vous, des premières 20 000 difficultés et cette nuit nous finirons avec les 40 000 restantes... Des sandwiches et des boissons seront distribués pour vous empêcher de tomber en syncope durant cet exposé.

Non, rassurez-vous, c'est une boutade... Je ne serai ni exhaustif, ni trop long. Inutile de téléphoner pour prévenir vos familles que vous ne pourrez rentrer à la maison ce soir !

Les difficultés de la traduction vous sont bien connues. La langue, l'expression vocale de nos pensées est dite avec des mots. Ces mots

sont définis, ils ont un sens. Or, le sens évolue car la langue est une chose vivante. Et, c'est bien là que se trouve la difficulté pour traduire la plupart des mots.

Imaginez un peu, la langue correspond à la culture, aux sentiments, aux sensibilités intrinsèques de chaque pays, de chaque population nationale, de chaque groupe ethnique, voire même de groupes de personnes géographiquement localisés, on parle alors de patois plus que de langue.

Ainsi, la langue française se caractérise par une richesse de nuances exprimant les goûts et les saveurs... Comment traduire la «**robe**» d'un vin et surtout toutes les connotations qui l'accompagnent? Comment traduire «**tavernier**»², «**cabaretier**»³ ou «**marchand de vin**»⁴? Leurs métiers sont si proches, car ils commercialisent tous les trois du vin... mais seules les quantités et les conditions de consommation de ce vin différencient ces artisans! Et, tout ceci a été fixé par décret royal en 1587, par Sa Majesté le Roi Henri III. Au passage, je tiens à remercier le Professeur Kostikova pour toute son aide. Elle nous a permis de nuancer nos propos et cela grâce à son excellente connaissance de la France et de sa capacité à mettre en perspective les spécificités de nos deux peuples.

Toujours à propos de cuisine... comment traduire la fameuse «**салат Оливье**» ? Eh bien c'est très simple: en français, nous dirons «**salade russe**» ! Amusant retour en France d'une recette française importée en Russie.

Comment différencier le registre linguistique du mot «*kahwa*» ? Est-ce de l'argot ou du vieux français ou un emprunt étranger? Bien entendu c'est un emprunt étranger... Mais aujourd'hui, *kahwa* est un mot familier, argotique... Or, c'est en 1672, qu'il est introduit en France, par un Arménien, à Marseille. Car, c'est dans cette ville que, pour la première fois, il sert cette boisson, en ouvrant le premier «*Café français*». Il introduit le café dans la cuisine française et introduit *le Kahwa* dans la langue française grâce au nom de son établissement, la «Maison Caova». *Kahwa* n'est rien d'autre qu'un emprunt turc ramené par cet Arménien d'Istanbul. A l'époque, pour beaucoup tout allait à peu près bien avec les Turcs. En revanche, le **Café**, en tant qu'institution, le typique «café parisien», n'a rien de vraiment français. Il nous vient d'un Sicilien. Un certain **Francesco Procopio dei Coltelli** qui fonde, en 1686, le fameux Café Procope. La boisson devient le nom d'un endroit où l'on aime se retrouver et lire les nouvelles. En 2016, 330 ans plus tard, ce café est toujours ouvert et je vous conseille vivement de le visiter si vous en avez l'occasion.

² – Le tavernier vend du vin à emporter, les quantités sont peu importantes.

³ Le cabaretier vend du vin au détail et à consommer sur place.

⁴ Le marchand de vin commercialise du vin en quantité importante et non consommable sur place (bouteilles, fût, tonneau).

Maintenant que cet excellent café nous a ragailardis, rappelons-nous que le Français a une réputation frivole. Son lexique courtois et ses expressions grivoises sont rarement traduites avec toute l'exactitude que l'on voudrait... Nous touchons là à la mentalité d'un peuple. Cette mentalité s'exprime aux travers de la richesse de certains champs lexicaux. Vous comprendrez bien que pour des raisons de temps limité, je ne pourrai aborder plus avant ce sujet aujourd'hui. En revanche, je reste disponible pour des cours particuliers, réservés de préférences aux dames...

Après une très brève approche de la langue française, qu'en est-il de la langue russe ? Qu'en est-il de la précision de ses termes ? De sa capacité à conceptualiser le ressenti ? Comment traduire le mot «**уют**» ? En anglais nous aurons «*cosy*» et les Allemands nous dirons «*gemütlichkeit*». Mais en français ? Le mot «**confort**» ne suffit pas... il nous faudra rajouter des adjectifs pour le qualifier. Nous devons même recourir à la périphrase pour dire à quel point le confort chaleureux de la demeure familiale nous procure un sentiment de sécurité, de douceur et de tendresse... En russe... un seul mot, un mot puissant : «**уют**» !

Ah, la périphrase... cette succession de mots pour exprimer et décrire ce que l'on ne peut formuler d'un seul mot... Un auteur français du début du XXème siècle décrivait, en 1324 mots ou 7686 caractères, un petit gâteau jofflu dont les effluves et les arômes à la sortie du four lui rappelaient la douceur de son enfance. La fameuse «**madeleine**» de Marcel Proust a fait la joie de ses lecteurs, tant ces descriptions et toutes ces connotations étaient riches de sens. Mais, et je le dis avec un sourire malicieux, cette «madeleine» a également fait le malheur des étudiants en Lettres Classiques chargés, bien des années plus tard, de l'étude de son ouvrage en 7 tomes «A la recherche du temps perdu»⁵. Malgré toutes les recherches sémantiques et linguistiques, ce mot reste intraduisible et ne peut qu'être transcrit. Les noms propres ne sont pas traduisibles.

Un autre auteur, un auteur russe, Fiodor Mikhaïlovitch Dostoïevsky a su, dans ses œuvres métaphysiques, décrire les affres de l'être humain saisi par la force irrationnelle de la passion ! Que de mots pour ces maux... Quelles difficultés pour la traduction de cette œuvre magistrale. Ainsi, que ce soit dans «Guerre et Paix» ou «les Frères Karamazov» apparaissent des mots dont le signifiant est limpide mais où le signifié n'est pas toujours facile à traduire. Et nous approchons là des difficultés que nous retrouvons dans l'élaboration du dictionnaire des termes militaires.

⁵ – Dans «Du côté de chez Swann».

Appréciez ce délicat passage de la littérature au champ sémantique militaire...

A propos, «**passage**» voilà un mot simple mais pas obligatoirement facile à traduire. Il signifie à la fois le lieu, l'endroit mais aussi le processus: «*ce passage est difficile d'accès*» et «*le passage d'un côté à l'autre débutera dans 5 minutes*». «Пролод» et «переход»... seul le contexte permet de choisir le bon terme. Isolé du contexte le mot n'est pas traduisible sans un risque important d'erreur.

Comment traduire «родной»? Le mot «parentèle» n'exprime pas, avec la puissance du mot russe, le rapport affectif qui existe entre deux personnes qui, d'ailleurs, ne sont pas obligatoirement parents aux sens de l'état-civil.

Comment différencier en français «отчизна» de «родина»? Le mot français «patrie»⁶ convient bien à «родина» mais également à «отчизна»... un seul mot français pour deux mots russes bien distincts et dont la signification est si importante? Nous touchons là, dans un domaine bien militaire, un terme qui a une grande charge politique. Alors, la «langue de la diplomatie», ainsi que les Russes caractérisaient la langue française au XIXème siècle, a trouvé une pirouette linguistique en parlant de la «Mère Patrie»... Mêlant ainsi, dans ce raccourci, le Père et la Mère, rappelant la véritable origine de chacun d'entre nous... Pourtant, il nous faudra nous référer au droit du sol et au droit du sang pour déterminer ce mot... Deux conceptions qui font en France, aujourd'hui, l'objet de débats tendus chez nos politiciens au moment où l'on envisage, après les attentats de novembre 2015, de modifier la Constitution en vue de graver dans le marbre la déchéance de nationalité pour les terroristes. Les mots ne sont pas innocents.

Vous le voyez bien, que ce soit dans la cuisine ou dans les salons littéraires, que se soit par la politique ou par la chose militaire, force est de constater que, dans le métier d'interprète ou de traducteur, les difficultés ne manquent pas et les pièges sont nombreux. Il en est de même pour écrire un dictionnaire. Même de terminologie militaire.

On pourrait penser que les difficultés de la traduction relèvent de la propension à calquer les mots, à employer des anglicismes, à tomber dans le piège des faux-amis et je ne parle pas là de l'OTAN. Oui, bien entendu ce sont là des difficultés bien connues. Et, vous comprenez bien que pour faire face à tous ces obstacles, la véritable difficulté ne se trouve pas entièrement dans le terme à traduire...

En réalité, la véritable difficulté réside dans la direction d'une équipe parfois dissipée, souvent goguenarde, cherchant comme de jeunes

⁶ Patrie: pays où l'on est né ou bien pays auquel on appartient en tant que citoyen (droit du sol).

étudiants à biaiser... à laisser l'autre travailler... à raconter des bêtises pour faire rire la classe... Alors, et je vais faire là référence à la terminologie militaire, pour réaliser un ouvrage de cette envergure, il faut un chef (terme militaire), qui commande (terme militaire) avec fermeté (terme militaire) et bienveillance (terme rempli d'humanité), qui partage ses connaissances encyclopédiques, un homme qui est le Capitaine du vaisseau lorsqu'on navigue dans les méandres de la sémantique, un homme qui devient le pilote, chef de la patrouille, lorsqu'il faut fondre sur la difficulté en ménageant un effet de surprise, un homme qui reste parachutiste lorsque la situation exige que l'on se pose avec délicatesse sur l'objectif terminologique. Bien entendu, nous l'avons tous compris, il s'agit du professeur Nikolaï Konstantinovitch Garbovsky.

Avant de terminer mon propos, je voudrais avoir un petit mot pour ceux que l'on oublie fréquemment dans ce genre d'intervention. Je pense en particulier aux interprètes qui viennent de travailler et de nous permettre d'être unis malgré l'obstacle de la langue. Je les remercie pour leur aide précieuse. Je pense également à toutes vos équipes pédagogiques qui préparent ces futurs spécialistes de la traduction et de l'interprétariat et, permettez moi ces quelques mots dans la langue de Shakespeare: *the last but not the least*, je voudrais ici exprimer au professeur Nikolaï Garbovsky toute notre sympathie pour cette journée si particulière, lui exprimer notre gratitude de pouvoir travailler avec lui depuis maintenant de nombreuses années et pour de nombreuses années encore.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

«НАУКА О ПЕРЕВОДЕ СЕГОДНЯ». V МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Доминирующим в современной науке процессам интеграции знания была посвящена международная юбилейная конференция, организованная Высшей школой перевода и проходившая 19–20 февраля 2016 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Эта конференция стала пятой в цикле научных форумов, проводимых факультетом с 2007 г. под общим названием «Наука о переводе сегодня». В предыдущие годы направление работы конференции задавалось такими темами как «Перевод и смысл» (2009), «Перевод и развитие словесности» (2013). Тема конференции 2016 г. — «Междисциплинарная интеграция как вектор развития». Участники конференции, среди которых были признанные в России и во всём мире специалисты в области перевода, обсудили такие важные темы, как адекватность перевода и мотивация переводчика, возможности новых технологий, взаимодействие культур и главное — междисциплинарные связи в науке и переводе.

В рамках конференции выступили представители научного сообщества и эксперты в области перевода и переводоведения из пяти стран. Россию представляли преподаватели Московского университета (профессор Н.К. Гарбовский, профессор Н.И. Голубева-Монаткина, доцент О.И. Костикова, профессор Л.А. Манерко, профессор Н.Н. Миронова), профессор Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан) Р.Р. Чайковский, профессор Иркутского государственного лингвистического университета В.Е. Горшкова, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета Н.В. Барышников, профессор Московского государственного областного университета Г.Т. Хухуни. Кроме того, в конференции приняли участие иностранные гости: профессор Женевского университета (Швейцария) Х. Ли-Янке, профессор Лейпцигского университета (Германия) П.А. Шмитт, профессор Майнцского университета имени Иоганна Гутенберга (Германия) М. Форстнер, профессор Университета иностранных языков Ханкук (Республика Корея) Пан Ке Ён, Р. Гардер и В. Микулинский (Франция).

Рабочими языками конференциями стали русский, английский и французский. Выступления гостей сопровождалось синхронным

переводом в исполнении преподавателей и аспирантов Высшей школы перевода. Ведущие учёные и практики поделились с аудиторией знаниями в сфере художественного, технического, военного перевода, коснулись вопросов культурной дипломатии, межкультурной коммуникации, истории перевода, междисциплинарного характера развития современной науки о переводе и др.

Работу конференции открыл ректор Московского университета академик В.А. Садовничий. Обратившись к истории, в своей приветственной речи он подчеркнул, что переводческая традиция в России тесно связана с именем Ломоносова, основателя Московского университета. В 1741 г., по возвращении из Фрайберга, Михаил Васильевич занимался научными и художественными переводами с латыни, древнегреческого, французского, итальянского, английского и немецкого языков. М.В. Ломоносов сформировал основы русской научной терминологии в самых разных областях знания, что свидетельствует о том, что не только наука о переводе, но и сама переводческая деятельность оказывается междисциплинарной по своей сути, способствуя развитию наук.

Выступая с приветственным обращением, Почетный президент Постоянного международного совета университетских институтов устного и письменного перевода (CIUTI) — первой международной организации, объединяющей представителей университетских структур подготовки переводчиков по всему миру — профессор Женевского университета (Швейцария) Х. Ли-Янке обратила внимание на продуктивность междисциплинарной интеграции для развития современного научного знания. «Сегодня это единственный путь, ведущий к прогрессу в нашей области, — уверена профессор Ли-Янке, — только так мы сможем сделать шаг вперёд, который возможно будет способствовать и развитию других наук».

В приветствиях подчеркивалась важная роль МГУ имени М.В. Ломоносова — и в частности Высшей школы перевода — в осуществлении важнейшей социальной функции — подготовке высококлассных переводчиков. Было отмечено, что Высшая школа перевода МГУ, основанная 11 лет назад и принадлежащая к числу самых молодых факультетов университета, уже достигла заметных успехов в учебной и научной деятельности.

Это стало возможно благодаря умелому сочетанию зарубежного и отечественного опыта подготовки переводчиков, формированию собственной дидактической и научной школы под руководством директора Высшей школы перевода заслуженного профессора Московского университета Н.К. Гарбовского, который в этом году празднует свое 70-летие. Н.К. Гарбовский автор более 150 опубликованных работ фундаментального и прикладного характера —

статей, монографий, учебников — в которых представлены результаты многолетних исследований перевода как деятельности, как объекта научного познания и как учебной дисциплины. Его важным вкладом в развитие современной науки о переводе является и подготовка молодых исследователей, развивающих идеи наставника в своих работах.

Своеобразным подарком к юбилею профессора от благодарных учеников и коллег стала представленная на открытии конференции его новая монография — «О переводе» (Гарбовский Н.К. О переводе / Н.К. Гарбовский. М.: Форум, 2016. 752 с. ISBN 978-5-00091-199-0). В книге собраны материалы работ автора, увидевших свет в период с 1978 по 2015 год. Благодаря значительной временной дистанции, публикуемые труды позволяют проследить эволюцию подходов к осмыслению феномена перевода от лингвистических штудий к междисциплинарным разысканиям, знаменующим собой новый этап развития научного знания о переводе, становление которого происходит в наше время.

Гости и участники конференции поздравили директора Высшей школы перевода, профессора Н.К. Гарбовского с 70-летним юбилеем и пожелали факультету процветания и развития.

Конференцию продолжили пленарные доклады специалистов и ученых—исследователей из Германии, России, Франции Швейцарии, Южной Кореи. Круг обсуждаемых вопросов был определён организаторами заранее и предполагал научные дискуссии по следующим темам:

- философия перевода: общая теория и методология перевода;
- дидактика перевода: подготовка устных и письменных переводчиков;
- социология перевода: роль переводчиков в эпоху глобализации (политика, экономика, бизнес);
- культурная антропология и перевод: вопросы взаимодействия культур в переводе;
- исторические разыскания о переводе и переводчиках;
- лингвистические аспекты перевода: сопоставительные исследования языка и дискурса;
- переводческая этика и деонтология перевода;
- новые технологии на службе перевода: границы и возможности;
- проблемы отраслевой терминологии.

Профессор Северо-Восточного государственного университета Роман Романович Чаковский посвятил свой доклад — «Свет и тени переводоведения (субъективные заметки о некоторых проблемах теории и практики перевода)» — отечественной теории перевода,

убедительно показав её сильные и слабые стороны. По мнению Р.Р. Чайковского, накопленный за столетие богатый опыт научного осмысления проблем перевода как в литературно-критической, так и в лингвистической парадигме нуждается на современном этапе в систематизации.

Признавая важной особенностью развития теории перевода в начале XXI в. «творческое сочетание науки о переводе, расширение информационного потенциала переводоведения и практики подготовки переводчиков», профессор Чайковский подчеркнул важность критического отношения к «любимым теоретическим доктринам ученых и рекомендациям переводчиков-практиков», а также необходимость развития такого отношения у молодых исследователей. Именно так, по его мнению, можно вырастить творчески работающего специалиста, который в своей переводческой деятельности будет стремиться «не соперничать, а сотрудничать с автором», а в сфере научных изысканий — взвешенно подходить к любым популярным веяниям, избегая их фетишизации, остерегаться плагиата и внимательно относиться к употреблению уже существующих и созданию новых научных терминов.

В заключение доклада Р.Р. Чайковский отметил, что современное переводоведение «развивается динамично, в нём всегда непременно будут и значительные достижения, и неизбежные провалы, однако отслеживать процесс этого развития необходимо постоянно», именно в этом залог успеха науки о переводе.

Профессор Женевского университета Ханнелора Ли-Янке размышляла о возможностях развития перевода в условиях трансдисциплинарности, когда каждая наука стремится «расширить свои границы». В докладе «Гетерогенные междисциплинарные связи в науке о переводе» она ознакомила аудиторию с опытом недавно осуществленного междисциплинарного исследования, которое было проведено на стыке переводоведения, когнитивистики и нейронаук.

Профессор Ли-Янке подчеркнула, что междисциплинарные исследования особенно актуальны для такой области науки о переводе как дидактика переводческой деятельности, так они могут способствовать усовершенствованию процесса обучения и познания, помочь найти индивидуальный подход к развитию компетенций. Междисциплинарность создаёт фундаментальную основу для исследований перевода, ориентированных как на процесс, так и на результат, и генерирует предпосылки для синергии научного знания в целом.

Подводя итог, Х. Ли-Янке отметила что, возможно, мы находимся только на начальном этапе того периода, когда станут известны

все возможности и перспективы междисциплинарных исследований. На данном этапе в междисциплинарных исследованиях именно переводоведение пользуется достижениями других дисциплин. Отсюда вопрос — сколько ещё потребуется времени, прежде чем другие дисциплины будут обращаться и пользоваться достижениями науки о переводе? Как только это произойдёт, это будет означать, что наука о переводе получила научное признание среди других дисциплин.

Тему междисциплинарных связей не только в науке о переводе, но и в самой переводческой деятельности, прозвучавшую на открытии конференции продолжил и развил в докладе «Перевод, технологии, культура: о междисциплинарной природе технического перевода» профессор Лейпцигского университета Питер Аксель Шмитт. Он рассмотрел разнообразные, порой курьёзные, случаи, связанные с пониманием как специфических профессиональных, так и бытовых технических реалий носителями разных языков. Профессор Шмитт показал на ярких примерах, насколько разносторонней личностью должен быть переводчик и как необходимо переводчику знание не только самого языка, но и повседневной жизни жителей страны, в которой на нем говорят.

Геополитический ракурс науки о переводе был выбран профессором Майнцского университета имени Иоганна Гуттенберга Мартин Форстнер. Рассматривая инициативу китайского правительства по созданию экономического плана развития стран, через которые пройдёт «пояс», являющийся аналогом Великого Шёлкового пути М. Форстнер уделяет особое внимание вопросам языковой политики этих стран. Меняется ли языковая политика стран благодаря таким проектам? Какой языковой политики придерживается сам Китай? Куда качнётся стрелка геополитических весов: в сторону «многоязычия» — определённой помехи для торгово-экономических отношений, или в сторону всепоглощающего «лингва франка», обесценивающего перевод и обесцвечивающего межкультурные контакты. По мнению автора, стратегия «Один путь — один пояс» — это не только вопрос геополитики или экономики, но и вопрос культурного влияния.

Вопросам взаимодействия культур в переводе был посвящён доклад профессора Пятигорского государственного лингвистического университета Николая Васильевича Барышникова.

О значении русского языка и русской культуры в международном общении, о необходимости дальнейшего продвижения русского языка в разных странах и подготовки переводчиков, работающих с русским языком, говорила профессор Сеульского университета

иностранных языков Ханкук Пан Кеен. В докладе были приведены результаты статистического исследования, проведённого среди молодых корейцев, не изучавших русский язык, о том, как они воспринимают Россию, русскую культуру и русский язык.

На актуальности новых отраслевых двуязычных словарей для работы переводчика заострили внимание участников конференции военные терминологи из Франции Р. Гардер и В. Микулинский. В докладе «Перевод и коммуникация в военной сфере: двуязычная военная терминология» они подчеркнули, что в современном мире успешная коммуникация в деле совместной борьбы с терроризмом приобретает первостепенное значение.

Профессор Иркутского государственного лингвистического университета В.Е. Горшкова обратилась в своем докладе к семиотическим аспектам переводческой деятельности. «Перевод семиотически осложненных текстов: «Цветы для Элджерона» Дэниела Киза в романе и на экране».

Профессор Московского государственного областного университета Георгий Теймуразович Хухуни посвятил свой доклад вопросам перевода священных текстов. «Лингвистические и лингвокультурные аспекты перевода Библии (к 140-летию выхода в свет Синодального перевода).

Завершали пленарные заседания доклады ученых Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова:

Профессор Миронова Надежда Николаевна,

Профессор Манерко Лариса Александровна,

Профессор Голубева-Монаткина Наталия Ивановна,

Доцент Костикова Ольга Игоревна.

Итог работе конференции подвел директор Высшей школы перевода профессор Гарбовский Николай Константинович. В заключительном программном докладе «Трансдисциплинарность как вектор развития науки о переводе» была представлена системологическая модель науки о переводе, которая могла бы интегрировать научные знания об этом явлении, полученные на протяжении долгого периода эмпирическим и теоретическим методами в рамках разных научных дисциплин. По мнению профессора Гарбовского принятие системологической модели науки о переводе и системный подход к исследованию перевода, систематизация научных данных о переводе могли бы свидетельствовать о выходе этой науки к новой парадигме системной трансдисциплинарности.

В рамках четырёх пленарных заседаний в течение двух дней участники обсуждали значение и роль междисциплинарности приме-

нительно к практике перевода. «Междисциплинарность открывает новые возможности для университетов и студентов, новые подходы к науке», — отметила Ханнелора Ли-Янке и с восторгом добавила: «It's a wonderful way!».

Пути к взаимопониманию действительно удивительны и захватывающе интересны. В перерывах между заседаниями в аудитории звучало разноязычное многоголосье — студенты и магистранты, обращаясь друг к другу по-французски, по-китайски, и, конечно, по-русски, увлечённо общались. Возможно, на удивительном профессиональном пути переводчика скоро появятся новые находки.

О.И. Костикова

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

**ГАРБОВСКИЙ Н.К. «О ПЕРЕВОДЕ». М: Форум. 2016. 752 с.
ISBN 978-5-00091-199-0**

Что такое перевод? От абстрактных определений философов, признающих перевод единственной и основной способностью человеческого ума (А.В. Шлегель), а понимание — онтологической сущностью перевода (Дж. Стейнер) до воззрений лингвистов, определяющих перевод максимально скрупулёзно и рельефно, высвечивая ту или иную сторону этого объекта, перевод предстаёт как чрезвычайно сложное и многостороннее явление.

Из-за множественности форм и сфер его бытования единое и всеобъемлющее определение перевода оказывается непростой задачей. Вот уже более двух тысяч лет переводчики и философы, историки и критики, писатели и поэты, литературоведы и лингвисты размышляют о переводе, пытаются установить критерии переводческой верности, стремятся объяснить причины переводческих неудач и отыскать рецепты «хорошего» перевода.

Накопленный веками опыт и его осмысление привели к становлению научной дисциплины, прошедшей в своем развитии, как и всякое научное знание, разные этапы. Современная наука о переводе, формировавшаяся с середины XX века в лоне лингвистики, сегодня представляет собой целый комплекс взглядов, представлений и идей, направленных на истолкование разных сторон своего объекта — перевода. Она имеет собственную понятийно-терминологическую систему и использует данные и методы разных научных дисциплин: культурологии, антропологии, этнографии, психологии, социологии, философии, логики, семиотики, герменевтики, теории коммуникации, кибернетики, информатики и других, что, несомненно, указывает на её междисциплинарный статус.

Книга Николая Константиновича Гарбовского «О переводе» отражает эволюцию взглядов переводчика, исследователя и наставника, посвятившего свою профессиональную и творческую деятельность переводу.

«Каждый раз, когда переводчик-практик получает текст для перевода, — пишет автор, — он оказывается перед проблемой выбора, то есть перед необходимостью одновременно решать множество вопросов не только лингвистического, но и социального, психологического, этнографического, культурологического и других планов».

Сочетание практической переводческой деятельности с постоянным осмыслением и решением задач, которые ставит практика — залог адекватного развития науки о переводе и объяснительной силы её теорий. Как писал русский математик П. Чебышёв, «сближение теории с практикой даёт самые благотворные результаты, и не одна только практика от этого выигрывает; сами науки развиваются под влиянием её: она открывает им новые предметы для исследования, или новые стороны в предметах давно известных». Такой подход, в свою очередь, создаёт прочный фундамент и для дидактики перевода. Монография — яркое тому подтверждение.

В книге собраны работы Н.К. Гарбовского, опубликованные в различных журналах и сборниках в период с 1978 по 2015 год. Разновременность написания статей не нарушает единства книги в целом — материалы собраны в два больших раздела — «Лингвистические основы перевода» и «Трансдисциплинарность научного знания о переводе». Такая организация монографии позволила наиболее рельефно представить эволюцию взглядов ученого на перевод на фоне общего развития науки о переводе.

Первый раздел — «Лингвистические основы перевода» — включает две главы, содержание которых в известной степени отражает движение современной лингвистической науки о речи от функциональной стилистики к теории дискурса. Первая глава, названная «Функциональная стилистика. Теория профессиональной речи. Военный дискурс», отражает взгляды автора на функциональную стилистику в её сопоставительной, точнее контрастивной, разновидности как на методологическую основу для построения адекватной модели перевода специальных текстов.

Научные разыскания автора с самого начала продиктованы необходимостью решения практических задач перевода, переводческого выбора форм. Для достижения прагматически адекватного перевода требовалось включение в систему средств нового необходимого звена — «образов», т.е. речевых образцов, среди документов аналогичного содержания и аналогичной функциональной направленности. «Следовательно, — как отмечает автор, — было необходимо вычленить из соответствующих текстов на переводящем языке некоторые дискурсивные структуры, которые, обладая аналогичной семантикой и прагматикой, могли бы быть использованы в переводе. Разумеется, эти прагматически оправданные образцы превышали не только уровень отдельных слов, но и уровень предложений и выводили из мира отдельных «эквивалентов» и межязыковых соответствий, в другой мир, который Э. Бенвенист и определил как дискурсы (*discours*)»¹.

¹ *Гарбовский Н.К. О переводе. С. 188.*

Как справедливо отмечал Ю.С. Степанов, в 70-е годы прошлого века понятия «функционального стиля» и «дискурса» ещё не были достаточно точно разведены. «Термин дискурс (фр. discours, англ. discourse), — писал он, — начал широко употребляться в начале 1970-х гг., первоначально в значении близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин “функциональный стиль” (речи или языка). Причина того, что при живом термине “функциональный стиль” потребовался другой — “дискурс”, заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. В то время как в русской традиции (особенно укрепившейся в этом отношении с трудами акад. В.В. Виноградова и Г.О. Винокура) “функциональный стиль” означал прежде всего особый тип текстов — разговорных, бюрократических, газетных и т.д., но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, в англосаксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания»².

По мере развития науки становилось все более очевидным то, что теория дискурса представляет собой более перспективное направление исследований по сравнению с функциональной стилистикой. «Во всяком случае, дискурс не может быть сведён к стилю, — продолжал Степанов, — И именно поэтому стилистический подход, создание стилистики как особой дисциплины в рамках изучения данного языка, — в настоящее время уже не является адекватным»³.

Вторая глава первого раздела монографии — «От сопоставительной функциональной стилистики к теории дискурса» — знаменует изменение подхода к исследованию фактов речи в интересах переводческой практики. Глава заканчивается положением о переводном дискурсе, которое перекидывает мостик от межъязыковых сопоставительных исследований стилистического, либо дискурсивного планов к теории перевода. «Одна из задач современных исследований перевода состоит именно в том, чтобы определить параметры переводных текстов, обуславливающие их особое положение в общем дискурсивном пространстве принимающих культур»⁴.

Второй раздел книги — «Трансдисциплинарность научного знания о переводе» — уже по своему названию содержит некоторую интригу: почему вместо общепризнанной «междисциплинарности» современной науки автор настаивает на некой не совсем привычной и потому настораживающей «трансдисциплинарности»?

² Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.

³ Там же.

⁴ Гарбовский Н.К. О переводе. С. 218.

В главах этого раздела раскрывается, как перевод, переводческая деятельность, переводческие стратегии и переводческие решения неизбежно оказываются объектом системного комплексного изучения разных научных дисциплин: философии, семиотики, герменевтики, лингвистики, культурной антропологии, социологии, истории, дидактики.

«Принятие системологической модели науки о переводе и системный подход к исследованию перевода, систематизация научных данных о переводе, получаемых разными научными дисциплинами, могли бы свидетельствовать о выходе этой науки к новой парадигме системной трансдисциплинарности»⁵.

Появление книги Н.К. Гарбовского «О переводе» совпало с 300-летней годовщиной выхода в свет одноименного трактата французского переводчика и математика Клода-Гаспара Баше де Мезириака. В 1715 году была опубликована его речь «De la traduction», написанная им по случаю вступления в члены Французской академии в 1635 году. Можно рассматривать это как простое стечение обстоятельств, но, как писал Мишель Турнье, «Tout est signe»⁶. Для нас это совпадение тоже знаковое.

Дело не только в явном изоморфизме названий двух работ и не в том, что Н.К. Гарбовский — признанный специалист в области французского языка, который является для него ещё и рабочим как для переводчика. И даже не в том, что обе работы написаны практикующими переводчиками, размышляющими о проблемах, которые им хорошо известны, чьи выводы и обобщения ex professo опираются на многолетний опыт и тщательный анализ.

Н.К. Гарбовский в своих работах не раз обращается к труду своего французского предшественника, подчеркивая актуальность его требований к переводу, а также состоятельность его суждений и оценок. Главная же ценность трактата Де Мезириака — в попытке представить описываемые явления в их корреляционной зависимости, объяснить причинно-следственную связь, что даёт основания считать его основополагающим для теории перевода трудом. Размышляя о путях развития современной науки о переводе, Н.К. Гарбовский видит необходимость «синтезировать различные предметные стороны переводческой деятельности как некой системы». Именно в системном подходе, в стремлении представить суждения о переводе в виде системно организованного научного знания видится конгенитальность двух мыслителей, которых разделяет целых три столетия. И вновь «системология как метод научного по-

⁵ Гарбовский Н.К. О переводе. С. 583.

⁶ «Всё есть знак», фр.

знания способствует тому, чтобы наука о переводе вышла на новые рубежи».

Опубликование отдельных параграфов монографии в виде статей в периодической печати приводило к необходимости повторения автором некоторых положений. Редакция посчитала возможным не снимать эти повторы. Кроме того, вопросы, поставленные в работах, написанных в разное время, также могут повторяться, однако такие «репризы» демонстрируют новое осмысление предмета автором и свидетельствуют о спиральной динамике развития идей, поэтому они также оставлены без изменений.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность доктору наук профессору Пан Ке Ён и доктору филологических наук профессору Роману Романовичу Чайковскому, взявшим на себя труд по рецензированию монографии, а также искреннюю благодарность доценту Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова преподавателям А.В. Алевич, Г.М. Литвиновой, А.В. Сериковой, С.Е. Серковой и студентам Н. Есакову, Е. Леоненковой, А. Логуновой за помощь в подготовке рукописи к изданию.

М.Н. Есакова, Ю.Н. Кольцова, О.И. Костикова

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

В.Г. Кульпина,

доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

В.А. Татаринов,

доктор филологических наук, президент Российского терминологического общества (РоссТерм); e-mail: rossterm@mail.ru

О САМОУЧИТЕЛЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РУССКОГОВОРЯЩИХ В ОБЩИХ ЧЕРТАХ И В ДЕТАЛЯХ¹

Представлен оригинальный «Самоучитель чешского языка» А.И. Изотова. Описываются структура и система упражнений для выработки умений и навыков владения чешским языком уровня А1 и А2. Обращается внимание на энтимемные и дифферантные упражнения. Отмечаются сильные и слабые стороны учебника.

Ключевые слова: самоучитель, чешский язык, языковые упражнения, речевые упражнения.

Valentina G. Kulpina,

Dr. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Viktor A. Tatarinov,

Dr. Sc. (Philology), President of Russian Terminology Society;
e-mail: rossterm@mail.ru

ON THE CZECH FOR RUSSIAN SPEAKING SELF-TAUGHT IN GENERAL OUTLINE AND IN DETAILS

There is presented the original Czech for Russian Speaking Self-Taught written by Andrey I. Izotov. The structure and the system of working-out exercises at skills and habits for mastering Czech language on the level A1–A2 are described. The attention is paid to enthymeme and differanny exercises. The merits and demerits of the textbook are considered.

Key words: self-taught, Czech language, language exercises, parole exercises.

Семейство самоучителей иностранных языков пополнилось новым и весьма оригинальным изданием — «Самоучителем чешского языка». Самоучитель А.И. Изотова — это тип учебника для

¹ Рец. на кн.: *Изотов А.И.* Самоучитель чешского языка. М.: Филоматис, 2016. 424 с.

начинающих уровня А1 и А2 — для тех, кто только вступил на тропу изучения языка. Это учебник для всех возрастов и лингвистических потребностей, для любого желающего, для тех, кому чешский нужен по работе и тех, кто всего лишь собирается посетить с экскурсионно-экскурсионной Злату Прагу и хочет знать, что это за язык, на котором там говорят.

Несомненно, учебник А.И. Изотова обладает чрезвычайно высоким профессиональным уровнем — его автор является известным российским богемистом, учёным и практиком, доктором филологических наук, профессором Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Методическая новизна учебника заключается прежде всего в конфигуративности представления языкового материала. Можно сказать, что это учебник-трансформер, так как его базовый тип упражнений нацелен на разного рода трансформационные преобразования грамматических структур и «вопросники-опросники».

Большим плюсом является то, что правила чтения чешских букв, грамматические правила, семантика лексем объясняются от азов в живом доброжелательном ключе. Это касается и сложного материала чешских кратких и долгих гласных, их написания и встречаемости в определённой «комплектации»; в таком же ключе объясняется произношение мягких согласных (с подключением плана сравнения с мягкими в русском языке). Полагаю, что студент захочет довериться такому учебнику (и, конечно, преподавателю, ведущему по нему занятия).

В доброжелательно-естественном ключе даётся такой лексический материал, как цифры, хочется выучить их наизусть, до такой степени они лингвистически притягательно контекстуализованы.

Дружественный характер учебника проявляется в наличии внутри общих тем словариков, распределённых по подтемам, в том числе по тематике диалогов, которыми открывается каждая тема. В конце учебника даётся цельный словарь, составленный с учётом грамматических трудностей: всё для удобства пользователя и его полного удовольствия. Экономия усилий на словарный поиск позволяет вдумчивому студенту сосредоточить больше внимания на дидактическом материале, требующем для своего освоения немалых усилий. То, что в других европейских языках составляет международный фонд — например, названия месяцев, здесь предстаёт в типичных общеславянских образах: leden ‘январь’ (во внутренней форме на-мёк на лёд и леденящий холод), březen ‘март’ — от берёзы, которая в марте так трогательна с её дымчатыми ветками, уже готовыми к новому циклу вегетации, duben ‘апрель’ — конечно же, от названия дуба (в Чехии в апреле у дубов уже проклюнулись их резные

листочки), месяцу květen ‘май’ имя дало слово květ ‘цветочек’ — в радостном мае их уже много.

И ещё чем «берет» учебник — это калейдоскопом чешских имён в разных уменьшительных модификациях, вполне нынешних, реальных и актуальных, что особенно важно, если учесть, что какие-то имена для данного поколения отходят на задний план, переходят в потенциальный фонд, в котором могут «залечь» на многие лета, а могут «воскреснуть» для новой жизни, хотя их вроде как бы вытащили из бабушкиного сундука.

Особый раздел составляют ложные друзья переводчика, тщательно подобранные по яркой контрастности и спрогнозированным эффектам. В целом специфичность чешского языка и культуры ощущается очень сильно и выпукло потому, что она глубоко прочувствована автором. Практически все упражнения и рекомендации построены на так называемой дифференной методике презентации языкового материала. Внимание автора сосредоточено на тщательном показе отличий в языке и узусе форм и семантики чешского языка от русского языка. Приведём пример рекомендации по употреблению будущего времени модальных глаголов: «В отличие от русского языка, в котором конструкции с модальными глаголами образуют будущее время прежде всего присоединением к модальному глаголу приставки (хочу → захочу, могу → смогу, смею → посмею), чешские модальные глаголы образуют будущее время с помощью форм budu, budeš, bude, budeme, budete, budou, например: Budeš chtít tam jít? ‘Ты захочешь туда пойти’» (с. 60).

Автор пособия, таким образом, уверен, что учащийся, не освоивший межъязыковые несоответствия, никогда не освоит иностранного языка.

К исключительно лингвоспецифичным разделам относится раздел обращений, выделяемых по средам общения и по официальной «табели о рангах», даются как полные формы вокатива, так и уменьшительные — невозможно трогательные и милые. Этот раздел исключительно нагляден благодаря подборке ярких показательных примеров.

Базовые грамматические темы учебником полностью охвачены; в каждом из семи крупных тематических разделов они предваряют текущий дидактический нарратив, распределяясь по традиционным грамматическим темам, подтемам и подподтемам с учётом особых трудностей освоения чешского языка в русскоязычной аудитории. К примеру, от общей шапки «Местоимения» автор переходит к отдельным разрядам, и вскоре мы спускаемся в микромир, состоящий из членов парадигм, частиц, окончаний и т.п. Язык, как известно, весь состоит из деталей, которые должны прилагать

друг к другу, и задача преподавателя сделать так, чтобы между кубиками речи и мысли не было зазора, чтобы каждая деталь оказалась на своём месте не только в учебном тексте, но и в реале.

Как и положено в учебнике коммуникативного типа, в нём широко представлен пласт разговорной речи вплоть до базовых фрагментов разговорника. Они помогут общению с носителями языка на обоюдополезные темы. В целом же как большой плюс учебника необходимо отметить использование в нём настоящей, живой, непрепарированной чешской речи, причём с первых учебных шагов; многие сегменты взяты из самых современных интернет-текстов. В учебнике много юмора, что помогает «адепту богемистики» немножко расслабиться, снять учебное напряжение, отбросить смущение. А комплексы лечатся наличием ключей к упражнениям.

Тематика уроков распределена по восьми тематическим блокам: *Семья, В городе, Покупки, В ресторане, Путешествие, Погода, Здоровье, Чешская республика*. В каждом из этих тематических блоков представлены «зонтичные» разделы: *Грамматика; Полезные слова и выражения; Страноведение*. В рамках общего «зонтика» даётся целый ряд ценных с точки зрения языка и культуры тем, касающихся известных людей (в том числе и мира чешской политики), достопримечательностей и далеко отстоящих от нас эпох, разных аспектов культурной жизни Чехии.

Учебник впечатляющ по размерам, тематически насыщен и вместе с тем тщательно проработан в деталях. Однако его «громадьё» есть и его недостаток: тяжело такой «кирпич» постоянно носить на занятия. Очевидно, что если придать учебнику необходимый компонент мультимедийности, его физические масштабы вполне можно сократить на радость обучающимся.

Отметим ещё один плюс учебника. Его исключительно добродушную, доверительную и ласково-естественную модальность как по отдельным разделам, так и всего учебника. Такую модальность помогает сохранить на протяжении всего учебника его коммуникативный характер. Совершенно очевидно, что изучающие язык любят коммуникативные упражнения и в целом учебники коммуникативного типа. Отсюда их несомненная польза для учебного процесса. Натуральность диалогов подкупает, невольно подпадаешь под их очарование. В то же время от внимательного взгляда не уйдёт определённый дидактический академизм учебника в плане выверенности пропорций, выдержанной и продуманной презентации тем, что есть плод высочайшей квалификации автора. Работа над таким учебником чрезвычайно полезна и для самого автора, потому что позволяет в очередной раз разложить языковой мате-

риал на дидактические полочки. В связи с этим заметим, что диалоги, например, не просто взяты из реальной жизни, а отобраны по соответствующим риторическим сущностям. Особенно полезны при изучении иностранного языка коммуникативные упражнения, включающие в свой состав так называемые энтимемные силлогизмы, в которых отсутствует одна из частей суждения. Отсутствующие части силлогизма зачастую имеют этнолингвистическую окраску, но могут иметь и общечеловеческий подтекст, например: «Přijde dinosaurus domů a ptá se maminky: “Mami, půjdu taky do nebe, až umřu?” “Ne. Ty půjdeš do muzea”» ‘Приходит динозавр домой и спрашивает у мамы: «Мама, я тоже отправлюсь на небо, когда умру?» «Нет. Ты отправишься в музей». Энтимема — «все знают, что некоторые ‘непослушные’ динозавры стоят в музеях, а не попадают на небо (что ‘престижнее’)».

Радует, что «Самоучитель чешского языка» прошёл апробацию в студенческой аудитории и готовится его переиздание — рады за коллегу-богемиста Андрея Ивановича Изотова и за студентов. В добрый путь, в интересное путешествие в чешский язык и культуру к нашим чешским соседям.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
опубликованных в журнале «Вестник Московского университета.
Серия 22. Теория перевода» за 2016 год**

	№	С.
Общая теория перевода		
<i>Алевич А.В.</i> Функциональная стилистика и теория перевода: от теоретического осмысления к практическому воплощению . . .	1	3
<i>Ballard Michel.</i> La pratique, base et objet de la theorisation	3	8
<i>Гарбовский Н.К.</i> Практика — основа и объект теории (предисловие к статье М. Балляра)	3	3
<i>Гу Цзюньлин, Хуан Чжунлянь.</i> Система классификации переводческих ошибок.	3	26
<i>Катаев А.О.</i> Адекватные основания смыслового критерия эквивалентности	2	3
<i>Костикова О.И.</i> Междисциплинарная интеграция как вектор развития науки о переводе	4	3
<i>Чайковский Р.Р.</i> Свет и тени современного российского переводоведения	4	5
Теория перевода и лингвистика		
<i>Толкачёв С.П.</i> Билингвизм как отражение мультикультурной парадигмы в современной английской литературе	3	73
<i>Дымант Ю.А.</i> Первичность и вторичность текста автоперевода в свете функциональной модели Р.О. Якобсона	3	87
Перевод и языковая политика		
<i>Martin Forstner.</i> Der wettlauf zur spitze. Chinas projekt eines wirtschaftsgürtels namens seidenstraße / <i>Мартин Форстнер.</i> Китайская стратегия «один пояс — один путь» и услуги в сфере многоязычной коммуникации: вперёд к успеху	4	26
Методология перевода		
<i>Васина Е.А.</i> Ритмика политического текста на китайском языке в зеркале синхронного перевода	2	16
<i>Горшкова В.Е, Лиханова В.В.</i> Перевод семиотически осложнённого текста: «Цветы для Эдджернона» Дэниела Киза в романе и на экране	4	67
<i>Зигмантович Д.С.</i> Политический дискурс как объект устного перевода (на материале речей российских и французских политиков).	3	41
<i>Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н.</i> Акцентологические нормы в речи устных переводчиков	4	81
		123

<i>Исолохти Н.Б., Михайлов М.Н., Зеленин А.В.</i> Невербальная точность устного перевода: трансформации невербальных эмоциональных маркеров в процессе последовательного перевода	1	19
<i>Кузина Е.А.</i> Переводческая интертекстуальность: типология стратегий (на материале переводов цитат в новелле П. Мериме «Arsène Guillot»)	1	42
<i>Кузнецова А.В.</i> Синтаксическая интерференция при последовательном одностороннем переводе с английского на украинский язык во время официальных встреч	1	56
<i>Кошкин Р.К.</i> Сравнительный анализ количественной динамики англо-русского и русско-английского синхронного перевода	2	28
<i>Лаврентьева Е.С.</i> Способы перевода метафорических моделей в поливекторном дискурсе	1	69
<i>Тао Юань, Захаров В.П.</i> «Иностранизация» сочетаемости в конструкциях с предлогом 对 (duì) при переводе научных текстов с русского на китайский	3	58
<i>Шебаршина Д. Ю.</i> Синхронный перевод как герменевтическая аномалия	2	44
<i>Ян Ли, Шэн Хайтао.</i> Комизм в одноактной пьесе А.П. Чехова «Предложение» и его реконструкция при переводе на китайский язык.	1	81

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

<i>Алпатов В.М.</i> Заметки о переводах с японского языка и на японский язык.	1	93
<i>Борисова Л.В., Чуева Э.В.</i> Кластер «неживая природа» в языковой картине мира (руско-чувашские параллели)	1	100
<i>Иванова Н.</i> Об оценочно-вербальной сфере концепта (на примере концепта «успех» в русском и болгарском языках)	1	114
<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.А.</i> О концепт-образующих функциях звуковых и цвето-световых номинаций в военной поэзии и прозе	2	52
<i>Манерко Л.А.</i> Социокультурные особенности схематизации пространственного опыта в переводе с английского на русский язык	4	49
<i>Хромова И.А., Токарева Г.В.</i> Чеховская драматургия в современном китайском театре: проблема рецепции	1	125
<i>Шестакова Ди Франко Н.Н.</i> Язык права и перевод	1	139

Вопросы терминологии

<i>Балканов И.В.</i> Типология военных переводных словарей.	2	77
<i>Балканов И.В.</i> Мегаструктура отраслевого словаря (на материале военных двуязычных словарей XX века)	3	101
<i>Бойко Б.Л.</i> Военная лексика в оригинале и переводе (на материале романа Э.М. Ремарка «Возвращение»)	2	88
<i>Ким Ире.</i> О генетическом происхождении структурных элементов южнокорейских строительных терминов	2	100

<i>Ким Ире.</i> Лингвистический анализ южнокорейской строительной терминологии3	114
<i>Рамунчо Гардер, Владимир Микулинский.</i> Двухязычный военный словарь: русско-французский/французско-русский / Dictionnaire militaire bilingue: russe — français / français — russe4	93

История перевода и переводческих учений

<i>Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т.</i> О лингвистических и лингвокультурных аспектах перевода <i>перевода</i> Библии (к 140-летней годовщине выхода в свет синодального перевода)4	39
---	----	----

Хроника научной жизни

<i>Гарбовский Н.К.</i> Роль современных информационных технологий в повышении качества перевода и развитии эффективных коммуникаций. Круглый стол в Президентской библиотеке имени Б.Н. Ельцина2	114
<i>Костикова О.И.</i> Международный форум по повышению квалификации переводческих кадров Китая1	157
<i>Костикова О.И.</i> Обеспечение равноправного образования через межкультурную коммуникацию: роль негосударственных структур.2	120
<i>Костикова О.И.</i> «В сердце переводоведения». Международная конференция памяти Мишеля Балляра3	131
<i>Костикова О.И.</i> «Наука о переводе сегодня». V Международная конференция.4	106

Рецензии, рефераты, обзоры

<i>Гарбовский Н.К.</i> Рецензия на книгу «Перевод: ремесло, искусство, наука». Иркутск: ИГУ, 2016.3	129
<i>Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Костикова О.И.</i> Н.К. Гарбовский. «О переводе»4	113
<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.А.</i> О самоучителе чешского языка для русскоговорящих в общих чертах и в деталях4	118
<i>Ушаков С.Г.</i> Новое учебное пособие по переводу в серии «Nigopomus»: Ф.Д. Бунятова. «Международное право. Частное право».1	154

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Апри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Бальо Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия);

Бельский Евгений Викторович, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьещи Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия);

Горшкова Вера Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Исолахти Нина Борисовна**, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания);

Кольцова Юлия Николаевна, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Марусенко Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкуров Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Матасов Роман Александрович, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан КёЁн**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия);

Харацидис Элефтериос Константинович, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Чайковский Роман Романович**, доктор филологических наук, профессор, Северо-Восточный государственный университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovskiy, Nikolai K., Editor-in-Chief, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awaiss, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon); **Alexeeva Irina S.**, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Balliu, Christian**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Belsky, Yevgeniy V.**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezzi Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Gorshkova, Vera Ye.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia); **Yesakova, Maria N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Isolahti, Nina B.**, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain); **Koltsova, Yulia N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Lee-Jahnke, Hannelore**, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Manerko, Larisa A.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Marusenko, Mikhail N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Mironova, Nadezhda N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mishkurov, Edward N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Matasov, Roman A.**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan, Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Torsukov, Yevgeniy G.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Forstner, Martin**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Charatsidis, Elefterios K.**, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Holzer, Peter**, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Khukhuni, Georgiy T.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Tchaikovskiy, Roman R.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), North-Eastern State University (Russia); **Schmitt, Peter A.**, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10–15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (5–10 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

— *примечания* в виде постраничных сносок. *Библиографические ссылки*: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998: 125]. При повторном цитировании: [там же: 128] для русскоязычных источников или [ibid.: 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* (TNR 11, слова «Список литературы» — TNR 11, полужирный курсив) сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (in Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты:

vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (495) 932 80 72.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.

Корректор *А. В. Игумнов*
Компьютерная верстка *Ю. В. Одинцовой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.
Тел.: 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 24.04.2017. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,0.
Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 90 экз. Изд. № 10 648. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupublishing.ru

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupublishing.ru

Сайт Издательства МГУ: <http://msupublishing.ru>

Отпечатано

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2074-6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2016. №4. С. 1-128.